

Оглавление

КНИГА ПЕРВАЯ

7

КНИГА ВТОРАЯ

163

КНИГА ТРЕТЬЯ

548

ВОСПОМИНАНИЕ

923

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Летний вечер, сумерки...

Торговый центр американского города, где не менее четырехсот тысяч жителей, высокие здания, стены... Когда-нибудь, пожалуй, станет казаться невероятным, что существовали такие города.

И на широкой улице, теперь почти затихшей, группа в шесть человек: мужчина лет пятидесяти, коротенький, толстый, с густой гривой волос, выбивающихся из-под круглой черной фетровой шляпы, — весьма невзрачная личность; на ремне, перекинутом через плечо, небольшой органчик, каким обычно пользуются уличные проповедники и певцы. С ним женщина, лет на пять моложе его, не такая полная, крепко сбитая, одета очень просто, с некрасивым, но не уродливым лицом; она ведет за руку мальчика лет семи и несет Библию и книжечки псалмов. Вслед за ними, немного поодаль, идут девочка лет пятнадцати, мальчик двенадцати и еще девочка лет девяти; все они послушно, но, по видимому, без особой охоты следуют за старшими.

Жарко, но в воздухе чувствуется приятная истома.

Большую улицу, по которой они шли, под прямым углом пересекала другая, похожая на ущелье; по ней сновали толпы людей, машины и трамваи, которые непрерывно звонили, прокладывая себе путь в стремительном потоке общего движения. Маленькая группа казалась, однако, равнодушной ко всему и только старалась пробраться между захлестывавшими ее встречными потоками машин и пешеходов...

Дойдя до угла, где путь им пересекала следующая улица, — вернее, просто узкая щель между двумя рядами высоких зданий, лишенная сейчас всяких признаков жизни, — мужчи-

на поставил органчик на землю, а женщина немедленно открыла его, подняла пюпитр и раскрыла широкую тонкую книгу псалмов. Затем, передав Библию мужчине, стала рядом с ним, а старший мальчик поставил перед органчиком небольшой складной стул. Мужчина — это был отец семейства — огляделся с напускной уверенностью и провозгласил, как будто вовсе не заботясь, есть ли у него слушатели:

— Сначала мы пропоем хвалебный гимн, и всякий, кто желает восславить Господа, может к нам присоединиться. Сыграй нам, пожалуйста, Эстер.

Старшая девочка, стройная, хотя еще и не вполне сложившаяся, до сих пор старалась держаться возможно более безразлично и отчужденно; теперь она села на складной стул и, вертя ручку органчика, стала перелистывать книгу псалмов, пока мать не сказала:

— Я думаю, мы начнем с двадцать седьмого псалма: «Как сладостен бальзам любви Христовой».

Тем временем расходившиеся по домам люди разных профессий и положений, заметив группу с органчиком, нерешительно замедляли шаг и искоса оглядывали ее или приостанавливались, чтобы узнать, что происходит. Этой нерешительностью, истолкованной как внимание, человек у органчика немедленно воспользовался и провозгласил, словно публика специально собралась здесь послушать его:

— Споем же все вместе: «Как сладостен бальзам любви Христовой».

Девочка начала наигрывать на органчике мелодию, извлекая слабые, но верные звуки, и запела; ее высокое сопрано слилось с сопрано матери и весьма сомнительным баритоном отца. Другие детишки — девочка и мальчик, взяв по книжке из стопки, лежавшей на органе, слабо попискивали вслед за старшими. Они пели, а безлика, безучастная уличная толпа с недоумением глазела на это невзрачное семейство, возвысившее голос против всеобщего скептицизма и равнодушия. В некоторых возбуждала интерес и сочувствие застенчивая девочка у органа, в других — непрактичный и жалкий вид отца, чьи бледно-голубые глаза и вялая фигура, облаченная в дешевый костюм, выдавали неудачника. Из всей семьи одна лишь мать обладала той силой и ре-

шительностью, которые — как бы ни были они слепы и ложно направлены — способствуют если не успеху в жизни, то самосохранению. В ней, больше, чем в ком-либо из остальных, видна была убежденность, хотя и невежественная, но все же вызывающая уважение. Если бы вы видели, как она стояла с книгой псалмов в опущенной руке, устремив взгляд в пространство, вы сказали бы: «Да, вот кто при всех своих недостатках, несомненно, стремится делать только то, во что верит». Упрямая, стойкая вера в мудрость и милосердие той всевидящей, могущественной силы, к которой она сейчас взывала, читалась в каждой ее черте, в каждом жесте.

Любовь Христа, ты мне опорой будь,
Любовь Иисуса — праведный мой путь, —

звучно и немного гнусаво пела она, едва заметная среди громадных зданий.

Мальчик, опустив глаза, беспокойно переминался с ноги на ногу и подпевал не очень усердно. Высокий, но еще не окрепший, с выразительным лицом, белой кожей и темными волосами, он казался самым наблюдательным и, несомненно, самым чувствительным в этой семье; ясно было, что он недоволен своим положением и даже страдает от него. Его больше привлекало в жизни языческое, чем религиозное, хотя он пока еще не вполне это сознавал. Только в одном не приходилось сомневаться: у него не было призвания к тому, что его заставляли делать. Он был слишком юн, душа его — слишком отзывчива ко всякому проявлению красоты и радости, столь чуждых отвлеченной и туманной романтике, владевшей душами его отца и матери.

И в самом деле, материальная и духовная жизнь семьи, членом которой он был, не убеждала его в реальности и силе того, во что, видимо, так горячо верили и что проповедовали его мать и отец. Напротив, их постоянно тревожили всякие заботы, и прежде всего материальные. Отец всегда читал Библию и выступал с проповедями в различных местах, а главным образом в «миссии», расположенной неподалеку отсюда, — он руководил ею вместе с матерью. В то же время, насколько понимал мальчик, они собирали деньги от разных деловых людей, интересующихся миссионерской

работой или склонных к благотворительности и, видимо, сочувствовавших деятельности отца. И все же семье приходилось туго: всегда они были неважно одеты, лишены многих удобств и удовольствий, доступных другим людям. А отец и мать постоянно прославляли любовь, милосердие и заботу Бога о них и обо всех на свете. Тут явно что-то не так. Мальчик не умел разобраться в этом, но все же относился к матери с невольным уважением; он ощущал внутреннюю силу и серьезность этой женщины так же, как и ее нежность. Несмотря на тяжелую работу в миссии и на заботы о семье, она умела оставаться веселой или, по крайней мере, не теряла бодрости; она часто восклицала с глубоким убеждением: «Господь позаботится о нас!» или: «Господь укажет нам путь!» — особенно в такие времена, когда семья уж слишком нуждалась. И, однако, — это понимали и он, и другие дети, — Бог не указывал им никакого выхода даже тогда, когда его благодетельное вмешательство в дела семьи было крайне необходимо.

В этот вечер, бродя по большой улице вместе с сестрами и братишкой, мальчик горячо желал, чтобы все это кончилось раз и навсегда или, по крайней мере, чтобы ему самому не приходилось больше в этом участвовать. Другие мальчики не занимаются такими вещами, есть тут что-то жалкое и даже унижительное. Не раз, еще прежде чем его стали вот так водить по улицам, другие ребята дразнили его и смеялись над его отцом за то, что тот всегда во всеуслышание распространялся о своей вере и убеждениях. Отец всякий разговор начинал словами: «Хвала Господу», — и все ребята по соседству с домом, где они жили, когда мальчику было семь лет, выкрикивали, завидев отца:

— Грифитс, Грифитс! «Хвала Господу», Грифитс!

Или кричали вслед мальчику:

— Вон у этого сестра играет на органчике! А еще на чем она играет?

И зачем только отец твердит повсюду свое «хвала Господу»! Другие так не делают.

В нем, как и в дразнивших его мальчишках, говорило извечное людское стремление к полному сходству, к стандарту. Но его отец и мать были не такие, как все; они всегда слиш-

ком много занимались религией, а теперь, наконец, сделали ее своим ремеслом.

В этот вечер, на большой улице с высокими домами, — шумной, оживленной, полной движения, — он со стыдом чувствовал себя вырванным из нормальной жизни и выставленным на посмешище. Великолепные автомобили проносились мимо, праздные пешеходы спешили к занятиям и развлечениям, о которых он мог лишь смутно догадываться, веселые молодые пары проходили со смехом и шутками, малыши глазели на него, — и все волновало ощущением чего-то иного, лучшего, более красивого, чем его жизнь, или, вернее, жизнь его семьи.

В праздной и зыбкой уличной толпе, которая непрестанно переливалась вокруг, иные, казалось, чувствовали, что в отношении этих детей допускается психологическая ошибка: некоторые подталкивали друг друга локтем, более искусственные и равнодушные поднимали бровь и презрительно улыбались, а более отзывчивые или опытные говорили, что присутствие детей здесь излишне.

— Я вижу здесь этих людей почти каждый вечер — два-три раза в неделю уж во всяком случае. — Это говорит молодой клерк. Он только что встретился со своей подругой и ведет ее в ресторан. — Наверно, какое-нибудь шарлатанство под видом религии, — прибавляет он.

— Старшему мальчишке это не по душе. Видать, он чувствует себя не в своей тарелке. Не годится такого мальчонку выставлять напоказ, коли ему неохота. Он же ничего не смыслит в этих делах, — говорит праздный бродяга лет сорока, один из своеобразных завсегдаев торгового центра города, обращаясь к остановившемуся рядом добродушному на вид прохожему.

— Да, я тоже так думаю, — соглашается тот, заинтересованный незаурядным лицом мальчишка. Смущение и неловкость видны были на этом лице, когда мальчик поднимал голову; нетрудно было понять, что бесполезно и бессердечно принуждать существо с еще не установившимся характером, неспособное постичь психологический и религиозный смысл всего этого, к участию в подобных публичных выступлениях, более подходящих для людей зрелых и вдумчивых.

И все же ему приходилось подчиняться.

Двое младших детей — девочка и мальчик — были слишком малы, чтобы по-настоящему понимать, чем они тут занимаются, и им было все равно. Старшей же девочке урганчика, видимо, даже нравилось внимание зрителей и их замечания о ее наружности и пении, так как не только посторонние люди, но даже отец и мать не раз уверяли, будто у нее прелестный, милый голосок, хотя это было не совсем верно. Голос был не так уж хорош, но все они плохо разбирались в музыке. Девочка — слабенькая, худенькая — ничем особенно не выделялась, в ней не заметно было и признаков духовной силы или глубины. Не удивительно, что пение оказалось для нее единственной возможностью хоть немного выделиться и обратить на себя внимание.

А родители твердо решили способствовать, насколько возможно, духовному очищению общества, и, когда первый псалом был окончен, отец начал разглагольствовать о той радости, которая нисходит на грешников, освобождающихся от тяжких мук совести по воле Господа, благодаря Его милосердию и любви Христовой.

— Все люди — грешники перед лицом Господа, — провозгласил он. — Доколе они не покаются, доколе не приняли Спасителя, Его любовь и всепрощение, не ведать им счастья, душевной чистоты и непорочности. Друзья мои! Если бы вы знали, какой мир и покой нисходят на того, кто всем сердцем постигает, что Христос жил и умер ради всех нас, что Он сопровождает нас ежедневно и ежечасно, при свете и во мраке, на рассвете и на закате дня, дабы поддержать и укрепить нас для трудов и забот, вечно стоящих перед нами. Да, всех нас на каждом шагу подстерегают западни и ловушки! Но как утешительно сознание, что Христос всегда с нами, дабы советовать нам и помогать, ободрять нас, исцелять наши раны и облегчать наши муки! Благая мысль — какой она дарит покой и довольство!

— Аминь! — торжественно заключила жена.

И старшая дочь Эстер — домашние звали ее Эста, — чувствуя, как важно им привлечь внимание публики, эхом повторила за матерью:

— Аминь!

Клайд, старший мальчик, и двое младших детей смотрели в землю и лишь изредка взглядывали на отца; может быть, думалось им, все, о чем он говорит, и верно и важно, но все же не столь значительно и привлекательно, как многое другое в жизни. Они уже наслушались всего этого, и их юный и пылкий ум ждал от жизни большего, чем вот эти проповеди на улице и в миссии.

В конце концов после второго псалма и после небольшой речи, в которой миссис Гриффитс упомянула о руководимой ими миссии, помещавшейся на ближайшей улице, и об их служении заветам Христа вообще, публику ошастливили третьим псалмом и одарили брошюрками о спасительных трудах миссии, а Эйса Гриффитс, глава семьи, собрал кое-какие добротные даяния. Органчик закрыли, складной стул сложили и вручили Клайду, Библию и книжечки псалмов собрала миссис Гриффитс, и, когда органчик был перекинут на ремне через плечо Гриффитса-старшего, семейство направилось к миссии.

Все это время Клайд говорил себе, что больше не желает заниматься этим, что он и его родные смешны и не похожи на других людей; «уличные паяцы» — сказал бы он, если бы мог полностью выразить свою досаду на вынужденное участие в этих выступлениях. Он постарается никогда больше в них не участвовать. Чего ради его таскают за собой? Такая жизнь не по нем. Другим мальчикам не приходится заниматься подобными вещами. Решительнее, чем когда-либо, он помышлял о бунте, который помог бы ему отделаться от всего этого. Пускай старшая сестра ходит по улицам с органом, — ей это нравится. Младшие сестренка и братишка слишком малы, им все равно. Но он...

— Кажется, сегодня вечером публика была несколько внимательнее, чем обычно, — заметил Гриффитс, шагая рядом с женой. Очарование летнего вечера подействовало на него умиротворяюще и заставило благоприятно истолковать обычное безразличие прохожих.

— Да, в четверг только восемнадцать человек взяли брошюры, а сегодня двадцать семь.

— Любовь Христа совершит свое дело, — сказал отец, столько же стараясь подбодрить себя, как и жену. — Мир-

ские утехи и заботы владеют великим множеством людей, но, когда скорбь посетит их, иные из посеянных ныне семян дадут всходы.

— Я в этом уверена. Мысль эта всегда поддерживает меня. Скорбь и тяжесть греха в конце концов заставят некоторых понять, что путь их ложен.

Они повернули в узкую боковую улицу, из которой ранее вышли, и, миновав несколько домов, вошли в желтое одноэтажное деревянное здание, широкие окна которого и два стекла входной двери были покрыты светло-серой краской. Поперек обоих окон и филенок двойной двери было написано: «Врата упования. Евангелическая миссия. Молитвенные собрания по средам и субботам от 8 до 10 часов вечера. По воскресеньям — в 11, 3 и 8 часов. Двери открыты для всех». Под этой надписью на каждом окне были начертаны слова: «Бог есть любовь», а еще ниже помельче: «Сколько времени ты не писал своей матери?»

Маленькая группа вошла в желтую невзрачную дверь и скрылась.

ГЛАВА II

Вполне можно предположить, что у семьи, которая так бегло представлена читателю, должна быть своя, отличная от других, история; так в действительности и было. Семья эта представляла собой одну из психических и социальных аномалий, — в ее побуждениях и поступках мог бы разобраться только самый искусный психолог, да и то лишь при помощи химика и физиолога. Начнем с Эйсы Гриффитса — главы семьи. Это был человек неуравновешенный и не слишком одаренный — типичный продукт своей среды и религиозных идей, неспособный мыслить самостоятельно, но восприимчивый, а потому и весьма чувствительный, к тому же лишенный всякой проницательности и практического чутья. В сущности, трудно было уяснить, каковы его желания и что, собственно, привлекает его в жизни. Жена его, как уже говорилось, была тверже характером и энергичнее, но едва ли обладала более верным или более практическим представлением о жизни. История этого человека и его жены интересна для нас лишь постольку, поскольку она каса-

ется их сына, двенадцатилетнего Клайда Гриффитса. Скорее от отца, чем от матери, этот подросток унаследовал некоторую чувствительность и романтичность; вдобавок он отличался пылким воображением и стремлением разобраться в жизни и постоянно мечтал о том, как он выбился бы в люди, если бы ему повезло, о том, куда бы поехал, что повидал бы и как по-иному бы жил, если бы все было не так, а эдак. До пятнадцати лет Клайда особенно мучило (и ему еще долго потом тяжело было об этом вспоминать), что призвание или, если угодно, профессия его родителей была в глазах других людей чем-то жалким и недостойным. Родители проповедовали на улицах и руководили евангелической миссией в разных городах — в Грэнд-Рэпидсе, Детройте, Милуоки, Чикаго, а последнее время в Канзас-Сити; и всюду окружающие, — по крайней мере мальчики и девочки, которых он встречал, — с явным презрением смотрели и на него, и на его брата и сестер — детей таких родителей! Не раз к неудовольствию отца и матери, которые никогда не одобряли подобных проявлений характера, он вступал в драку с кем-нибудь из мальчишек. Но всегда, побежденному или победившему, ему ясно давали понять, что другие не уважают труд его родителей, считают их занятие жалким и никчемным. И он непрерывно думал о том, что станет делать, когда получит возможность жить самостоятельно.

Родители Клайда оказались совершенно неспособными позаботиться о будущем своих детей. Они не понимали, что каждому из детей необходимо дать какие-то практические или профессиональные знания; наоборот, поглощенные одной идеей — нести людям свет евангельской истины, они даже не подумали устроить детей учиться в каком-нибудь одном городе. Они переезжали с места на место, часто в разгар учебного года, в поисках более широкого поля для своей религиозной деятельности. Порою эта деятельность вовсе не приносила дохода, а поскольку Эйса был не в состоянии заработать много, работая садовником или агентом по продаже новинок, — только в этих двух занятиях он кое-что смыслил, — в такие времена семья жила впроголодь, одевалась в лохмотья, и дети не могли ходить в школу. Но что бы ни думали о таком положении сами дети, Эйса и его

жена и тут сохраняли неизменный оптимизм; по крайней мере, они уверяли себя в том, что сохраняют его, и продолжали непоколебимо верить в Бога и его покровительство.

Семья Гриффитсов жила там же, где помещалась миссия. И квартира и миссия были достаточно мрачны, чтобы вызвать уныние у любого юного существа. Они занимали весь нижний этаж старого и неприглядного деревянного дома в той части Канзас-Сити, что лежит к северу от Бульвара Независимости и к западу от Труст-авеню; дом стоял в коротком проезде под названием Бикел, ведущем к Миссури-авеню, — улице подлиннее, но такой же невзрачной. И все по соседству очень слабо, однако малопривлекательно отдавало духом деловой коммерческой жизни, центр которой давно передвинулся к юго-западу от этих мест. Миссия Гриффитсов находилась кварталов за пять от того перекрестка, где дважды в неделю эти энтузиасты выступали под открытым небом со своими проповедями.

Другой стороной дом выходил на мрачные задние двory таких же мрачных домов. С улицы дверь вела в обширный зал размером сорок на двадцать пять футов: здесь были расставлены рядами штук шестьдесят складных деревянных стульев и перед ними кафедра; стены украшала карта Святой земли — Палестины и десятка два отпечатанных на картоне изречений и текстов в таком примерно роде:

«Вино — обманщик; пить — значит впасть в безумие; кто поддается обману — тот не мудр».

«Возьми щит и латы и восстань на помощь мне». *Псалом 34, 2.*

«И что вы — овцы мои, овцы паствы моей; вы — человеки, а я Бог ваш, говорит Господь Бог». *Книга пророка Иезекииля, 34, 31.*

«Боже! Ты знаешь безумие мое, и грехи мои не сокрыты от Тебя». *Псалом 68, 6.*

«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», — и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». *От Матфея, 17, 20.*

«Ибо близок день Господень...» *Книга пророка Авдия, 1, 15.*

«Злой не имеет будущности». *Притчи, 24, 20.* «Не смотри на вино, как оно краснеет... как змей оно укусит и ужалит, как аспид». *Притчи, 23, 31–32.*

Эти всеильные заклинания были развешаны на грязных стенах, точно серебряные и золотые скрижали.

Остальная часть квартиры представляла собою сложную и хитроумную комбинацию комнат и комнатушек; тут были три маленькие спальни, гостиная, выходящая окнами на задворки и на деревянные заборы других таких же дворов, затем кухня, она же и столовая, размером ровно в десять квадратных футов, и маленькая кладовая, где сложено было имущество миссии: брошюры, книжечки псалмов, сундуки, ящики и всякие другие вещи, которые могли понадобиться не каждый день, но представляли в глазах семьи известную ценность. Эта комнатка-кладовая примыкала непосредственно к залу, где происходили молитвенные собрания, и сюда удалялись мистер и миссис Грифитс для размышления и для молитвы перед проповедью, или после нее, или в тех случаях, когда им надо было о чем-либо посоветоваться.

Часто Клайд, его сестры и младший брат видели, как мать, или отец, или оба вместе увещевали здесь какую-нибудь заблудшую или полураскаявшуюся душу, пришедшую просить совета или помощи (чаще помощи). И здесь же во времена наибольших финансовых затруднений отец и мать сидели и размышляли или, как иногда беспомощно говорил Эйс Грифитс, молили Бога указать им выход из положения. Как позже стал думать Клайд, это плохо помогало им найти выход.

И все вокруг было так мрачно и уныло, что Клайду стала ненавистна самая мысль о том, чтобы жить здесь и впредь, а еще ненавистнее — заниматься делом, служители которого вынуждены постоянно прибегать к кому-то за помощью, вечно молиться и выпрашивать подачки.

Эльвира Грифитс, прежде чем выйти замуж за Эйсу, была просто полуграмотной девушкой с фермы и очень мало задумывалась над вопросами религии. Но, влюбившись в Эйсу, она заразилась от него ядом евангелизма и прозелитизма и восторженно и радостно последовала за ним, разделяя все

его рискованные затеи и причуды. Ей льстило сознание, что она может проповедовать, петь псалмы, что она способна убеждать и подчинять себе людей силою «слова Божия». Это давало ей известное нравственное удовлетворение и укрепляло желание работать вместе с мужем.

Иногда иные слушатели шли за проповедниками до их миссии, либо, прослышав о ней, приходили туда позже — странные, морально неуравновешенные и неустойчивые люди, каких можно найти повсюду. Все годы, пока Клайд не мог еще сам распоряжаться собою, он был обязан помогать родителям во время этих собраний. И всегда его больше раздражали, нежели умиляли, все эти приходившие в миссию мужчины и женщины; чаще это были мужчины: отбившиеся от дела рабочие, бродяги, пропойцы, неудачники, беспомощные и уродливые, которые, казалось, сходились сюда потому, что им больше некуда было идти. И всегда они возвещали о том, как Бог, или Христос, или Божественное милосердие спасли их от того или иного несчастья, и никогда не говорили о том, как сами спасли хоть кого-нибудь. И всегда отец и мать говорили «аминь» и «хвала Господу» и пели псалмы, а после собирали у присутствующих деньги на расходы по содержанию помещения; сборы, как догадывался Клайд, были скудные: их едва хватало на то, чтобы поддерживать жалкое существование миссии.

Лишь одно обстоятельство, связанное с его родителями, по-настоящему интересовало Клайда: насколько он понимал, где-то на Востоке — в маленьком городке под названием Ликург, близ Утики — обретался его дядя, брат отца, живший совсем по-иному. Этот дядя — его звали Сэмюэл Гриффитс — был богат. Из случайных замечаний, оброненных родителями, Клайд понял, что дядя многое мог бы для него сделать, если б только захотел, что он прижимистый, оборотистый делец, что у него в Ликурге великолепный дом и большая фабрика воротничков и рубашек, на которой работает не менее трехсот рабочих. У дяди есть сын, примерно одного возраста с Клайдом, и дочери — кажется, две. Все они жили в роскоши в этом далеком Ликурге, — воображал Клайд. Эти сведения, по-видимому, так или иначе доходили на Запад через людей, знавших и Эйсу, и его брата, и их от-

ца. Клайд представлял себе дядю каким-то Крезом, живущим в довольстве и роскоши там, на Востоке. А здесь, на Западе, в Канзас-Сити, он, его родители, его брат и сестры кое-как перебивались со дня на день: их вечным уделом была жалкая, безысходная нужда.

Но ничто ему не поможет, если только он сам не сумеет помочь себе, — Клайд рано понял это. Лет в пятнадцать, даже немного раньше, Клайд начал понимать, что к его воспитанию, как и к воспитанию его сестер и брата, родители отнеслись, к сожалению, очень небрежно. Теперь ему трудно будет наверстать упущенное, поскольку даже в более состоятельных семьях мальчиков и девочек специально учат, готовя к той или иной профессии. С чего он мог начать при таких условиях? С тринадцати лет он стал просматривать газеты (в дом Грифитсов они не допускались, так как чтение их считалось уж слишком «мирским» занятием) и из объявлений узнал, что всюду требуются либо уже квалифицированные работники, либо мальчики для обучения таким профессиям, которые ничуть его не интересовали. Как всякий средний молодой американец с типично американским взглядом на жизнь, он считал, что простой физический труд ниже его достоинства. Вот еще! Стоять у станка, укладывать кирпичи, стать плотником, штукатуром или водопроводчиком, когда такие же, как он, мальчики становятся клерками или помощниками фармацевтов, или бухгалтерами и счетоводами в банках и различных конторах! Что за жалкая унижительная жизнь, ничуть не лучше той, какую он вел до сих пор: ходить в старом платье, спозаранку подниматься по утрам и выполнять всю ту нудную работу, которой вынуждены заниматься люди физического труда!

Да, Клайд был столь же тщеславен и горд, сколь беден. Он был из тех людей, которые считают себя особенными, не похожими на других. Он никогда не чувствовал себя неотделимой частицей своей семьи и не сознавал по-настоящему, что чем-то обязан тем, благодаря кому появился на свет. Наоборот, он был склонен осуждать своих родителей, — правда, не слишком резко и сурово, с полным пониманием их качеств и способностей. Но, умея столь здраво судить о других, он, однако, до шестнадцати лет не был способен соста-

вить какой-то план действий для самого себя и хватался то за одно, то за другое.

К этому времени в нем заговорил голос пола: его влекла и волновала красота девушек, и ему хотелось знать, может ли он тоже нравиться им. И теперь он, естественно, был немало озабочен собственной внешностью и костюмом: какой у него вид и какой вид у других юношей? Он мучился, сознавая, что плохо одет, не так красив и интересен, как мог бы быть. Что за несчастье родиться бедным, ниоткуда не ждать помощи и быть не в силах помочь самому себе!

Стараясь изучить себя во всех зеркалах, какие только ему попадались, Клайд убеждался, что он вовсе не урод: прямой, точеный нос, высокий белый лоб, волнистые блестящие волосы и глаза черные, порою печальные. Однако сознание, что его семья так жалка и что из-за профессии и окружения родителей у него никогда не было и не будет настоящих друзей, все больше угнетало его и порождало меланхолию, которая не обещала для него в будущем ничего хорошего. Порою он пробовал взбунтоваться, а затем впадал в оцепенение. Поглощенный мыслью о родителях, он забывал о своей внешности — он был в самом деле очень недурен, даже привлекателен — и истолковывал не в свою пользу заинтересованные, пренебрежительные и в то же время манящие взгляды, которые на него бросали девушки совсем другого круга, стараясь узнать, нравятся они ему или нет, смелый он или трусишка?

Однако еще прежде чем он стал хоть что-то зарабатывать, он вечно мечтал: ах, если бы у него были, как у иных счастливых, хороший воротничок, тонкая рубашка, изящная обувь, хорошо сшитый костюм, щегольское пальто! О, красивая одежда, комфортабельная квартира, часы, кольца, булавки... столько юнцов щеголяют всем этим! Многие мальчики в его возрасте — уже настоящие франты! Некоторые родители дарили своим сыновьям — его ровесникам — автомобили в полную собственность. Клайд видел, как они, словно мухи, летали взад и вперед по главным улицам Канзас-Сити. И с ними были хорошенькие девушки. А у него ничего нет. И никогда не было.

А мир так богат возможностями, и столько вокруг счастливых, преуспевающих людей. За что же ему взяться? Ка-

кой путь избрать? Какое изучить дело, которое дало бы ему возможность выдвинуться? Он не мог ответить. Он не знал. А эти странные люди — его родители — сами не были достаточно сведущими и ничего не могли ему посоветовать.

ГЛАВА III

Одно событие, удручающе подействовав на всю семью Гриффитсов, усилило и мрачное настроение Клайда как раз в то время, когда он пытался прийти к какому-то практическому решению: его сестра Эста (он был к ней очень привязан, хоть и имел с нею мало общего) убежала из дому с актером, который приезжал на гастроли в местный театр и мимоходом увлекся ею.

Нужно сказать, что Эста, хоть и получила строгое нравственное воспитание и бывала порой преисполнена религиозного пыла, была все же просто чувственной и безвольной девушкой: она еще не понимала себя и сама не знала, чего хочет. Обстановка, в которой жила Эста, была ей глубоко чужда. Подобно огромному большинству, исповедующему религию только на словах, она затвердила все догматы веры в раннем детстве, сама того не замечая, а смысл этих ежедневно повторяемых слов и поныне оставался ей непонятен. От необходимости думать самостоятельно она была избавлена родительскими наставлениями, законом или «откровением», и до тех пор, пока со всем этим не столкнулись другие теории, другие положения, внешние или даже внутренние побуждения, она была достаточно защищена. Но можно было заранее сказать, что, едва лишь такое столкновение произойдет, религиозные верования, не основанные на ее собственном убеждении и не вытекавшие из особенностей ее характера, не выдержат и первого толчка. Мысли и чувства Эсты, как и ее брата Клайда, постоянно вертелись вокруг любви, приятной и легкой жизни — что вряд ли совместимо с религиозными идеями самоотречения и самопожертвования. Весь ее внутренний мир и все ее мечты противоречили этим требованиям религии.

Но у нее не было ни силы Клайда, ни его сопротивляемости. Она была пассивной натурой, со смутным влече-

нием к красивым платьям, шляпкам, туфелькам, лентам и к прочей мишуре, а религия запрещала об этом мечтать. По утрам и днем после школы, а иной раз и вечером она проходила по длинным оживленным улицам. Ей нравились девушки, гуляющие под руку и шепотом поверяющие друг другу какие-то секреты; нравились юноши, — под их дурачествами и забавной неугомонностью, свойственной молодому животному, чувствовалась сила и значение того настойчивого, инстинктивного стремления найти себе пару, которое таится за всеми мыслями и поступками молодого существа. И когда Эста порою замечала где-нибудь на углу или в подъезде влюбленную пару или встречала томный, испытующий взгляд какого-нибудь искателя приключений, в ней самой поднималось смутное волнение, нервный трепет, громко говоривший в пользу всех зримых и осязаемых радостей земной жизни, а не в пользу бесплотных радостей неба.

И взгляды юношей пронизывали ее, как невидимые лучи, потому что она была хороша собою и с каждым часом становилась все привлекательнее. И влечение молодых людей пробуждало в ней отклик, вызывало те преобразующие химические реакции, которые лежат в основе всей нравственности и безнравственности мира.

Однажды, когда она возвращалась домой из школы, какой-то фатоватый молодой человек заговорил с нею, потому что она, казалось, всем своим видом на это вызывала. И мало что могло бы остановить ее, так как она была хоть и не страстной, но податливой натурой. Однако дома ее так муштровали, внушая, сколь необходимо блюсти скромность, сдержанность, чистоту и тому подобное, что, по крайней мере в данном случае, не было опасности немедленного падения. Но за этой первой атакой последовали другие, она стала принимать ухаживания или не так быстро убегала, и постепенно была разрушена та стена сдержанности, которую воздвигло данное ей воспитание. Она стала скрытной и утаивала от родителей свои похождения.

Случалось, молодые люди, не слушая ее протестов, провожали ее, заговаривали с ней. Они победили ту чрезмерную робость, которая вначале помогала ей отстранять их. Она

стала желать новых встреч, мечтать о какой-то радостной, чудесной, беззаботной любви.

Так медленно, но неудержимо росли в ней эти настроения и желания, — и тут наконец появился этот актер, один из тех тщеславных, красивых и грубых мужчин, у которых только и есть что умение одеваться да внешний лоск, но нет ни на грош нравственности, вкуса, учтивости или хотя бы подлинной нежности; зато в нем было много мужского обаяния, и он сумел за одну неделю, после нескольких встреч, так вскружить голову Эсте, что она оказалась всецело в его власти. А он, в сущности, был к ней почти равнодушен. Для этого пошляка она была просто одной из многих девчонок — довольно хорошенькая, явно чувственная и неопытная дурочка, которую можно взять несколькими нежными словами, — надо лишь притвориться влюбленным и пообещать ей в будущем, когда она станет его женой, счастливую, привольную жизнь да поездки по новым местам.

Но ведь те же слова твердил бы и настоящий влюбленный, который остался бы верен навсегда. Она должна сделать только одно, уверял он: уехать с ним и стать его женой сейчас же, не медля. К чему промедления, когда встречаются люди, созданные друг для друга. Здесь, в этом городе, есть препятствия к их браку, — он не может объяснить, какие именно, это касается его друзей, но в Сент-Луисе у него есть друг пастор, который их обвенчает. У нее будут новые красивые платья, каких она еще никогда и не видела, восхитительные приключения, любовь. Она будет путешествовать с ним и увидит огромный мир. У нее не будет никаких забот и тревог, ей придется заботиться только о нем... Для нее все это было правдой — словесным выражением искренней страсти; для него же это был старый удобный способ обольщения, которым он часто пользовался и раньше, и не безуспешно.

И за одну неделю, в течение которой они встречались урывками — то утром, то днем, то вечером, это нехитрое колдовство увенчалось успехом.

Как-то в апреле, в субботу вечером, Клайд довольно поздно вернулся домой после дальней прогулки (он предпринял ее, чтобы избежать обычных своих обязанностей во время субботнего молитвенного собрания) и нашел отца и мать

в тревоге: Эста исчезла. Она, по обыкновению, играла на органе и пела во время этого собрания и казалась такой же, как всегда. Потом ушла в свою комнату, сказав, что чувствует себя не совсем хорошо и рано ляжет в постель. Но в одиннадцать часов, как раз перед возвращением Клайда, мать случайно заглянула к ней в комнату и обнаружила, что ее нет ни там, ни где-либо поблизости. Какая-то перемена в комнате — не видно было платьев и некоторых мелочей, исчез старый чемодан — привлекла внимание матери. Обыскали весь дом и убедились, что Эсты нигде нет; тогда Эйса вышел на улицу и прошел по ней из конца в конец. Эста иногда гуляла одна или просто выходила в свободное время посидеть под окнами миссии.

Но и эти поиски были тщетны. Тогда Клайд и отец прошли до угла и дальше по Миссури-авеню. Эсты нигде не было. В полночь они вернулись, и волнение в доме, разумеется, усилилось.

Сперва предположили, что Эста, ничего не сказав, отправилась куда-то на прогулку; но когда часы пробили половину первого, потом час, потом половину второго, а Эсты все не было, они уже хотели дать знать в полицию. Но тут Клайд, войдя в комнату сестры, увидел на ее узенькой деревянной кровати приколотую к подушке записку — послание, ускользнувшее от глаз матери. Он кинулся к ней, охваченный предчувствием; он ведь часто спрашивал себя, каким способом известит родителей, если решится тайно уехать от них: он знал, что они по доброй воле никогда его не отпустят, если только сами не предусмотрят все до мелочей. А теперь исчезла Эста, и вот записка от нее, — конечно, такая же, какую мог бы оставить и он. Клайд нетерпеливо схватил ее, спеша прочитать, но в это мгновение в комнату вошла мать и, увидев у него в руках листок бумаги, воскликнула:

— Что это? Записка? От нее?

Он протянул ей записку, мать развернула ее и быстро прочла. Клайд заметил, как широкое строгое лицо матери, всегда красновато-смуглое, побелело, когда она повернулась к дверям. Крупный рот сжался в резкую прямую линию. Большая сильная рука, державшая на весу маленькую записку, чуть-чуть дрожала.

— Эйса! — позвала она, входя в соседнюю комнату, где ждал муж; курчавые седеющие волосы на его круглой голове растрепались. — Прочти это!

Клайд, последовавший за матерью, увидел, как отец нервно схватил записку пухлой рукой, и его старчески вялые, обмякшие губы странно задвигались. Всякий, кто хорошо знал его, сказал бы, что именно с таким видом Эйса и прежде принимал суровые удары судьбы.

— Тц! Тц! Тц! — только это он сначала и произнес — звук, показавшийся Клайду весьма мало выразительным. Новое: «Тц! Тц! Тц!» — и Эйса стал покачивать головой из стороны в сторону. Затем со словами: «Как ты думаешь, почему она это сделала?» — он повернулся и уставился на жену, а та в ответ беспомощно смотрела на него. Затем он принялся расхаживать взад и вперед по комнате, заложив руки за спину, делая короткими ногами неестественно большие шаги и покачивая головой, и снова издал бессмысленное: «Тц! Тц! Тц!»

Миссис Гриффитс всегда сильнее чувствовала, живет на все отзывалась, чем ее муж, — и теперь, в этом тяжелом испытании, она вела себя иначе, естественнее. Какое-то возмущение, недовольство судьбой вместе с видимым физическим страданием, казалось, тенью прошло по ее лицу. Когда муж встал, она протянула руку и, взяв у него записку, впилась в нее глазами; на лице ее появилось жесткое, но в то же время страдальческое выражение. У нее был вид крайне взволнованного и раздосадованного человека, который силится и не может распутать какой-то узел, старается сохранить самообладание и не жаловаться и все-таки жалуется горько и гневно. Позади были долгие годы слепой веры и служения религии, и потому ее ограниченному уму представлялось, что она по справедливости должна быть избавлена от такого горя. Где же был ее Бог, ее Христос, в час, когда совершалось столь очевидное зло? Почему Он ей не помог? Как Он это объяснит? Где Его библейские обеты? Его вечное руководство? Его прославленное милосердие?

Клайд видел, что перед лицом такого огромного несчастья ей трудно найти ответ, — по крайней мере, сразу. Но в конце концов — Клайд был уверен — ей, несомненно, это

удастся. Ибо и она и Эйса, как и все фанатики, в каком-то ослеплении упорно отделяли Бога от зла, ошибок и несчастий, хотя и признавали за ним, несмотря ни на что, высшее могущество. Они будут искать корень зла в чем-то другом — в какой-то коварной предательской лживой силе, которая наперекор Божественному всеведению и всемогуществу соблазняет и обманывает людей, и в конце концов найдут объяснение в греховности и испорченности человеческого сердца — сердца, которое создал Бог, но которым Он не управляет, ибо не хочет управлять.

Но сейчас только боль и гнев бушевали в матери; и все же ее губы не кривились судорожно, как у Эйсы, и в глазах не было такого глубокого отчаяния, как у него. Она отступила на шаг, снова почти сердито перечитала письмо и сказала Эйсе:

— Она сбежала с кем-то, но не сообщает...

И вдруг остановилась, вспомнив о присутствии детей: Клайд, Джулия и Фрэнк — все были здесь, и все напряженно, с любопытством и недоверием смотрели на мать.

— Поди сюда, — сказала она мужу, — мне нужно с тобой поговорить. А вы все шли бы спать, — прибавила она, обращаясь к детям, — мы сейчас вернемся.

Вместе с Эйсой она быстро прошла в маленькую комнатку, примыкавшую к залу миссии. Дети услышали, как щелкнул выключатель, как родители заговорили вполголоса, и все трое многозначительно переглянулись, хотя Фрэнк был слишком мал (ему было всего десять лет), чтобы понять толком, что произошло. Даже Джулия вряд ли вполне понимала значение случившегося. Но Клайд, больше знакомый с жизнью, услышав фразу матери: «Она сбежала с кем-то», — прекрасно все понял. Эсте опостытело все это так же, как и ему. Может быть, она убежала с одним из тех франтов, которых он видел на улицах с красивыми девушками? Но куда? И что это за человек? В записке что-то сказано, но мать не позволила прочитать ее. Слишком быстро отняла. Жаль, что не удалось втихомолку первому в нее заглянуть.

— Как ты думаешь, она совсем убежала? — с сомнением спросил он Джулию, когда родители ушли. Джулия казалась бледной и растерянной.

— Откуда я знаю! — ответила она с досадой: горе родителей и вся эта таинственность взволновали ее не меньше, чем поступок Эсты. — Она мне ничего не говорила. Я думаю, ей было совестно.

Джулия, более сдержанная и спокойная, чем Эста и Клайд, всегда была ближе к родителям и потому теперь огорчилась больше других детей. Правда, она не вполне понимала, что произошло, но кое-что подозревала, потому что и она иногда разговаривала с другими девочками, но только сдержанно и осторожно. Больше всего ее сердило, что Эста выбрала такой способ оставить семью: убежала из дому тайком от родителей, от братьев, от нее, причинила родителям такое страшное горе! Это ужасно! Воздух был насыщен несчастьем.

Родители совещались в маленькой комнатке, а Клайд сидел, глубоко задумавшись: напряженно и пытливо он размышлял о жизни. Что же сделала Эста? Неужели это, как он со страхом предполагал, один из тех ужасных побегов, одна из тех не слишком красивых любовных историй, о которых постоянно шептались мальчишки на улицах и в школе? Какой позор, если так! Она, пожалуй, никогда не вернется. Сбежала с каким-то мужчиной. В этом, конечно, кроется что-то позорное и дурное для девушки, так как он постоянно слышал, что все приличные отношения между юношей и девушкой, между мужчиной и женщиной всегда приводят к одному — к браку. И вот, вдобавок ко всем прочим несчастьям их семьи, Эста пошла на такое! Конечно, их жизнь, и без того достаточно мрачная, станет теперь еще мрачнее!

Вскоре вернулись родители. В лице миссис Гриффитс, все еще напряженном и расстроенном, что-то изменилось: быть может, в нем было теперь меньше отчаяния, больше безнадежной покорности.

— Эста решила уехать от нас, во всяком случае на время, — сказала она, видя, что дети с любопытством ждут объяснений. — Вы не должны о ней тревожиться и много думать об этом. Я уверена, что она через некоторое время вернется. Пока, по некоторым причинам, она пошла своим путем. Да будет воля Господня! («Благословенно имя Господа», — вставил Эйса.) Я думала, что она была счастлива среди нас, но,

по-видимому, я ошибалась. Как видно, она должна сама узнать жизнь. (Здесь Эйса опять издал свое: «Тц! Тц! Тц!») Но мы не должны думать о ней плохо. Это ни к чему. Да руководит нами лишь любовь и доброта.

Однако она сказала это с некоторой суровостью, противоречившей смыслу ее слов; голос ее звенел.

— Мы можем только надеяться, что она скоро поймет, как безумен и легкомыслен ее поступок, и вернется домой. Она не может быть счастлива на том пути, на который вступила. Это не путь Господа и не Его воля. Она слишком молода и впала в заблуждение. Но мы ее прощаем. Мы должны простить. Наши сердца всегда будут открыты для нее, будут исполнены любви и нежности.

Она говорила, словно обращаясь к большой аудитории, но голос ее звучал сурово и печально, лицо было холодное, застывшее.

— Теперь идите спать. Нам остается лишь уповать на милость Божию и молиться утром, в полдень и вечером, чтобы никакое зло не постигло ее. Да, хотела бы я, чтобы она этого не делала, — прибавила она без всякой связи со всей предыдущей речью, очевидно, думая не о стоящих перед нею детях, а только об Эсте.

Но Эйса!

«Что это за отец!» — часто думал впоследствии Клайд.

Кроме собственного горя, он, казалось, еще способен был заметить более глубокое горе жены, — но ничего больше! Все это время он бессмысленно стоял, склонив голову набок, — коротенький, седой, курчавый, ничтожный.

— Да будет благословенно имя Господне, — вставлял он время от времени. — Мы не должны закрывать перед нею наши сердца. Да, да, мы не должны осуждать. Мы должны лишь уповать на лучшее. Да, да! Хвала Господу! Восхвалим Господа! Аминь! О да! Тц! Тц! Тц!

— Если кто-нибудь спросит, где Эста, — после паузы продолжала миссис Гриффитс, даже не взглянув в сторону своего супруга и обращаясь к обступившим ее детям, — мы должны будем сказать, что она уехала к моим родным в Тонаванду. Это не совсем так, но мы ведь и сами не знаем правды, не знаем точно, где она... к тому же она может скоро вернуть-

ся. Значит, мы не должны говорить о ней ничего плохого, пока не узнаем всего.

— Да, хвала Господу, — слабо откликнулся Эйса.

— Если кто-нибудь спросит о ней, пока нам самим ничего не известно, надо отвечать так, как я сказала.

— Конечно, — сказал Клайд услужливо, а Джулия прибавила:

— Хорошо.

Миссис Грифитс замолчала и строго, но в то же время как бы виновато посмотрела на детей. Эйса снова издал: «Тц! Тц! Тц!» — и детей отправили спать.

Клайду очень хотелось узнать, что же было в письме, но он на долгом опыте убедился, что мать ничего не скажет ему, если не сочтет нужным; он ушел в свою комнату, чувствуя, что устал. Почему родители больше не ищут Эсту, если есть надежда ее найти? Где она теперь, вот в эту минуту? Где-нибудь в пути, в поезде? Очевидно, она не желает, чтобы ее нашли. Наверно, ей было здесь так же невыносимо, как и ему. Еще так недавно он сам думал уйти куда-нибудь из дому, представлял себе, как отнеслась бы к этому семья, и вот сестра опередила его. Как это повлияет на его решение и на его поступки в будущем? По правде говоря, несмотря на горе отца и матери, Клайд не мог считать уход сестры таким уж несчастьем, — во всяком случае, не самый уход. Это просто лишнее доказательство, что в доме не все благополучно. Вся деятельность миссии ничего не значит. Во всех этих религиозных чувствах и разговорах тоже мало толку. Они не спасли Эсту. Очевидно, она, так же как и он, не особенно верила во все это.

ГЛАВА IV

Придя к такому заключению, Клайд стал упорнее, чем когда-либо, думать о своем будущем. Он решил, что должен сам предпринять что-то, и притом поскорее. До сих пор ему удавалось найти только такую работу, какая обычно достается мальчикам двенадцати-пятнадцати лет: как-то летом он помогал газетчику разносить газеты; другое лето (а по субботам и зимой) работал на складе магазина стандартных цен: открывал ящики и распаковывал товары, за что получал ще-

дрое вознаграждение — пять долларов в неделю, — сумму, казавшуюся ему тогда целым состоянием. Он чувствовал себя богачом и, наперекор родителям, которые считали театр и кино делом не только мирским, но и греховным, изредка бывал в этих запретных местах где-нибудь на галерке. Такие развлечения приходилось скрывать от родителей. Но это не удерживало Клайда. Он полагал, что имеет право распоряжаться своими деньгами и даже брать с собой младшего брата Фрэнка, который рад был пойти с ним и ни разу не проговорился.

Несколько позже, в тот же год, Клайд решил оставить школу, так как уже сам чувствовал, что слишком отстал; он устроился помощником продавца содовой воды в аптекарском магазине средней руки; магазин находился рядом с театром и был как бы под его покровительством. Проходя мимо по дороге в школу, Клайд случайно увидел объявление: «Требуется мальчик». Затем он поговорил с молодым человеком, помощником которого ему предстояло сделаться и который готов был обучить Клайда новой профессии, если тот будет понятлив и услужлив; из их беседы Клайд понял, что, усвоив это искусство, сможет зарабатывать пятнадцать и даже восемнадцать долларов в неделю. По слухам, столько получают двое служащих в магазине Струда на углу Четырнадцатой и Балтимор-стрит. Магазин, куда хотел поступить Клайд, платил, однако, только двенадцать долларов — обычную ставку в таких заведениях.

Но чтобы постичь это искусство, как сообщили ему, нужно время и дружеская помощь опытного человека. Если он желает поступить сюда и работать для начала за пять долларов (лицо Клайда вытянулось), — ну, скажем, за шесть, — он скоро овладеет искусством составлять сладкие напитки и сдабривать сиропами всевозможные сорта мороженого. Но сперва Клайд будет учеником, а значит, он должен мыть и чистить сифоны и всю посуду на стойке и, само собой, в половине восьмого открывать магазин, подметать, стирать пыль, а также исполнять всякие поручения, которые может дать ему хозяин. В те минуты, когда его непосредственное начальство мистер Зиберлинг — самоуверенный и болтливый двадцатилетний франт — будет перегружен заказами,

он передоверит Клайду приготовление несложных смесей из лимонада, кока-колы и тому подобного.

И вот Клайд, посоветовавшись с матерью, решил принять это выгодное предложение. Во-первых, рассчитывал он, здесь можно будет бесплатно полакомиться мороженым, — немалое преимущество. Во-вторых, как он думал в то время, это откроет ему путь к какой-то профессии, чего ему очень не хватало. Затем — и это тоже большое преимущество — ему придется задерживаться на работе поздно, до двенадцати ночи, а взамен у него будут свободные часы днем. И, значит, по вечерам он не будет дома и не будет посещать вечерних классов в десять часов. От него уже не смогут требовать помощи на молитвенных собраниях, разве только в воскресенье, да и по воскресеньям он тоже будет занят после обеда и вечером.

Кроме того, продавец содовой воды регулярно может получать контрамарки от администратора соседнего театра, боковая дверь ведет из магазина прямо в фойе. Клайд пришел в восторг: так интересно работать в магазине, который составляет как бы часть театра.

Но самое главное, — к удовольствию, а порой и к отчаянию Клайда, — перед каждым спектаклем, а в дни утренних представлений и после спектакля, здесь собирались статистки; они приходили в одиночку или группами, усаживались у прилавка, болтали, смеялись, поправляли перед зеркалом прическу, подкрашивались и пудрились. И Клайд, неопытный птенец, незнакомый с обычаями света, с привычками и манерами женщин, не уставал любоваться красотой этих посетительниц, их смелостью, самоуверенностью и грацией.

Перемывая стаканы, накладывая мороженое, наливая сиропы, укладывая на подносах лимоны и апельсины, он впервые в жизни мог вблизи наблюдать этих девушек. Они — просто чудо! Почти все так хорошо одеты, — кольца, брошки, меха, восхитительные шляпки, красивые туфли! И как часто он слышал разговоры об интереснейших вещах: о пикниках, танцах, обедах, виденных ими спектаклях, о прогулках по окрестностям Канзас-Сити, о том, чем отличается нынешняя мода от прошлогодней и как очаровательны некоторые актеры и актрисы, — главное, конечно, актеры! — которые

играют сейчас в городе или скоро приедут на гастроли. Дома Клайд ни о чем таком не слыхивал.

И очень часто то одну, то другую из этих юных красавиц сопровождал какой-нибудь молодой человек во фраке, в крахмальной манишке, в цилиндре, галстук бабочкой, белых лайковых перчатках, лакированных ботинках, — в костюме, который в то время казался Клайду последним словом хорошего тона, красоты, изящества, благополучия. Носить бы такой костюм и с таким же непринужденным видом! Разговаривать с девушкой так же свободно и хладнокровно, как эти франты! Вот верх совершенства! Ни одна красивая девушка, казалось тогда Клайду, и смотреть на него не станет, если у него не будет такого костюма. Это просто необходимо, это главное! И если только Клайд достигнет этого, — сумеет вот так одеться, — разве это не будет означать, что он твердо стал на путь, ведущий к блаженству? Все радости жизни, конечно, раскроются перед ним. Ласковые улыбки! Тайные пожатия рук, и, может быть, его рука вокруг девичьей талии... поцелуй... обещание жениться... и потом, потом...

И все это — как внезапный луч света после долгих лет, когда надо было без конца ходить с отцом и матерью по улицам, сидеть на молитвенных собраниях, выслушивать неопишуемых, нелепых чудаков, опустившихся и сбившихся с пути, — вечно они рассказывают, как Христос спас их, и что Бог сделал для них. Будьте уверены, теперь он от всего этого избавится. Он будет работать, копить деньги — и станет человеком... Поистине, этот несложный, но образцовый набор банальностей сиял, как чудо духовного перерождения! Это был мираж, возникший перед жаждущим путником — жертвой пустыни.

Однако Клайд быстро убедился, что одно плохо в его новом положении: хотя здесь и можно было научиться составлять различные фруктовые напитки и зарабатывать двенадцать долларов в неделю, — это отнюдь не приближало часа, когда сбудутся недавшие его честолюбивые надежды и стремления. Альберт Зиберлинг, его непосредственное начальство, твердо решил сохранить для себя одного как секреты ремесла, так и наиболее приятную часть работы.

И притом он, заодно с их хозяином аптекарем, полагал, что Клайд должен не только помогать ему, Зиберлингу, в приготовлении напитков, но еще и бегать по всяким поручениям хозяина, а это отнимало у Клайда чуть ли не весь рабочий день.

Словом, Клайду было мало толку от этой работы: он никак не мог одеться лучше, чем прежде. Хуже того, — Клайда угнетало, что у него очень мало денег, почти нет знакомых и связей. В сущности, вне своей семьи он был совсем одинок — и едва ли менее одинок в семье.

Бегство Эсты неблагоприятно отразилось на миссионерской деятельности в Канзасе. И так как Эста не вернулась, родители Клайда стали подумывать о переезде, за неимением лучшего, в Денвер, штат Колорадо. Но Клайд решительно не хотел с ними ехать. «Какой смысл? — спрашивал он себя. — Там просто будет еще одна миссия, точно такая же, как и здесь».

Он всегда жил с родителями — в квартире при миссии на улице Бикел, и терпеть не мог эту жизнь. С одиннадцати лет, с тех пор как семья приехала в Канзас-Сити, он стыдился приводить знакомых мальчиков к себе домой. Поэтому он никогда не имел друзей, а гулял и играл почти всегда один или с братом и сестрами.

Но теперь ему уже шестнадцать, он достаточно взрослый, чтобы жить по-своему, и должен избавиться от такой жизни! Однако он слишком мало зарабатывал — маловато, чтобы прожить одному, и ему не хватало еще умения и смелости для того, чтобы устроиться лучше.

Тем не менее, когда родители заговорили о переезде в Денвер и, не допуская и мысли, что Клайд не захочет поехать с ними, упомянули о возможности для него получить там работу, Клайд стал исподволь намекать, что ему лучше остаться здесь. Он любит Канзас-Сити. Что толку от перемен? У него здесь есть работа, а может быть, он найдет и что-нибудь получше. Но родители, помня о судьбе Эсты, были в большом сомнении. Что может выйти из его попытки так рано начать самостоятельную жизнь? Где он будет жить после их отъезда? С кем? С какими влияниями столкнется в жизни и кто будет рядом, чтобы помочь ему, дать

добрый совет, направлять его по стезе добродетели, стезе, которой следовали они сами? Обо всем этом надо подумать.

Клайд был сильно напуган: переезд в Денвер казался неизбежным и приближался с каждым днем; вдобавок как раз в это время мистер Зиберлинг из-за своей чрезмерной любезности по отношению к прекрасному полу потерял место; в аптекарском магазине появился новый старший продавец, костлявый и мрачный; он, видимо, не желал иметь Клайда своим помощником. И Клайд решил уйти оттуда, но не сразу: сначала, бегая по городу со всякими поручениями, он попробует подыскать себе другое место. И вот во время этих поисков ему однажды пришла в голову мысль обратиться к продавцу прохладительных напитков в большом аптекарском магазине при главном отеле города; отель этот, великолепное двенадцатиэтажное здание, казался Клайду квинтэссенцией роскоши и комфорта. Его окна всегда были плотно завешены, главный вход (Клайд не решался заглянуть дальше) был вычурным сочетанием стекла и металла; за дверями виднелся мраморный коридор, уставленный пальмами. Клайд часто проходил мимо, с мальчишеским любопытством размышляя о том, что за жизнь там, внутри? У подъезда всегда ожидало столько такси и частных автомобилей!

В тот день, подгоняемый необходимостью что-то предпринять, Клайд вошел в аптекарский магазин, занимавший в здании отеля угловое помещение, выходившее на Четырнадцатую и Балтимор-стрит. Увидев кассиршу в маленькой стеклянной будке у входа, Клайд спросил, кто у них здесь ведет продажей содовой воды.

Кассирше понравились его робкие, неуверенные манеры и глубокие, словно умоляющие глаза; она сразу угадала, что мальчик ищет работу.

— Да вот мистер Сикор, управляющий магазином, — сказала она.

Она кивнула в сторону невысокого, строго одетого человека лет тридцати пяти, который устраивал на стеклянном прилавке выставку туалетных новинок. Клайд подошел к нему и, еще не вполне понимая, как надо действовать, когда хочешь чего-то добиться в жизни, но видя, однако, что этот человек поглощен своим занятием, остановился, перемина-

ясь с ноги на ногу, и стоял до тех пор, пока управляющий наконец не почувствовал, что кто-то находится сзади, и не обернулся.

— В чем дело? — спросил он Клайда.

— Скажите, пожалуйста, вам не нужен помощник для продажи содовой воды?

Взгляд Клайда говорил яснее всяких слов: «Если у вас есть место, я так хотел бы, чтоб вы взяли меня! Мне так нужна работа!»

— Нет, нет, нет, — ответил тот.

Этот крепкий блондин был по натуре несколько раздражителен и сварлив. Он уже собирался отвернуться от просятеля, но, увидев по лицу Клайда, как глубоко тот разочарован и огорчен, спросил еще:

— А вы когда-нибудь работали в таком месте?

— Не в таком прекрасном магазине, сэр, — ответил Клайд, пораженный окружающим великолепием. — Я работаю теперь в магазине мистера Клинкла, на углу Седьмой и Бруклин-стрит, но это совсем не то, что у вас, и мне хотелось бы найти что-нибудь получше.

— Мгм, — пробормотал его собеседник, слегка польщенный невинной данью превосходству его магазина. — Что ж, это вполне разумно. Но как раз сейчас я ничего не могу вам предложить. Мы нечасто меняем служащих. А вот если вы хотите поступить рассыльным, я скажу вам, где можно устроиться. Здесь, в отеле, как раз хотят взять мальчика. Начальник рассыльных говорил мне, что ему нужен еще один. Я думаю, это ничуть не хуже, чем помогать продавцу воды.

Затем, увидев, как просияло лицо Клайда, он прибавил:

— Но не говорите, что это я послал вас, ведь я вас не знаю. Просто разыщите там, под лестницей, мистера Скуайрса и поговорите с ним.

При одной мысли, что он может получить работу в столь внушительном учреждении, как отель «Грин-Дэвидсон», Клайд широко раскрыл глаза и задрожал от волнения; потом поблагодарил советчика за его доброту и направился к выкрашенному под мрамор проходу в глубине магазина, который вел в вестибюль отеля. Выйдя из этого коридора, Клайд оказался в вестибюле. Ничего подобного он никог-

да еще не видел: до сих пор бедность и робость мешали ему хотя бы украдкой заглянуть в этот мир. Какая всюду расточительная роскошь! Под ногами пол, как шахматная доска с квадратами черного и белого мрамора; над головой потолок с росписью и позолотой. Его подпирает целый лес черных мраморных колонн, — таких же зеркально гладких и отполированных, как пол. Ряды колонн ведут к трем отдельным входам — правому, левому и центральному, на Дальримп-авеню, а между колоннами — лампы, кресла, диваны и диванчики, статуи, пальмы, ковры — масса всякой всячины. Словом, вестибюль этот был воплощением той пошлой роскоши, назначение которой, как не без ехидства заметил кто-то, «внедрять изысканность в массы».

Действительно, для солидного отеля в большом и процветающем американском торговом городе здесь была почти чрезмерная роскошь. Номера, и холл, и вестибюли, и рестораны были обставлены слишком богато — не было ни облагораживающей простоты, ни изящества, ни целесообразности.

Клайд остановился, растерянно осматривая вестибюль и собравшееся здесь большое общество, — тут были и женщины и дети, но больше всего мужчин; они прогуливались взад и вперед, или стояли и беседовали, или отдыхали в креслах, группами и в одиночку. За тяжелыми драпировками, в роскошно обставленных глубоких нишах, стояли письменные столы с комплектами газет, в одном углу вестибюля — почтовое отделение, в другом — галантерейный киоск и киоск цветочницы, и здесь тоже былолюдно. В это время в городе происходил съезд дантистов, и многие из них со своими женами и детьми собрались сегодня в отеле «Грин-Дэвидсон». Но Клайду, который ничего не знал об этом и вообще не представлял себе, что такое «съезд», казалось, что это и есть обычная, повседневная картина жизни отеля.

В почтительном, пугливом изумлении Клайд смотрел на все вокруг; потом, вспомнив о Скуайрсе, отправился искать его в контору «под лестницей». Лестница оказалась справа от Клайда — огромная, черно-белая, мраморная, с двумя разветвлениями, которые широкими плавными изгибами вели во второй этаж. Между этими двумя большими крыльями лестницы и находилась, должно быть, контора отеля, по-

скольку там толпилось много служащих. За ближайшим крылом, у стены, в которой был проход из аптекарского магазина, помещалась высокая конторка, и за ней стоял юноша, примерно ровесник Клайда, обряженный в коричневый форменный костюм со множеством блестящих пуговиц. На голове у него была маленькая круглая шапочка, точно корбочка от пилюль, лихо сдвинутая на одно ухо. Он карандашом делал записи в лежавшей перед ним книге. Тут были и еще мальчики того же возраста и в такой же форме: одни сидели на длинной скамье, рядом с конторкой, другие стрелой пронеслись во всех направлениях; порою они возвращались к стоящему за конторкой, передавали ему то какую-нибудь квитанцию, то ключ, то счет, а потом снова садились на скамью, ожидая, очевидно, другого поручения, и им как будто не приходилось долго ждать. Почти непрерывно трещал телефон, и юноша за конторкой, выслушав поручение, звонил в стоявший перед ним маленький колокольчик или произносил: «Очередной» — на что отзывался первый сидевший с краю мальчик. Вызванные тотчас бежали к одной из лестниц, или к одной из входных дверей, или к лифтам и после этого почти всегда появлялись, неся вслед за входящими саквояжи, чемоданы, пальто, клюшки для гольфа. Другие мальчики исчезали в глубине вестибюля и возвращались с бутылками на подносах или с какими-нибудь пакетами, которые они несли в один из номеров наверх. Очевидно, такую работу пришлось бы выполнять и Клайду, если бы ему посчастливилось и его приняли на службу в этом отеле.

И все это делалось так бойко, кругом царило такое оживление, что ему очень захотелось оказаться счастливецом и попасть сюда. Но удастся ли это? И где этот мистер Скуайрс? Он подошел к юноше за конторкой и спросил:

— Вы не можете сказать, где мне найти мистера Скуайрса?

— А вот он идет, — ответил юноша, испытующе взглянув на Клайда живыми серыми глазами.

Клайд посмотрел в указанном направлении и увидел, что к ним стремительно приближается щеголеватый и, несомненно, выдавший виды человек лет тридцати. Он был так строен, энергичен и превосходно одет, и у него было такое жесткое, колючее лицо, что Клайд почувствовал не только

смущение, но даже благоговейный страх: видно, это очень хитрый, коварный человек, — у него такой длинный тонкий нос, тонкие губы, такой пронзительный взгляд и острый подбородок...

— Только что вышел высокий седой человек с шотландским пледом, видели? — спросил он своего помощника, оставившись у конторки.

Тот кивнул.

— Так вот, мне сказали, что это лорд Ландрэйл. Он приехал сегодня утром с четырнадцатью сундуками и четырьмя слугами. Подумать только! Важная персона в Шотландии. Впрочем, он путешествует под вымышленным именем. Записан здесь как мистер Блант. Вот они, англичане, — видели? Умеют показать класс, а?

— Совершенно верно, мистер Скуайрс, — почтительно ответил юноша за конторкой.

Только теперь Скуайрс обернулся и бросил беглый взгляд на Клайда. Юноша за конторкой пришел Клайду на помощь.

— Этот паренек хочет с вами поговорить, — объяснил он.

— У вас ко мне дело? — спросил Скуайрс, оборачиваясь к Клайду и окидывая его зорким, изучающим взглядом; не остался незамеченным и дешевый костюм мальчика.

Клайду не очень понравился этот человек, но он решил произвести на него возможно лучшее впечатление.

— Джентльмен из аптекарского магазина сказал мне... — начал Клайд, — то есть он посоветовал обратиться к вам... может быть, на мое счастье, вам нужен рассыльный. Я работаю помощником в аптекарском магазине Клинка, на углу Седьмой и Бруклин-стрит, но хочу уйти оттуда, и тот джентльмен сказал, что вы можете... то есть он думал... может быть, у вас есть свободное место...

Клайд был так смущен и сбит с толку холодным, испытующим взглядом мистера Скуайрса, что едва мог перевести дыхание и судорожно проглотил слюну.

В первый раз в жизни он подумал, что, если хочешь добиться успеха, надо расположить к себе людей, сделать или сказать что-то такое, что понравилось бы им. Итак, собравшись с духом, Клайд заискивающе улыбнулся Скуайрсу и прибавил:

— Если только вы разрешите мне попробовать, я буду стараться изо всех сил.

Человек, стоявший перед Клайдом, в ответ только холодно посмотрел на него; но так как он сам был хитер и умел достигать своей цели разными окольными путями, то ему нравился всякий, кто обладал ловкостью, изворотливостью, умением разговаривать с людьми. И вместо того, чтобы покачать головой и отказать, он заметил:

— Но ведь у вас нет никакого опыта в этом деле?

— Нет, сэр, но я быстро научусь, я буду очень стараться.

— Ну хорошо, я подумаю, — сказал начальник рассыльных, с сомнением почесывая висок. — Сейчас мне некогда. Приходите в понедельник к вечеру. Тогда поговорим.

Он повернулся на каблуках и пошел прочь.

Клайд, оставшись один и не вполне понимая, что все это значит, растерянно озирался. Неужели ему и вправду назначили прийти в понедельник? Неужели возможно, что он... Клайд повернулся и выбежал на улицу, от волнения его била дрожь. Вот это удача! Он попросил, чтобы его взяли на работу в самый лучший отель Канзас-Сити, и ему назначили прийти в понедельник! Вот как?! Что бы это значило? Неужели его могут впустить в этот великолепный мир — и так быстро! Неужели и вправду так будет?

ГЛАВА V

Как разыгралась теперь фантазия Клайда, какие мечты о будущем связаны были у него с работой в столь замечательном учреждении, об этом можно лишь догадываться: его представления о роскоши были в целом сильно преувеличены, ошибочны и нелепы, — просто смутные бредни, плод постоянно подавляемого неудовлетворенного воображения, которое донныне питалось одними выдумками.

Клайд вернулся к своим обязанностям в аптекарском магазине; после работы он шел домой, ел и спал, но, в сущности, все эти дни — пятницу, субботу, воскресенье и понедельник до вечера — он витал где-то в облаках. Он не признавал, что делает, и не раз его начальник в магазине предлагал ему «проснуться». А после работы он шел не прямо домой,

а снова туда, на угол Четырнадцатой и Балтимор-стрит, и смотрел на великолепный отель. Там даже в полночь перед каждым из трех главных подъездов, выходящих на три улицы, стоял швейцар в длинной коричневой ливрее со множеством пуговиц и в высокой коричневой фуражке с большим козырьком. А внутри, за тонкими шелковыми шторами, все еще сияли огни в большом зале ресторана и в баре, помещавшемся в нижнем этаже. У подъездов — множество такси и частных машин. И откуда-то всегда доносится музыка.

Клайд разглядывал это здание в пятницу вечером, и в субботу, и утром в воскресенье, а в понедельник, во второй половине дня, снова явился в отель, как велел мистер Скуайрс; этот субъект встретил Клайда довольно неприветливо, так как успел уже о нем забыть. Но ему действительно нужен был еще один рассылный, и Клайд как будто годился на эту должность; поэтому Скуайрс провел Клайда в свою маленькую контору под лестницей, где величественно и с полнейшим равнодушием стал расспрашивать его о родителях, о том, где он живет, где и чем раньше занимался, чем зарабатывает на жизнь отец. Последний вопрос особенно смутил Клайда. Он был горд, и ему было стыдно признаться, что его родители руководят миссией и проповедуют на улицах. И он ответил (ведь так иногда бывало), что отец его работает в одной фирме агентом по распространению стиральных машин, а по воскресеньям проповедует религиозное обновление; это понравилось начальнику мальчишек, которые меньше всего были склонны к чинному и благочестивому образу жизни. Может ли Клайд представить рекомендацию с места его теперешней службы? Да, может.

Мистер Скуайрс принялся объяснять, что порядки в отеле очень строгие. Многие мальчики, наблюдая жизнь отеля и соприкасаясь с чрезмерной, непривычной для них роскошью (Скуайрс, впрочем, говорил другими словами), теряют голову и сбиваются с пути. Ему постоянно приходится увольнять мальчиков, которые, заработав немного лишних денег, начинают дурно себя вести. Ему нужны мальчики услужливые, воспитанные, расторопные, учтивые. Они должны быть опрятными, одеваться чисто и аккуратно; на работу каждый день должны являться без опозданий, минута

в минуту, и в надлежащем виде. А тот, кто вообразит, что, заработав немного денег, уже можно позволить себе дерзко отвечать или заводить интрижки и участвовать в ночных кутежах, а потом опаздывать на службу или являться утомленным, вялым и неповоротливым, — тот пусть не рассчитывает остаться здесь надолго. Такого выставят в два счета. Он, Скуайрс, не потерпит никаких глупостей. Это надо усвоить теперь же, раз и навсегда.

Клайд кивал в знак согласия и время от времени вставлял с готовностью: «Да, сэръ» или «Нет, сэръ»; под конец он заверил мистера Скуайрса, что и подумать не может о том, чтобы столь неприлично себя вести, да и по своему характеру просто не способен на такие проступки, о которых говорит мистер Скуайрс.

Затем Скуайрс объяснил, что мальчики получают в отеле только пятнадцать долларов в месяц, а также стол (в подвальном этаже находится специальная столовая для служащих). Но — и это сообщение было самым удивительным открытием для Клайда — каждый гость за любую услугу, — если мальчик принесет чемодан, или кувшин воды, или выполнит еще какое-нибудь поручение, — дает на чай, и порой довольно щедро: десять, пятнадцать, двадцать пять центов, иногда больше. И эти чаевые составляют в среднем от четырех до шести долларов в день, не меньше, а иногда и больше, — огромные деньги, подумал Клайд. Сердце его подпрыгнуло, он чуть не ахнул, услышав о такой громадной сумме. От четырех до шести долларов в день! Да ведь это значит двадцать восемь или даже сорок два доллара в неделю! Он с трудом верил своим ушам. И это сверх пятнадцати долларов в месяц и питания. И, кроме того, сказал мистер Скуайрс, из жалованья ничего не удерживают за красивую форму, которую носят рассыльные в отеле. Но ее можно носить только на работе. Затем мистер Скуайрс объяснил, что по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям Клайд должен работать от шести утра до полудня и затем, после шестичасового перерыва, с шести вечера до полуночи; по вторникам, четвергам и субботам он будет занят только от полудня до шести; таким образом, у него будут свободными то вторая половина дня, то вечер; но завтракать и обедать он должен

в свои свободные часы. Наконец, вместе с другими мальчиками, он обязан пунктуально, в форменной одежде являться на поверку, Скуайрс производит ее ровно за десять минут до начала каждой смены.

Мистер Скуайрс думал еще и о других вещах, но умолчал о них: он знал, найдутся люди, которые скажут за него. А пока он продолжал что-то объяснять и вдруг, совершенно неожиданно для Клайда, слушавшего все это, как во сне, спросил:

— Полагаю, вы можете приступить к работе сейчас же?

— Да, сэр! Конечно, сэр! — ответил Клайд.

— Отлично!

Скуайрс поднялся и распахнул дверь.

— Оскар! — позвал он ближайшего из сидевших на скамье рассыльных, и к нему поспешно подошел рослый, плечистый юноша, затянутый в чистенькую форменную курточку. — Отведите этого молодого человека — Клайд Гриффитс, не так ли? — на двенадцатый, в гардеробную, чтобы Джекобс подобрал ему костюм. Если не найдется подходящего, пусть подгонит какой-нибудь к завтрашнему дню. Но, я думаю, ему будет впору тот, что носил Силсби.

Затем, обращаясь к своему помощнику, глядевшему из-за конторки на Клайда, мистер Скуайрс пояснил:

— Беру его на пробу. Пусть кто-нибудь из мальчиков натакает его сегодня вечером или когда он там начнет. Ступайте, Оскар, — сказал он юнцу, которому поручил Клайда. — Он новичок в нашем деле, но, я думаю, справится, — прибавил мистер Скуайрс, снова обращаясь к помощнику, когда Клайд и Оскар направились к одному из лифтов.

И он пошел сказать, чтобы имя Клайда внесли в платежную ведомость.

Тем временем Клайд, идя на буксире за своим новым ментором, выслушивал ряд таких сведений, какие еще никогда не достигали его ушей.

— Тут нечего трусить, даже коли никогда и не работал в таком месте, — начал этот юнец.

Как позже узнал Клайд, его звали Хегленд, он был родом из Джерси-Сити, штат Нью-Джерси, откуда и привез свой экзотический жаргон и размашистые жесты. Он был высо-

кий, крепкий, рыжеволосый, весь в веснушках, болтливый и добродушный.

Они вошли в лифт с надписью «для служащих».

— Это штукавина нетрудная, — продолжал спутник Клайда. — Вот когда я впервые стал работать в Буффало, три года назад, так ни бум-бум не смыслил. Ты только гляди, что да как другие делают, понял?

Клайд, гораздо более образованный, чем его спутник, мысленно с неодобрением отмечал неправильности его произношения и жаргонные словечки, но был в эту минуту так благодарен за малейший знак внимания, что охотно простил бы своему благодушному наставнику все, что угодно, за его дружелюбие.

— Сперва гляди, кто что делает да как, тогда и сам навостришься. Вот звякнет звонок, а ты сидишь крайним на скамейке, стало быть, твой черед, вскакивай и беги. Они тут любят, чтоб поживей, понял? Коли кто войдет в подъезд или вылезет из лифта с чемоданом, а ты тут крайний на скамейке — беги и хватай чемодан, все равно — звал старшой или нет. Не жди, пока он позовет, — он иногда занят, не видит. Тут надо и самому не зевать. Не ухватишь чемоданы — не получишь на чай, понял? У кого в руках чемодан или что другое, тому, ясно, надо помочь, разве что он сам захочет тащить свой багаж. Всегда надо быть поближе к конторке, потому что, кто входит, все первым долгом запишутся и спросят номер, — трещал он дальше, пока они поднимались в лифте. — Потом клерк даст тебе ключ, — тогда волоки весь багаж прямо в номер. Потом, если номер с ванной и с уборной, зажги всюду свет, чтоб они видели, где что, понял? Потом подними занавески, коли день, а коли вечер, — опусти и погляди, есть ли в номере полотенца, а коли нет, скажи горничной, а потом, коли не дадут на чай, уходи. Только сперва покрутись там еще, повозись с ключом у двери, проверь форточку, в общем, застрянь малость, понял? Тогда, коли они чего смыслят, так дадут монетку, а уж коли не дадут, значит — крышка, надо уходить. И нельзя подавать виду, что недоволен, ничего такого, понял? А потом, коли не попросят воды со льдом или еще чего, значит — крышка. Иди вниз и живо на скамейку. Штука несложная. Толь-

ко поворачивайся поживей, да не зевай, когда кто входит или выходит. В этом вся соль. А как получишь форму да начнешь работать, не забывай отдавать начальнику доллар после каждой смены, когда уходишь, понял? А когда две смены в день — так два доллара. Такой уж порядок. Все мы так делаем, и тебе придется, коли хочешь тут зацепиться. Но уж это все. Остальное — твое.

Клайд понял.

Очевидно, из его двадцати четырех или тридцати двух долларов часть ускользает, — примерно долларов одиннадцать или двенадцать. Ну, не беда! Ведь у него останется еще двенадцать или пятнадцать, а может, и больше. И сверх того еда и форма. Господи Боже! Да это же сущий рай! Предел всех желаний!

Мистер Хегленд из Джерси-Сити проводил его на двенадцатый этаж, в комнату, где они застали сморщенного седого человечка неопределенного возраста и нрава; он тотчас подобрал Клайду костюм, оказавшийся настолько впору, что никаких переделок не потребовалось. Примерив несколько шапочек, Клайд нашел такую, которая тоже оказалась впору, и лихо сдвинул ее набекрень; оставалось только постричься: «Волосы у тебя длинноваты, надо бы сзади подрезать», — заметил Хегленд. Клайд и сам подумал об этом, еще раньше, чем Хегленд заговорил. Его волосы действительно были длинноваты для такой шапочки, и Клайд сразу их возненавидел.

Когда они вернулись вниз, к Уиплу, помощнику мистера Скуайрса, тот сказал:

— Порядок! Костюм в самый раз, правда? Ладно, приступай в шесть часов. Придешь к половине шестого и явишься в форме на поверку без четверти шесть.

После этого, выслушав соответствующие наставления Хегленда, Клайд отправился в гардеробную, запер свою форменную одежду в шкафчик, указанный гардеробщиком, и, взволнованный, выбежал из отеля — сперва подстричься, а потом домой, сообщить родным о своем счастье.

Он будет рассыльным в великолепном отеле «Грин-Дэвидсон»! Он будет носить форму, да еще такую красивую. Он будет получать... но он не сказал матери точно, сколько

будет получать. Для начала, вероятно, около одиннадцати или двенадцати долларов, он еще не знает наверно. В перспективе он вдруг увидел некоторое материальное благополучие если не для всей семьи, то хотя бы для себя одного, и ему не хотелось осложнять дело, назвав подлинную сумму своего будущего заработка: конечно, родители тогда станут больше с него требовать. Он сказал, однако, что будет бесплатно столоваться в отеле, — значит, ему незачем приходиться домой к обеду, а как раз этого он и хотел. И вдобавок он будет жить и дышать в атмосфере этого великолепного отеля... Он сможет, при желании, возвращаться домой не раньше полуночи... сможет хорошо одеться... и завести интересные знакомства... И, пожалуй, немного поразвлечься... Ого!

И пока он бегал по всяким делам, ему пришла на ум еще одна лукавая и восхитительная мысль: он может не приходиться домой в те вечера, когда захочет пойти в театр или еще куда-нибудь. Он просто останется в городе, а после скажет дома, что ему пришлось работать. И к тому же даровой стол и форменная одежда! Подумать только!

Все это было так поразительно, так увлекательно, что он даже боялся слишком много об этом думать. Лучше подождать и посмотреть. Просто — подождать и посмотреть, чего он может достигнуть здесь, в этом чудесном, чудесном царстве!

ГЛАВА VI

Крайняя неопытность Гриффитсов — Эйсы и Эльвиры — во всех житейских, практических вопросах помогла Клайду осуществить свои мечты. Ибо ни Эйса, ни Эльвира не имели представления об истинном характере работы, на которую поступал Клайд, — едва ли они знали об этом больше, чем он сам; они не представляли себе, как эта работа может повлиять на его воображение и нравственность, на его материальное положение и на многое другое. Никогда в жизни ни Эйса, ни его жена не останавливались в отеле выше четвертого разряда; никогда не бывали в ресторанах, где обедают люди более состоятельные, чем они сами. Им совершенно не приходило в голову, что для мальчика в возрасте

Клайда и с его характером возможна какая-то другая работа и иные формы общения с людьми, помимо переноски чемоданов от дверей отеля к конторке и обратно. И оба они наивно полагали, что плата за такую работу должна быть очень невысокой, скажем, пять или шесть долларов в неделю, в сущности меньше, чем заслуживал Клайд по своим годам и способностям.

Поэтому миссис Гриффитс, которая была все же практичнее, чем муж, и больше заботилась о материальном благополучии Клайда и других детей, недоумевала: почему вдруг Клайд так радуется новой службе, которая, по его же словам, будет отнимать больше времени и даст едва ли больше денег, чем прежняя. Правда, Клайд уже намекнул, что в отеле можно и повышение получить, например стать клерком, — но он и сам не знал, когда это будет, а на прежнем месте он скорее мог бы добиться чего-то лучшего, по крайней мере в смысле заработка.

Но когда в понедельник он примчался домой и объявил, что получил место и что ему надо поскорее сменить галстук и воротничок, подстричься и бежать назад, на поверку, она, глядя на него, успокоилась. Никогда прежде она не замечала, чтобы он так увлекался чем-либо; ему же будет лучше, если он почувствует себя увереннее в жизни и станет повеселее.

Он отдавал этой работе все свое время с шести часов утра до полуночи; лишь изредка он возвращался раньше в какой-нибудь не занятый работой вечер, когда ему вдруг приходило в голову пойти домой, — и тогда он спешил объяснить, что его отпустили немножко раньше времени. В манерах его появилось что-то резкое, беспокойное; если только он не спал и не переодевался, он тотчас старался убежать из дому... Все это, вместе взятое, сильно озадачивало и мать и отца. Отель! Отель! Вечно он торопится в этот отель, но из его слов можно лишь понять, что ему там очень нравится и что с делом своим он как будто справляется. Работа эта куда приятнее, чем возня с содовой водой, и он надеется, что сможет зарабатывать здесь больше, и очень скоро, но когда — точно не знает... Однако сверх этого он ничего не хотел или не мог рассказать.

Отец и мать Клайда все время чувствовали, что из-за истории с Эстой им следует уехать из Канзас-Сити и поселиться в Денвере. А Клайд упорнее чем когда-либо хотел остаться в Канзас-Сити. Они могут ехать, но у него здесь хорошая работа, и он намерен за нее держаться. Если они уедут, он найдет себе комнату, и все будет хорошо. Но этот план совсем не нравился родителям,

А какая огромная перемена произошла в жизни Клайда! В тот первый вечер, ровно в пять сорок пять, он явился к мистеру Уиплу, своему ближайшему начальнику, и был им одобрен, — не только за то, что на нем хорошо сидел форменный костюм, но за свой вид в целом, — и с этой минуты весь мир для него преобразился. Клайд и еще семеро юнцов выстроились перед мистером Уиплом в служебном помещении, которое примыкало к бюро по обслуживанию, и начальник осмотрел их; после этого, как только часы пробили шесть, весь отряд промаршировал по вестибюлю мимо главного бюро и большой лестницы к конторке Уипла и дальше, к длинной скамье. Здесь все восемь мальчиков уселись (Клайд — последним в ряду) в ожидании вызова, готовые броситься выполнять любое поручение; сменившаяся команда мистера Уипла была отведена в помещение для служащих и там отпущена. Пост Уипла за конторкой занял сменивший его мистер Барнс.

Дзинь!

Зазвонил звонок у конторки номерного клерка, и первый мальчик убежал.

Дзинь! — прозвенело снова, и вскочил второй мальчик.

— Очередной! К центральному входу! — крикнул мистер Барнс, и третий мальчик заскользил по мраморному полу к двери и подхватил чемоданы входящего гостя, чьи белые бакенбарды и не по возрасту светлый шерстяной костюм даже неопытный глаз Клайда различил за сто шагов. Таинственное и священное видение — чаевые!

— Очередной! — снова позвал мистер Барнс. — Узнай, чего желает девятьсот тринадцатый. Воды со льдом, наверно.

И четвертый мальчик исчез.

Клайд, все время передвигавшийся по скамейке вслед за Хеглендом, которому было поручено подучить его немного,

весь обратился в зрение и слух. Нервы его были так натянуты, что он с трудом дышал, поминутно вздрагивал и никак не мог усидеть спокойно; Хегленд наконец сказал ему:

— Брось ты трусить. Держи крепче вожжи, понял? Все будет в порядке. Меня сперва тоже трясло, с новичками всегда так. Но этак не годится. Полегче надо, вот что. И нечего тарашиться по сторонам — смотри прямо перед собой, буд-то тебе и дела нет ни до кого.

— Очередной! — опять крикнул мистер Барнс.

Клайд едва соображал, о чем говорит Хегленд.

— Сто пятнадцатый требует бумаги и перьев.

Пятый мальчик скрылся.

— Где вы берете бумагу и перья, когда надо? — умоляюще, тоном приговоренного к смертной казни, спросил Клайд своего наставника.

— Я же говорил тебе — у клерка, где ключи выдают. Вон, налево. Он даст и бумаги и перьев. А воду со льдом берешь в том зале, где мы сейчас строились на поверку. Вон там, в углу, маленькая дверь, видишь? Парню, который наливает воду, иной раз дашь десять центов, — его тоже надо задобрить.

Дзинь! — звонок номерного клерка.

Шестой мальчик, не говоря ни слова, отправился выполнять какое-то поручение.

— И еще запомни, — продолжал Хегленд, видя, что подходит его очередь, и спеша дать Клайду последние наставления, — коли захотят чего выпить, напитки получишь вон там, за столовой. Да не путай названий, а то гости разозлятся. А коли вечером будешь показывать номер, спусти шторы да открой свет, а коли надо чего в столовой, разыщи там старшого да сунь ему в руку — понял?

— Очередной!

Хегленд вскочил и исчез.

Теперь Клайд был первым номером. Четвертый номер уже снова сел около него, зорко поглядывая — не понадобятся ли где-нибудь его услуги.

— Очередной! — возглас Барнса.

Клайд вскочил и стал перед ним, радуясь, что никто не входит с чемоданами, но терзаясь страхом, что не поймет поручения или выполнит его недостаточно быстро.

— Узнай, чего хочет восемьсот восемьдесят второй.

Клайд помчался к лифтам с надписью «для служащих», помня, что именно этим путем он поднимался с Оскаром на двенадцатый этаж; но другой мальчик, выходявший из лифта для гостей, указал ему на его ошибку.

— Вызвали в номер? — окликнул он. — Тогда иди к лифту «для гостей». А эти два для служащих и для тех, кто с вещами.

Клайд поспешил исправить свой промах.

— На восьмой, — сказал он.

В лифте больше никого не было, и маленький негр-лифтер заговорил с Клайдом:

— Новенький, да? Не видал вас раньше.

— Да, я только что поступил, — ответил Клайд.

— Ну, вам тут понравится, — дружелюбно сказал мальчик. — Тут, знаете, всем нравится. Вам какой этаж, восьмой?

Он остановил кабину лифта, и Клайд вышел. От волнения он забыл спросить, в какую сторону ему идти, и теперь, начав искать нужный номер, быстро убедился, что попал не в тот коридор. Пушистый коричневый ковер под ногами, светлые, окрашенные в кремовый цвет стены, мягкий свет, льющийся сквозь белоснежные шары, вделанные в потолок, — все это казалось ему атрибутами наивысшего социального благополучия, почти неправдоподобного совершенства, — так далеко это было от всего, что он знал.

Наконец, отыскав номер 882, он робко постучал и через мгновение в приоткрывшуюся дверь увидел кусок синей в белую полоску пижамы и выше — соответствующую часть круглого румяного лица и один глаз, окруженный морщинами.

— Вот тебе доллар, сынок. — Казалось, что это говорил глаз, и сейчас же появилась рука, державшая бумажку в один доллар. Рука была толстая и красная. — Сбегай к галантерейщику и купи мне пару подвязок. Бостонские подвязки, шелковые. Да поскорее!

— Слушаю, сэр, — ответил Клайд и взял доллар.

Дверь захлопнулась, а Клайд уже мчался по коридору к лифту, гадая про себя, что такое «галантерейщик». Хотя Клайду было уже семнадцать лет, он не знал этого слова, —

никогда прежде не слышал его или, может быть, слышал, но не обращал внимания. Если б ему сказали «магазин мужского белья», он бы сразу понял. Но ему велели пойти к «галантерейщику», а он не знал, что это такое. Холодный пот выступил у него на лбу. Колени подгибались. Черт! Как теперь быть? Что, если он спросит у кого-нибудь, даже у Хегленда, и его сочтут...

Он вошел в лифт, и кабина пошла вниз. Галантерейщик... Галантерейщик... И вдруг его осенило. Допустим, он не знает, что это такое. Но в конце концов нужна пара шелковых бостонских подвязок. Где же достать шелковые бостонские подвязки? Ясно, там, где вообще покупают принадлежности мужского туалета. Ну конечно! Магазин мужского белья. Надо сбегать в магазин. И по дороге вниз, заметив, что и этот негр-лифтер смотрит приветливо, он спросил:

— Не знаете, где тут поблизости магазин мужского белья?

— В этом же здании, как раз около южного входа, — ответил негр, и Клайд, испытывая величайшее облегчение, поспешил туда.

Он все еще чувствовал себя неловко и странно в туго затянутой форменной куртке и в этой забавной круглой шапочке. Ему все казалось, что она вот-вот слетит с головы, и он исподтишка то и дело старался надвинуть ее поплотнее. Вбежав в ярко освещенный магазин, он торопливо сказал:

— Мне надо пару шелковых бостонских подвязок!

— Отлично, сынок, пожалуйста! — елейным тоном сказал галантерейщик, невысокий, румяный человек с блестящей лысиной и в золотых очках. — Наверно, для кого-нибудь в отеле? Ну вот, это стоит семьдесят пять центов, а вот десять центов для тебя, — сказал он, завертывая покупку и опуская доллар в кассу. — Я всегда рад услужить мальчикам из отеля: знаю, что вы и в другой раз ко мне придете.

Клайд взял десять центов и пакет. Он не знал, что и думать. Подвязки стоят семьдесят пять центов — так сказал галантерейщик. Значит, вернуть нужно только двадцать пять центов сдачи. Выходит, десять центов остаются ему. А теперь... может быть, и гость тоже даст ему на чай.

Он побежал назад в отель, к лифту.

Где-то играл струнный оркестр, и чудесные звуки наполняли вестибюль. Неторопливо проходили люди, — такие нарядные, самоуверенные, так непохожие на тех, кого он встречал на улицах и вообще вне стен отеля «Грин-Дэвидсон».

Дверца лифта распахнулась. Несколько человек вошли в кабину, после всех — Клайд и другой рассыльный, поглядевший на него с любопытством. На шестом этаже этот мальчик вышел. На восьмом вышли Клайд и пожилая дама. Он поспешил к двери номера 882 и постучал. Дверь приоткрылась; обитатель номера успел сменить пижаму на брюки и побриться.

— А, уже! — воскликнул он.

— Да, сэр, — ответил Клайд, протягивая пакет и сдачу. — Он сказал, что подвязки стоят семьдесят пять центов.

— Он просто грабитель! А сдачу все равно возьми себе, — ответил тот, протянул Клайду двадцать пять центов и закрыл дверь.

Мгновение Клайд стоял как замороженный. «Тридцать пять центов, — думал он, — тридцать пять центов! За одно пустячное поручение! Неужели тут всегда так? Не может быть! Это невозможно!» Ноги его тонули в мягком ковре, а рука сжимала в кармане деньги; в эту минуту он готов был завизжать или громко расхохотаться. Шутка — тридцать пять центов за такой пустяк! Один дал ему двадцать пять центов, другой — десять, а ведь он ничего не сделал.

Внизу он поспешно выскочил из кабины. В вестибюле его снова пленили звуки оркестра, а нарядная толпа, сквозь которую он пробирался обратно к скамье рассыльных, привела его в трепет.

Затем его послали отнести три чемодана и два зонтика пожилой супружеской чете, — видимо, фермерам, снявшим номер с гостиной, спальней и ванной на пятом этаже. По дороге, как заметил Клайд, супруги внимательно разглядывали его, хотя ни слова не сказали. Как только они вошли в номер, Клайд быстро повернул выключатель около двери, опустил шторы и разместил чемоданы; и тут пожилой и неуклюжий супруг, все время наблюдавший за Клайдом, — весьма солидная личность в бакенбардах, — изрек наконец:

— А вы как будто юноша исполнительный и проворный. Нам попадались и похуже, скажу я вам.

— Я вообще считаю, что отель — не место для мальчика, — прошептала его любезная супруга, пышная, круглая, как шар, особа, занятая в эту минуту осмотром смежной комнаты. — Не хотела бы я, чтобы который-нибудь из моих сыновей работал в отеле... Как тут люди себя ведут!

— Вот что, молодой человек, — продолжал фермер, снимая пальто и роясь в кармане брюк. — Сбегайте-ка вниз и купите мне три или четыре вечерние газеты — сколько найдется, и захватите кувшин со льдом, а когда вернетесь, получите пятнадцать центов на чай.

— Этот отель лучше, чем в Омахе, папочка, — объявила его супруга. — Здесь ковры и занавеси лучше.

Как ни был наивен Клайд, он не мог не улыбнуться про себя. Однако лицо его сохраняло торжественную неподвижность, словно маска, лишённая всяких признаков мысли. Он взял мелочь и вышел. А через несколько минут принес воды и вечерние газеты и удалился, улыбаясь, с пятнадцатью центами в кармане.

Но то было лишь начало необыкновенного вечера. Едва Клайд снова сел на скамью, как его позвали в 529-й номер. Надо было сбегать в бар за двумя бутылками фруктовой воды и двумя сифонами содовой. Когда дверь приоткрыли, чтобы передать Клайду заказ, он успел увидеть в зеркале над камином компанию франтоватых молодых людей и девиц; они весело болтали и смеялись; миловидная девушка в белом сидела на ручке кресла, в котором развалился молодой человек, обнимавший ее за талию.

Клайд загляделся на эту сценку, хотя и старался делать вид, что не смотрит. Для него сейчас это было все равно, что заглянуть во врата рая. В номере собрались девушки и молодые люди не намного старше его самого; они смеялись, болтали и даже пили — не какую-нибудь содовую воду с мороженым, но, конечно, такие напитки, которые, по словам его родителей, неминуемо ведут к гибели, а молодые люди, видно, ничуть об этом не беспокоились.

Клайд сбегал вниз, в бар, взял напитки и счет и, вернувшись в номер, получил плату — полтора доллара за напитки

и двадцать пять центов для себя. И еще раз бросил взгляд на заманчивую картину. Теперь одна пара танцевала, а остальные напевали или нахвистывали мотив.

Было так интересно забегать в номера и украдкой торопливо разглядывать их обитателей. Не меньше занимала Клайда изменчивая панорама центрального вестибюля: он наблюдал клерков за главной конторкой — один клерк вел дел номерами, другой багажом приезжих, третий выдавал корреспонденцию; были тут и кассир, и помощник кассира. И различные киоски вокруг: с цветами, газетами, сигарами, отделение телеграфа, бюро по вызову такси. И на всех, кто здесь работал, казалось Клайду, самая атмосфера отеля наложила какой-то особый отпечаток. А вокруг разгуливали и сидели такие важные мужчины и женщины, юноши и молодые девушки, все так богато и модно одетые, такие довольные, с таким прекрасным цветом лица. А в каких автомобилях и экипажах многие приезжали сюда в обеденное время и вечером! Он мог хорошо рассмотреть их при ярком свете фонарей у подъезда. А какие накидки, меха и прочие вещи были на этих людях! Какие чемоданы несли за ними мальчики, а иногда и сам Клайд, к машинам или к лифтам! И все на них сшито из превосходного материала. Такое великолепие! Так вот что значит быть богатым, быть влиятельным человеком в обществе! Вот что значит иметь деньги! Это значит — можешь делать все, что душе угодно, а другие люди, такие, как он, Клайд, будут тебе прислуживать. И вся эта роскошь — твоя. И можешь в любую минуту пойти и поехать куда заблагорассудится.

ГЛАВА VII

Итак, из всех благотворных или вредных для его развития влияний, каким в то время мог подвергнуться Клайд, быть может самым опасным при его характере было как раз влияние отеля «Грин-Дэвидсон»; на всем пространстве между двумя великими цепями американских гор вряд ли можно было найти место, где полновластнее царило бы все материальное и безвкусно-показное. Здешнее кафе, уставленное мягкой мебелью и слабо освещенное, как будто даже сумрач-

ное, однако все в веселых огнях цветных фонариков, было идеальным местом свиданий и встреч — и не только для неопытных и восторженных девчонок, которых можно подкупить показной роскошью, но также и для более опытных и, может быть, слегка поблекших красавиц, которым надо помнить о своем цвете лица и о преимуществах мягкого, неяркого освещения. «Грин-Дэвидсон», как и все отели такого рода, посещался людьми известного сорта: тут бывали главным образом тщеславные мужчины неопределенного возраста и неопределенных занятий, жаждавшие легкого успеха и рассчитывавшие своим появлением здесь раз, а то и два в день, в часы наибольшего оживления, укрепить за собой репутацию светского человека, или прожигателя жизни, или богача, или человека со вкусом, или покорителя сердец, или всего сразу.

И едва Клайд поступил сюда, как эти странные юнцы, его новые товарищи, бок о бок с которыми он проводил немало времени на скамье в вестибюле, поспешили просветить его относительно многого, что происходит в отеле: рассказали, что здесь бывают извращенные, безнравственные, отверженные обществом мужчины определенного склада (Клайду указали на нескольких), которые ищут сближения с такими вот мальчиками, чтобы вступить с ними в некие недозволенные отношения. Клайд сперва не понимал, что это значит; его тошнило при одной мысли об этом. И все же некоторых мальчиков в отеле (особенно одного, работавшего не с Клайдом, а в другой смене) подозревали в том, что они «попались на эту удочку», как выразился один из юнцов.

Одних только разговоров в вестибюле, не говоря уже о сценах в баре, в ресторанах и номерах, было достаточно, чтобы внушить каждому неопытному и не очень разборчивому существу, будто главное занятие в жизни для всякого, у кого есть кой-какие деньги и положение в обществе, — ходить в театры, летом посещать стадион, танцевать, кататься в автомобиле, угощать друзей обедами и ездить для развлечения в Нью-Йорк, Европу, Чикаго или Калифорнию. А существование почти всех этих мальчиков настолько лишено было всякого подобия комфорта и вкуса, не говоря уже о роскоши, что они, как и Клайд, не только преувели-

чивали значение увиденного в отеле, но и считали, будто внезапная перемена судьбы дает им счастливую возможность самим приобщиться к такой жизни. Кто они, люди с деньгами, и что сделали они для того, чтобы наслаждаться всей этой роскошью, тогда как у других, по-видимому точно таких же людей, нет ничего? И чем именно обойденные так сильно отличаются от преуспевающих? Клайд не мог этого понять. И такие мысли приходили в голову всем мальчикам.

А вдобавок — комплименты и даже прямое заигрывание со стороны дам и девиц определенного типа, которые, вероятно, были очень сдержанны в своем кругу, но благодаря своему богатству имели доступ в этот отель и здесь кокетством, улыбками и деньгами добивались расположения наиболее красивых юношей. Об этом часто говорили сослуживцы Клайда.

Так, на второй же день службы Клайда в отеле паренек по фамилии Ретерер, сидевший рядом на скамье, подтолкнул его локтем и едва заметным кивком головы указал на закутанную в меха нарядную, хорошо сложенную блондинку лет тридцати, входившую в вестибюль с маленькой собачкой на руках.

— Видал? — шепнул он. — Лихая бабенка! Я тебе про нее после расскажу. Ну и штучки выкидывает!

— А что такое? — с жадным любопытством спросил Клайд, так как женщина показалась ему необыкновенно красивой, очаровательной.

— Да ничего, просто за то время, что я тут работаю, она приходила сюда с восемью разными мужчинами. Она было спугалась с Дойлом (один из рассыльных, очень красивый и изящный мальчик, с приятными манерами, которого Клайд уже отметил как образец, достойный подражания), а теперь нашла другого.

— Неужели правда? — воскликнул Клайд, очень удивленный, мысленно спрашивая себя, не выпадет ли когда-нибудь и на его долю такое счастье.

— Верней верного, — ответил Ретерер. — Это уж такая птица — ей все мало. У ее мужа, говорят, большое лесное дело где-то в Канзасе, но теперь она с ним не живет. У нее здесь

лучшие комнаты на шестом, но она половину времени не бывает дома. Мне горничная говорила.

Этот Ретерер, маленький, коренастый, но миловидный и улыбающийся, был так приветлив, мягок и приятен в обращении, что Клайд сразу почувствовал симпатию к нему и захотел познакомиться с ним поближе. И Ретерер платил Клайду тем же, так как заметил, что Клайд наивен и неопытен и охотно окажет ему любую дружескую услугу.

Разговор о белокурой женщине был прерван вызовом на работу и больше не возобновлялся, но на Клайда он произвел сильное впечатление. Женщина была хороша собой, выхолена, с прекрасной кожей и сияющими глазами. Неужели правда то, что сказал Ретерер? Она такая хорошенькая! Клайд смотрел в пространство, и перед ним возникало смутное, щекочущее нервы видение, в значении которого он даже сам себе не хотел признаться.

А нравы и философия всех этих юнцов!.. Кинселла, низенький, толстый, добродушный и глуповатый, как казалось Клайду, но довольно красивый и мужественный, по рассказам — отчаянный картежник, первые три дня отдавал все свободное время обучению новичка, начатому Хеглендом. Он был вежливее и говорил правильнее, чем Хегленд, но показался Клайду не таким привлекательным и симпатичным, как Ретерер.

И этот Эдди Дойл, который с самого начала очень заинтересовал Клайда и которому Клайд немало завидовал, так он был хорош собой — с изящной фигурой, красивыми, грациозными движениями и мягким, приятным голосом. Необычайно обаятельный, он мгновенно пленял всякого, с кем сталкивался, — как служащих отеля, так и посторонних, которым случалось обратиться к нему с вопросом. Ботинки его и воротничок ослепительно блестели, волосы были подстрижены, причесаны и напомажены по последней моде, точно у киноактера. Клайда сразу же покорили его вкус и умение одеваться — его изящнейшие коричневые костюмы, кепи, его галстуки и носки, подобранные в тон. Он будет носить коричневое пальто такого же покроя, с поясом, думал Клайд. И точно такую же коричневую кепку. И так же хорошо сшитый, изящный костюм.

Примерно такое же впечатление произвел на Клайда и тот паренек, который первым знакомил его с работой, — Хегленд. Один из самых старших по возрасту и наиболее опытных рассыльных в отеле, Хегленд оказывал большое влияние на других своим веселым, беззаботным отношением ко всему, что выходило за пределы его прямых служебных обязанностей. Он не был так образован или миловиден, как некоторые другие, но очень заинтересовал Клайда, очаровал его своим пылким, энергичным характером, своей щедростью, когда дело касалось денег и развлечений, наконец, храбростью, силой, смелостью, — тут с ним не могли сравняться ни Дойл, ни Ретерер, ни Кинселла, — он был силен и смел подчас до безрассудства.

Как он сам позднее рассказал Клайду, он был сыном шведа, подмастерья пекаря, который несколько лет назад бросил его мать в Джерси-Сити на произвол судьбы. Поэтому ни Оскар, ни его сестра Марта не могли получить сносного воспитания или завести сколько-нибудь приличные знакомства. Четырнадцать лет Оскар бежал из Джерси-Сити в товарном вагоне и с тех пор сам пробивал себе дорогу в жизни. Он, как и Клайд, безрассудно стремился броситься в водоворот наслаждений, которым казалась ему окружающая жизнь, и готов был на любые приключения, но при этом не знал свойственного Клайду нервного страха перед последствиями. У него был друг по фамилии Спарсер, немного постарше его, который служил шофером у одного богача в Канзас-Сити; иногда он тайком брал машину и предоставлял ее Хегленду для коротких загородных прогулок. Эта любезность приятеля, хотя и не вполне честная и законная, придавала Хегленду в глазах других юнцов особый, хотя и далеко не оправданный блеск и возвышала его в собственном мнении.

Хегленд был не так красив, как Дойл, и ему было куда труднее завоевать внимание девиц, а те, у которых он добивался успеха, были далеко не так очаровательны. Все же он чрезвычайно гордился приключениями подобного рода и немало хвастал ими, причем Клайд по своей неопытности больше других верил его рассказам. Быть может, поэтому, чувствуя в Клайде благожелательного слушателя, Хегленд чуть не с первого дня привязался к нему.

Когда им случалось сидеть на скамье рядом, Хегленд продолжал поучать Клайда. Канзас-Сити — прекрасное место, если только умеешь жить. Он работал прежде в других городах: в Буффало, Кливленде, Детройте, Сент-Луисе, но нигде ему так не нравилось, как в Канзас-Сити... главным образом потому, — но об этом он тогда не счел нужным сообщить, — что дела его всюду шли не столь блестяще, как здесь. Он был «судомойкой», уборщиком вагонов, помощником водопроводчика... брался за всякую работу, пока наконец в Буффало не поступил на службу в отель. А потом один малый, который здесь больше не служит, уговорил его переехать в Канзас-Сити. Зато здесь...

— Понимаешь, — говорил он, — чаевые в этом отеле — таких нигде не получишь, уж я знаю, а главное — народ тут хороший. Ты будь с ними по-хорошему, и тебя не обидят. Я тут уже год, и жаловаться не на что. Этот парень Скуайрс — ничего, сойдет, коли не причинять ему беспокойства. Строгий, но надо ж ему и о себе позаботиться. А зря никого не выставит. Это я знаю. Остальное все просто. Кончил работу — и сам себе хозяин. Ребята у нас хорошие и повеселиться умеют. Не подведут и не наябедничают. Коли что где затевается — вечеринка или что другое, — все тут как тут. И не ворчат и не распускают нюни, коли что не ладится. Уж я знаю, ведь у нас тут всяко бывало!

Из его болтовни Клайд понял, что все мальчишки в отеле живут очень дружно — все, кроме Дойла, который держится несколько обособленно, хоть и не высокомерно. («Слишком много женщин бегают за ним, вот и все».) Всей компанией ходят в гости, на танцы, на обеды, в одно место, где можно сыграть в карты, и еще в некое местечко под названием «Кэт Суини», где есть премиленькие девочки, и так далее, и так далее — много всякого, о чем никогда раньше и не слыхивал Клайд. Эти рассказы заставляли его задумываться, мечтать, сомневаться, тревожиться и спрашивать себя — умно ли это и вправду ли в этом столько прелести, да и позволительны ли для него такие удовольствия? Ведь его всю жизнь учили как раз обратному. Во всем, к чему он теперь так внимательно прислушивался, таилось что-то глубоко волнующее, но и неясное, нерешенное.

А Томас Петерер! С первого же взгляда видно было, что вряд ли он может повредить кому-нибудь, стать чьим-то врагом. Ростом он был не выше пяти футов четырех дюймов, толстый, черноволосый и оливково-смуглый, с веселыми ясными глазами. Он тоже, как впоследствии узнал Клайд, был из совсем бедной семьи и не имел в жизни никаких материальных и социальных благ. Но он был самостоятельный, и все товарищи любили его и всегда с ним обо всем советовались. Он был родом из Уичиты и только недавно переселился в Канзас-Сити. Он и его сестра были главной поддержкой для матери-вдовы, которую оба очень любили. В детстве они видели, как унижал, оскорблял и обманывал их добрую, доверчивую мать ее вероломный супруг. Бывали дни, когда семья оставалась без куска хлеба. Не раз их выгоняли из квартиры, когда им не удавалось вовремя за нее заплатить. Ни в одной школе Томми и его сестра не могли оставаться долго. Наконец, четырнадцати лет от роду Петерер переселился в Канзас-Сити, где брался за всякую случайную работу, пока ему не удалось попасть в «Грин-Дэвидсон»; позже к нему переехали из Уичиты мать и сестра.

Но даже больше, чем роскошью отеля или этими юнцами, — их-то он довольно быстро раскусил, — Клайд восхищался потоком мелких подачек, который изливался на него, все увеличивая приятную тяжесть в правом кармане его брюк: монетки в пять, десять, двадцать пять центов и даже полудоллары — их становилось больше, больше, и уже в первый день к девяти часам накопилось свыше четырех долларов, а к двенадцати, когда кончилось дежурство Клайда, у него было больше шести с половиной долларов — столько, сколько он раньше зарабатывал в неделю.

И из всей этой суммы нужно лишь отдать доллар Скуайрсу — только один доллар, так сказал Хегленд, а остальное — пять с половиной долларов за один вечер интересной, восхитительной, изумительной работы — принадлежит ему! Он едва мог этому поверить. Право же, как в сказке! «Тысяча и одна ночь!» И, однако, ровно в двенадцать часов этого первого вечера где-то прозвучал гонг, послышалось шарканье ног, и появились три мальчика: один занял место Барнса за конторкой, двое других должны были исполнять поруче-

ния. И по команде Барнса восемь мальчиков его смены поднялись, выстроились в ряд и направились к двери. В служебном помещении, как только его отпустили, Клайд подошел к мистеру Скуайрсу и вручил ему доллар серебром.

— Правильно, — сказал мистер Скуайрс.

Только и всего. Затем Клайд вместе с другими спустился в гардеробную к своему шкафчику, переделся и вышел на темную улицу. Он счастлив, и в будущем счастье зависит лишь от него самого! Это ощущение было таким волнующим, что он весь дрожал и даже голова у него кружилась.

Подумать только, что он добился такого места! Каждый день получать столько денег! Он направился было домой, решив хорошенько выспаться перед завтрашней работой. Но, вспомнив, что на следующий день ему нужно явиться в отель только в половине двенадцатого, зашел в ночное кафе и спросил чашку кофе и кусок пирога. И теперь он думал только о том, что завтра надо работать всего лишь с двенадцати дня до шести вечера, а потом он будет свободен до шести часов следующего утра. И заработает еще денег. И немалую часть истратит на себя.

ГЛАВА VIII

Больше всего занимала Клайда мысль, как сохранить для себя львиную долю денег, которые он зарабатывал. С тех пор как он впервые начал работать, установился такой порядок, что большую часть своего заработка — по крайней мере три четверти — Клайду приходилось вкладывать в общее хозяйство. Но если он теперь сообщит, что получает по меньшей мере двадцать пять долларов в неделю, — и это не считая пятнадцати долларов жалованья в месяц и дарового стола, — родители, конечно, захотят, чтобы он давал им в неделю долларов десять-двенадцать.

Однако его слишком долго томило желание выглядеть не хуже любого изящного и хорошо одетого юноши, и теперь, когда представлялся счастливый случай, он не мог устоять перед искушением прежде всего хорошо одеться — и поскорее. Поэтому он решил сказать матери, что все его чаевые

не превышают доллара в день. А чтобы иметь возможность распоряжаться своим свободным временем по собственному усмотрению, он заявил, что нередко ему приходится, вдобавок к обычным рабочим часам, заменять других мальчиков, когда кто-либо из них болен или занят другой работой. Он сообщил также, что администрация отеля требует, чтобы у служащих был приличный вид не только в отеле, но и вне его. Ему нельзя будет долго ходить в отель в той одежде, которую он носит теперь, сказал он. Мистер Скуайрс уже намекал на это. Но, прибавил Клайд, чтобы смягчить удар, один из мальчиков указал ему место, где можно купить все необходимое в рассрочку.

И мать была так наивна в подобных делах, что поверила ему.

Но это было еще не все. Клайд постоянно находился теперь в обществе юнцов, которые, работая в отеле, приобрели немалый жизненный опыт, познакомились здесь и с излишествами, и с пороками и были уже посвящены в некоторые формы разврата, до сего времени совершенно неведомые Клайду. Он только рот раскрыл от удивления, а вначале также и от пугливого отвращения. Хегленд, например, сказал ему, что определенный процент заработка компании, к которой принадлежал теперь Клайд, шел на кутежи, они устраивались в складчину раз в месяц, обычно в вечер после полудки. Эти кутежи, в зависимости от настроения компании и от наличных денег, начинались иногда «шикарным» ужином с выпивкой в одном из двух довольно известных, но не слишком респектабельных ночных ресторанов. Потом все гурьбой отправлялись в танцевальный зал попроще, чтобы подцепить там какую-нибудь девчонку, или, если этого казалось мало, шли в какой-нибудь известный, по их мнению, публичный дом (обычно замаскированный под «комнаты с пансионом»), где за небольшие деньги можно было, как они часто хвастали, получить «любую девочку на выбор». И так как они были очень юны и, в сущности, наивны, щедрны, веселы и недурны собой, они встречали в этих домах самый радушный прием у «мадам» и у девиц, старавшихся — из коммерческих соображений, конечно, — понравиться им и заставить прийти снова.

И настолько скучна была до сих пор жизнь Клайда, что теперь его неодолимо потянуло ко всяким развлечениям, и он жадно ловил каждый намек на приключения и удовольствия. Не то чтобы он одобрял похождения такого рода. Правду говоря, вначале эти рассказы оскорбляли и угнетали его: они слишком противоречили всему, что он слышал с детства и во что его заставляли верить много лет. И, однако, эта жизнь была таким резким контрастом, таким облегчением после безрадостных, гнетущих занятий, к которым Клайда приучали дома, что его неудержимо влекло к соблазнительным похождениям, казалось, обещающим столько разнообразия и блеска. Он слушал внимательно и жадно даже тогда, когда внутренне не одобрял слышанного. Видя, что он всегда приветлив и весел, товарищи один за другим стали приглашать его то в театр, то в ресторан, то к себе домой — сыграть в карты, а то в один из тех непристойных домов, куда Клайд вначале наотрез отказывался идти. Но постепенно он все больше сближался с Хеглендом и Ретерером — оба они ему очень нравились, — и, когда, собираясь устроить кутеж в ресторане Фриссела, они позвали его, Клайд согласился.

— Завтра вечером мы устраиваем у Фриссела очередной кутеж, — сказал ему Ретерер. — Хочешь пойти, Клайд? Ты еще ни разу с нами не пировал.

К этому времени Клайд уже освоился с атмосферой отеля и почти избавился от своей прежней нерешительности. Старательно и не без пользы для себя подражая Дойлу, он обзавелся новым коричневым костюмом, кепкой, пальто, носками, булавкой для галстука и ботинками, по возможности такими же, как у его ментора. И костюм очень шел ему, чрезвычайно шел, — он казался теперь привлекательнее, чем когда-либо: не только его родители, но и младший брат и сестра были удивлены и даже потрясены происшедшей с ним переменой.

Как сумел Клайд так великолепно одеться и так быстро? Сколько все это стоило? Не наделал ли он ради этого преходящего великолепия слишком больших долгов в надежде на будущий заработок и благоразумно ли это? Ему могут потом понадобится деньги. И другие дети тоже во многом нужда-

ются. Да и подходящая ли моральная и духовная атмосфера в этом отеле, где его заставляют работать так много и задерживают каждый вечер так поздно, а платят так мало?

На все это Клайд отвечал (довольно умело), что все идет хорошо, что работа не слишком тяжелая. Его костюм вовсе не так уж хорош, — посмотрела бы мать на других мальчиков. Он тратит не слишком много. И, во всяком случае, все это куплено в рассрочку, и он может расплачиваться постепенно.

Но ужин! Это уже совсем другое дело. Пирушка, вероятно, затянется допоздна, и как он тогда объяснит матери и отцу свое долгое отсутствие? Ретерер говорил, что веселье кончится не раньше трех-четырёх часов ночи; впрочем, Клайд, конечно, может уйти в любое время. Но хорошо ли расстраивать компанию? Да, но, черт возьми, большинство из них не живет в семье, как Клайд, а если и живут, то родителей — например, мать Ретерера — мало беспокоит, чем заняты дети. Но все же благоразумное ли это дело — такая поздняя пирушка? Все его новые друзья — и Хегленд, и Ретерер, и Кинселла, и Шил — выпивают и не видят в этом ничего дурного. Глупо с его стороны думать, что это так опасно — выпить немножко, как все они делают в таких случаях. И потом, ведь он может не пить, если не захочет. Он пойдет, а если дома спросят, он скажет, что пришлось задержаться на работе. Почему бы ему когда-нибудь и не прийти поздно домой? Разве он теперь не взрослый человек? Разве он не зарабатывает больше всех в семье? Пора бы ему вести себя так, как хочется.

Он уже начал ощущать всю прелесть личной свободы, уже предвкушал восхитительные приключения, и теперь никакие материнские предостережения не могли его удержать.

ГЛАВА IX

И вот настало время веселой пирушки с участием Клайда. Как говорил Ретерер, она должна была состояться у Фриссела. И Клайд, уже успевший подружиться с товарищами по работе, был ужасно доволен и весел. Ведь для него настала новая жизнь. Всего несколько недель назад он был со-

всем одинок: ни одного друга, почти никаких знакомых среди сверстников! И вот — так быстро — он собирается на шикарный ужин в такой интересной компании!

Клайду, верному иллюзиям юности, ресторан показался гораздо привлекательней, чем он был на самом деле. Этот ресторан был по сути чем-то вроде хорошей американской закуской доброго старого времени. Стены были густо увешаны старыми афишами и портретами актеров и актрис с их автографами. Здесь прекрасно кормили, притом хозяин отличался радушием, и потому ресторан стали охотно посещать заезжие актеры, политические деятели, местные дельцы, а за ними и все, кого тянет ко всему новому, хоть немного не похожему на то, что уже приелось.

И мальчишки-рассыльные, которые не раз слышали от возчиков и шоферов такси, что ресторан Фриссела — один из лучших в городе, выбрали его для своих ежемесячных пиршеств. Отдельные блюда стоили здесь от шестидесяти центов до одного доллара. Кофе и чай подавались только целыми кофейниками и чайниками. Здесь можно было получить любые напитки. Налево от главной залы находилась полусвещенная комната с низким потолком и большим камином, куда обычно удалялись мужчины: после обеда они садились здесь у огня, курили и читали газеты; эта комната больше всего восхищала мальчишек из «Грин-Дэвидсона». Здесь они чувствовали себя как-то старше, более опытными, более значительными — настоящими светскими людьми. Ретерер и Хегленд, к которым Клайд очень привязался, равно как и большинство остальных, считали, что во всем Канзас-Сити и впрямь не найти лучшего места.

И вот в назначенный день Хегленд, Ретерер, Пол Шил, Дэвис Хигби (тоже мальчик из отеля), Артур Кинселла и Клайд, получив свой месячный заработок и освободившись в шесть часов вечера, собрались на углу подле аптекарского магазина, где Клайд вначале искал работу, и веселой, шумной компанией отправились к Фрисселу.

— Слыхали, какую штуку сыграл вчера с нашей конторой один парень из Сент-Луиса? — спросил Хегленд, обращаясь ко всем сразу, когда они двинулись в путь. — В субботу заказывает по телеграфу из Сент-Луиса номер для себя и для же-

ны — гостиную, спальню и ванную, и велит поставить в комнате цветы. Мне сейчас рассказал Джимми, номерной клерк. Потом он приезжает сюда со своей девочкой, и они записываются как муж и жена, — понятно? А девчонка премиленькая, я видел. Нет, вы слушайте! Прожил он в отеле три дня, наши уж стали коситься на него — понимаете, обеды в номер и все такое. Потом в среду приходит он в контору и говорит, что его жена едет назад в Сент-Луис и что ему теперь не нужен такой номер — хватит и одной комнаты, и чтоб перенесли его сундук и ее вещи в новую комнату, пока жене не пора будет на поезд. А сундук-то вовсе не его, а тоже ее, — понятно? И никуда она не едет и знать ничего не знает. А едет-то он. Натянул всем нос, понятно? И бросил ее с сундуком и без единой монетки. Понятно? А теперь они ее не выпускают с ее сундуком, а она плачет да друзьям шлет телеграммы. А платить-то уйму надо. Видали вы этакое? Цветы в комнату! Розы! И по шесть раз еду в номер носили, ну и пил он тоже, ясное дело!

— Я знаю, кто это! — воскликнул Шил. — Я носил ему вино. Так я и знал, что тут что-то неладно. Уж очень он был вежливый и говорил чересчур громко. А на чай только и дал, что десять центов.

— И я его помню, — сказал Ретерер. — Он велел мне принести все чикагские газеты за понедельник и тоже дал только десять центов. Он мне сразу показался пройдохой.

— Да, сели они с ним в калошу, — сказал Хегленд. — А теперь стараются вытянуть деньги из нее. Ловко?

— Мне она показалась лет восемнадцати-двадцати, не больше, — вставил молчавший до сих пор Артур Кинселла.

— А ты их видел, Клайд? — спросил Ретерер; он вообще покровительствовал Клайду и теперь старался ободрить его и втянуть в общий разговор.

— Нет, не помню, — ответил Клайд. — Наверно, меня к ним не посылали.

— Ну, значит, ты упустил случай поглядеть на редкую птицу. Он такой высокий, в длинном черном английском пальто, котелок надвинут на глаза, и светло-серые гетры. Видали бы вы, как он разгуливает, да еще с тросточкой! Я сперва думал, это какой-нибудь английский герцог. Нужно только вы-

рядиться во все английское, да говорить погромче, да всеми вокруг командовать, — и клонет: кто угодно поверит.

— Это верно, — заметил Дэвис Хигби. — Хорошая штука английский стиль. Я бы и сам не прочь так приодеться.

Они дважды завернули за угол, пересекли одну за другой две улицы и наконец всей компанией вошли к Фрисселу. Клайда ослепил яркий свет, отражавшийся на фарфоре, на серебре, на лицах обедающих, он был оглушен жужжанием голосов и звоном посуды. Никогда еще, если не считать отеля «Грин-Дэвидсон», не был он в таком месте. Да еще с такими сведущими, опытными ребятами!

Они прошли к столикам, которые расставлены были перед длинным кожаным диваном, тянувшимся вдоль стены. Метрдотель, узнав завсегдатаев — Ретерера, Хегленда и Кинселлу, распорядился сдвинуть вместе два столика и подать стаканы, хлеб и масло. Компания расселась: Клайд с Ретерером и Хигби — на диване у стены, Хегленд, Кинселла и Шил — напротив них.

— Я начну с доброго старого манхэттенского, — объявил с жадностью Хегленд, оглядывая публику за столиками и чувствуя себя поистине важной персоной. Красновато-смуглый, с живыми голубыми глазами, с темно-рыжими волосами ежиком, он походил на большого задорного петуха.

И Артур Кинселла тоже, как Хегленд, разом оживился и, казалось, наслаждался собственным величием. Он демонстративно поддернул рукава, взял в руки меню и, просматривая прейскурант вин, напечатанный на обороте, воскликнул:

— Ну, на мой вкус, для начала недурно выпить мартини!

— А я предпочитаю шотландское виски с содовой, — торжественно произнес Пол Шил, изучая тем временем перечень мясных блюд.

— Увольте меня сегодня от ваших коктейлей, — весело, но решительно заявил Ретерер. — Я сказал, что не буду сегодня много пить, — и не буду. С меня довольно стакана рейнвейна с сельтерской.

— Нет, вы только послушайте! — негодуя воскликнул Хегленд. — Он начнет с рейнвейна! И это он, старый любитель манхэттенского! Что с тобой стряслось, Томми? Ты ведь, по-моему, хотел повеселиться?

— Я и хочу, — возразил Ретерер. — Но разве нельзя веселиться, пока не вылакаешь все, что только найдется выпить? Сегодня я хочу быть трезвым, не хочу больше получать выговоры по утрам, и не получу, если буду понимать, что делаю. В прошлый раз я насилу выполз на работу.

— Верно! — поддержал Артур Кинселла. — Я тоже не хочу напиваться так, чтоб терять голову. Но пока еще рано об этом беспокоиться.

— А ты, Хигби? — обратился Хегленд к глазастому пареньку.

— Мне тоже манхэттенского, — сказал тот и, взглянув на официанта, стоявшего рядом, спросил: — Как делишки, Дэннис?

— Не могу пожаловаться, — ответил официант. — Последние дни совсем хорошо. А как дела в отеле?

— Прекрасно, прекрасно, — весело ответил Хигби, изучая меню.

— А ты, Гриффитс? Что ты будешь пить? — спросил Хегленд.

Он был избран церемониймейстером, чтобы следить за выполнением заказов, заплатить по счету, дать чаевые, и теперь исполнял свою роль.

— Кто? Я? О, я... — воскликнул Клайд, немало смущенный этим вопросом.

Ведь он еще никогда до этой минуты не прикасался к чему-либо крепче кофе или мороженого с содовой водой и теперь был немного испуган веселой развязностью, с какою остальные заказывали коктейли и виски. Конечно, он не может зайти так далеко... однако он давно знал из их разговоров, что в такие вечера все они пьют, и не представлял себе, как можно отстать от остальных. Что они подумают о нем, если он откажется выпить? Попад в эту компанию, он с самого начала старался казаться таким же искусственным светским человеком, как они. И все же он ясно чувствовал за плечами те годы, когда ему непрерывно твердили об ужасах пьянства и дурной компании. В глубине души Клайд давно уже восставал против всех этих текстов и изречений, на которые всегда ссылались его родители, и глубоко презирал за тупость и никчемность оборванную толпу бездельников и неудачников, которых в миссии Гриффитсов пытались

спасать, — и, однако, теперь он заколебался. Пить или не пить?

Он колебался лишь какую-то долю секунды, когда в нем заговорило прошлое, потом сказал:

— Что ж, я... я тоже выпью рейнвейна с сельтерской.

Он понимал, что такой ответ — самый легкий и безопасный. Невинный характер этой смеси — рейнвейна с сельтерской был уже подчеркнут Хеглендом и остальными. И все же Ретерер заказал себе именно рейнвейн, — это обстоятельство, как чувствовал Клайд, делало и его собственный выбор не столь заметным и смешным.

— Что делается! — в притворном отчаянии воскликнул Хегленд. — Он тоже хочет пить рейнвейн с сельтерской! Давайте чего-нибудь придумаем, а то, видать, наша вечеринка кончится к полдесятому.

Дэвис Хигби, гораздо более резкий и шумный, чем можно было предполагать по его приятной внешности, повернулся к Ретереру:

— Чего это ты спозаранку завел муру насчет рейнвейна с сельтерской, Том? Не хочешь повеселиться сегодня?

— Я же сказал почему, — ответил Ретерер. — И потом, когда мы в прошлый раз зашли в тот притончик, у меня было сорок долларов, а вышел я оттуда без единого цента. На этот раз я хочу знать, что со мной творится.

«Тот притончик», — подумал Клайд, слушая разговор. Значит, после ужина, когда все порядком выпьют и поедят, они отправятся в одно из тех мест, которые называются притонами, в такой дом. Тут не могло быть никаких сомнений. Он понимал, что это значит. Там будут женщины... дурные женщины... развратные женщины... Но как же он? Неужели он тоже...

Впервые в жизни Клайду представлялась возможность, которой он давно жаждал: узнать наконец великую, соблазнительную тайну, что так давно влекла его и сбивала с толку, манила, но и пугала. Хотя он много думал обо всем этом и о женщинах вообще, он никогда еще не был близок ни с одной. А теперь... теперь...

Он вдруг почувствовал, что его бросает то в жар, то в холод. Лицо и руки стали горячими и влажными, он ощу-

щал, как пылают его щеки и лоб. Странные, быстрые, заманчивые и тревожные мысли пронеслись в его мозгу. Мороз пробегал по коже. Он невольно рисовал себе соблазнительные вакхические сцены — и тотчас пытался выбросить их из головы, но напрасно: они возвращались снова. И ему хотелось, чтобы они возвращались, — и не хотелось... И за всем этим скрывался испуг. Но неужели же он такой трус? Остальных все предстоящее ничуть не тревожило. Они были очень веселы. Они смеялись и подшучивали друг над другом, вспоминая кое-какие забавные истории, которые произошли с ними во время последнего кутежа.

Но что подумала бы его мать, если б узнала? Мать! Он не смел сейчас думать ни о ней, ни об отце и поспешил прогнать мысль о них.

— А помнишь, Кинселла, ту маленькую, рыженькую, в доме на Пасифик-стрит? — воскликнул Хигби. — Она еще упраскивала тебя бежать с ней в Чикаго?

— Конечно, помню, — усмехнулся Кинселла, пригубив мартини: ему как раз подали бокал. — Она даже хотела, чтобы я бросил отель. Обещала, что поможет мне взяться за какое-нибудь дело. Говорила, что мне вовсе не придется работать, если я останусь с ней.

— Да, тогда у тебя была бы только одна работа! — заметил Ретерер.

Официант поставил перед Клайдом бокал рейнвейна с сельтерской. Глубоко взволнованный, заинтересованный, восхищенный всем слышанным, Клайд поднял бокал, пригубил вино, нашел, что оно нежно и приятно, и залпом выпил. Он был так занят своими мыслями, что сам не заметил, как это получилось.

— Молодчина, — сказал Кинселла самым дружеским тоном. — Эта штука тебе понравится.

— Да, совсем неплохо, — ответил Клайд.

А Хегленд, видя, как быстро идет дело, и понимая, что Клайд — совсем еще новичок в их компании и нуждается в поддержке и одобрении, подозвал официанта:

— Послушай, Джерри! — И прибавил так, чтобы не слышал Клайд: — Того же самого, да побольше...

Ужин продолжался. Было уже около одиннадцати часов, когда они наконец исчерпали все интересные темы — рассказы о прежних приключениях, о прежней работе, о разных ловких и дерзких проделках. У Клайда было достаточно времени поразмыслить над этим, и теперь он склонен был думать, что сам он вовсе не такой уж желторотый, как кажется его приятелям. А если даже и так... Зато он хитрее большинства из них, умнее... Кто они такие и к чему стремятся? Хегленд, как стало ясно Клайду, тщеславен, глуповат, криклив, и его легко подкупить пустячной лестью. Хигби и Кинселла — незаурядные и славные юноши — чванились тем, чем Клайд не стал бы очень гордиться: Хигби хвастал, что понимает кое-что в автомобилях (его дядя имел какое-то отношение к этому делу), а Кинселла — умением играть в карты и даже в кости. А Ретерер и Шил — он еще раньше заметил это — вполне довольные своей работой в отеле, готовы были заниматься ею и впредь и ни о чем другом не мечтали. А Клайд уже теперь не мог себе представить, чтобы должность рассыльного осталась пределом всех его желаний.

В то же время он с некоторой тревогой думал о той минуте, когда все отправятся туда, где он никогда еще не бывал, чтобы делать то, чем он никогда и не помышлял заниматься в таких условиях. Не лучше ли ему извиниться, когда все выйдут из ресторана? Или, может быть, выйти вместе с ними, а там тихонько скользнуть за первый же угол и вернуться домой? Он слышал, что в таких вот местах можно схватить самую страшную болезнь и что люди умирают потом жалкой смертью от низменных пороков, которые там приобретают. Его мать произносила немало речей на эту тему, хотя вряд ли толком что-нибудь об этом знала. И, однако, вот перед ним довод, опровергающий все эти страхи: его новые товарищи, ничуть не обеспокоенные тем, что они собирались делать. Наоборот, для них это очень веселое и забавное приключение — только и всего.

И действительно, Ретерер, искренне привязавшийся к Клайду — больше за его манеру смотреть, спрашивать и слушать, а не за то, что Клайд делал и говорил, — опять и опять подталкивал его локтем и, смеясь, спрашивал:

— Ну как, Клайд? Сегодня посвящение? — и широко улыбался. Или, видя, что Клайд совсем притих и задумался, он говорил: — Не бойся, тебя не съедят, самое большое — укусят.

А Хегленд время от времени прерывал свои самовосхваления и, подхватывая намеки Ретерера, прибавлял:

— Нельзя всю жизнь таким оставаться. Так не бывает. Но в случае чего — мы за тебя постоим.

Клайд, нервничая, наконец оборвал с досадой:

— Да отстаньте вы! Хватит насмехаться! Для чего это вам нужно хвалиться, что вы знаете больше меня?

Ретерер подмигнул Хегленду, чтобы тот оставил Клайда в покое, а сам шепнул:

— Не сердись, старина, все в порядке. Мы просто пошутили малость, ты ж понимаешь!

И Клайд, которому очень нравился Ретерер, быстро смягчился и пожалел, что так глупо себя выдал.

Наконец около одиннадцати часов, когда все уже вдоволь наговорились, наелись и напились, вся компания под предводительством Хегленда вышла из ресторана. Бесстыдные и темные намерения не заставили их призадуматься, не вызвали в них стремления к умственному и нравственному самоисследованию и самобичеванию, — напротив, они так весело смеялись и болтали, словно их ожидала просто милая забава. С изумлением и отвращением слушал Клайд, как они вспоминали свои прежние похождения. По-видимому, всех особенно забавлял случай в притоне под названием «Дом Беттины», где они однажды побывали. Их привел туда один бесшабашный малый по прозвищу Малыш Джонс, служащий из другого отеля. Этот Малыш и еще один паренек, по имени Бирмингэм, вместе с Хеглендом, который отчаянно напился, позволили себе такие выходки, что их чуть не арестовали. Клайд слушал и с трудом верил, что эти мальчишки, внешне такие порядочные и опрятные, могли проделывать подобные вещи: выходки были так грубы и отвратительны, что Клайда даже немного затошнило.

— А помните, как девчонка со второго этажа окатила меня водой из кувшина, когда я выходил! — громко хохотал Хегленд.

— А тот толстяк во втором этаже! Как он подошел к двери посмотреть, помните? — смеялся Кинселла. — Он наверняка решил, что тут пожар или бунт!

— А ты с той маленькой толстушкой Пигги! Помнишь, Ретерер? — визжал Шил, захлебываясь от хохота и еле выговаривая слова.

— У него даже ноги подкашивались, так было тяжело! — вопил Хегленд. — А как они оба под конец скатились с лестницы.

— Это все ты был виноват, Хегленд! — крикнул Хигби. — Если бы ты не затеял историю с поркой, нас бы не выставили.

— Говорю вам, я был пьян, — возражал Ретерер. — У них там дьявольски крепкое виски.

— А тот длинный тощий техасец с большими усами? Помните, как он хохотал? — прибавил Кинселла. — Он не хотел никому помогать, кто был против нас. Помните?

— Еще чудо, что нас всех не выкинули на улицу и не арестовали. Ну и ночь была! — вспоминал Ретерер.

Все эти разоблачения ошеломили Клайда. «Порка!» Это могло значить только одно!

И они воображают, что он примет участие в чем-либо подобном? Этого не будет. Он не такой. Что подумали бы его мать и отец, если бы услышали все эти ужасные истории... И все-таки...

Болтая, они подошли к какому-то дому на темной широкой улице; у тротуаров, вдоль всего квартала и даже дальше, стояла вереница кебов и автомобилей. Неподалеку на углу остановились, разговаривая, несколько молодых людей. На другой стороне — еще мужчины. А через полквартала компания Клайда прошла мимо двух мирно беседовавших полисменов. И хотя нигде, ни в одном окне не было света, но, как ни странно, всюду чувствовалась яркая, кипучая жизнь. Она ощущалась даже в темноте улицы. Поминутно раздавались гудки мчащихся мимо такси, прокатили две старомодные закрытые кареты со спущенными занавесками. И двери то хлопали, то тихо отворялись и затворялись. И тогда из домов вырывался яркий свет, прорезывал мглу улицы и снова исчезал. А над головой сияли звезды.

Наконец, не говоря ни слова, Хегленд в сопровождении Хигби и Шила поднялся по лестнице и позвонил. Почти мгновенно дверь открыла молодая негритянка в красном платье.

— Добрый вечер! Заходите, пожалуйста, — приветливо пригласила она, и все шестеро прошли за тяжелые бархатные драпировки, отделявшие маленькую переднюю от остальных комнат.

Клайд очутился в ярко освещенной и довольно безвкусно обставленной гостиной; на стенах висели картины в золоченых рамках, изображавшие обнаженных и полуобнаженных женщин, и огромные зеркала. На полу лежал толстый ярко-красный ковер; по всей комнате расставлено множество золоченых стульев, в глубине на фоне ярко-красных портьер — пианино, тоже золоченое. Но ни гостей, ни обитательниц дома здесь не было, — никого, кроме негритянки.

— Присядьте, пожалуйста, — сказала она. — Будьте как дома. Сейчас позову мадам.

И она побежала по лестнице налево, крича:

— Мэри! Сэди! Каролина! В гостиной молодые джентльмены.

В эту минуту из двери в глубине комнаты вышла высокая, стройная бледная женщина лет тридцати восьми или сорока — очень прямая, изящная и, видимо, очень властная и умная, в полупрозрачном и все же скромном платье.

— А, здравствуйте, Оскар! — заговорила она со слабой ободряющей улыбкой. — И Пол тут? И вы, Дэвис? Пожалуйста, располагайтесь все как дома. Фанни сейчас придет. Она принесет вам чего-нибудь выпить. У меня теперь новый тапер — негр из Сент-Джо. Хотите послушать? Прекрасно играет!

И она позвала:

— Сэм!

В это время по боковой лестнице в глубине залы сбежали девять девушек, разных по возрасту и по внешности, но, по-видимому, не старше двадцати четырех — двадцати пяти лет, — все в таких нарядах, каких Клайд еще никогда ни на одной женщине не видал. Они смеялись, болтали, как видно, очень довольные собой и ничуть не стыдились своей внешности, так поразившей Клайда; между тем их одеяния

были необычны: от легчайшего неглиже, пригодного разве что для будуара, до несколько более пристойного как будто, но не менее откровенного бального туалета. И какие разные были эти девушки: худые и толстые, среднего роста, высокие и маленькие, брюнетки, блондинки и рыжие. И все они казались очень юными, и все ласково, восторженно улыбались гостям.

— Здравствуй, милый! Как дела? Потанцуем?

Или:

— Хочешь чего-нибудь выпить?

ГЛАВА X

Клайду, которого воспитывали в большой строгости, приживая ему понятия, не допускавшие ничего подобного, то, что он увидел, должно было бы показаться отвратительным. Однако от природы он был таким чувственным и романтичным и в нем так настойчиво звучал давно подавляемый голос пола, что теперь он был не возмущен, а, наоборот, очарован. Его занимала сейчас телесная пышность почти всех фигур, хотя бы ими и управлял тупой и лишенный романтики ум. В конце концов здесь все же была красота: бесстыдная, чисто плотская, обнаженная и доступная. И не нужно было преодолевать какие-то настроения, нарушать какие-то запреты, чтобы сблизиться с любой из этих девушек... Одна из них, очень миленькая брюнетка, одетая в черное с красным и с красной лентой на лбу, держалась запросто с Хигби и уже танцевала с ним в глубине комнаты под джазовый мотив, который кто-то бестолково барабанил на пианино.

И Ретерер, к удивлению Клайда, уже сидел в позолоченном кресле, а на коленях у него полулежала высокая девица с очень светлыми волосами и голубыми глазами. Она курила сигарету и притопывала золочеными туфельками в такт мотиву. Поразительное, сказочное зрелище, казалось Клайду! А перед Хеглендом стояла, подбоченясь и расставив ноги, пухлая, миловидная девица немецкого или скандинавского типа. И Клайд слышал, как она спрашивала высоким пискливым голосом: «Поухаживаешь за мной сегодня?» Но на Хегленда, по-видимому, не очень действовали эти заигры-

вания: он равнодушно покачал головой, и девушка отошла к Кинселле.

Пока Клайд глядел и размышлял, хорошенькая блондинка лет двадцати четырех — ему она показалась моложе — придвинула стул и села рядом с ним.

— Вы не танцуете? — спросила она.

Клайд нервно покачал головой.

— Хотите, научу?

— У меня все равно не получится.

— Да это же совсем нетрудно! Пошли!

Но Клайд решительно отказался, хотя ее любезность была ему приятна.

— Ну, может, выпьете? — предложила она тогда.

— Непременно, — любезно согласился он.

Девица сделала знак негритянке, и через минуту перед ними оказался столик, а на нем бутылка виски и содовая. Клайд едва не онемел от испуга. У него в кармане всего сорок долларов, а он слышал от других, что здесь каждый бокал стоил не меньше двух долларов. Подумать только, что он тратит такие деньги! И угощает такую женщину! А дома у него мать, сестра, братишка, и они едва сводят концы с концами... И все же он заказывал и платил, чувствуя, что он ужасно, невозможно расточителен, прямо устроил какую-то оргию... Но раз уж он здесь, надо держаться до конца.

Притом Клайд заметил, что девушка и в самом деле хорошенькая. На ней было вечернее платье из голубого бархата, туфли и чулки того же цвета, в ушах голубые серьги. Открытые плечи, шея и руки были полные и нежные. Особенно смущали Клайда глубокий вырез ее платья — он едва осмеливался смотреть в ту сторону — и ее накрашенные щеки и губы, вернейшие приметы продажной женщины. Однако она не казалась слишком навязчивой, наоборот, — держалась очень просто и с интересом смотрела в его глубокие, темные глаза, полные тревоги.

— Вы тоже работаете в «Грин-Дэвидсоне»? — спросила она.

— Да, — ответил Клайд, всячески стараясь показать, что все это для него не ново и что он уже не раз бывал в таких местах, в такой же обстановке. — А откуда вы знаете?

- Я знаю Оскара Хегленда. Он здесь бывает. Он ваш друг?
- Да. То есть мы вместе работаем в отеле.
- Но вы раньше здесь не бывали?
- Нет, — быстро ответил Клайд и тут же мысленно спросил себя, откуда она знает, что он не был здесь раньше.
- Я так и думала. Я уже видела почти всех остальных, а вас ни разу не видела. Вы недавно в отеле, правда?
- Да, — сказал Клайд и не без досады. Он поминутно то морщил лоб, то супил брови в произвольной гримасе; это бывало с ним всегда, когда он нервничал или глубоко задумывался. — Ну и что же?
- Да ничего. Просто я сразу догадалась. Вы не похожи на них, совсем другой.
- Она улыбнулась странно и ласково. Клайд не понял ни этой улыбки, ни настроения девушки.
- Чем же я другой? — хмуро и сердито спросил он, отпивая из бокала.
- Одно я знаю наверняка, — продолжала она, не обратив внимания на его вопрос, — вы не очень-то любите таких девушек, как я. Правда?
- Нет, почему же... — сказал он уклончиво.
- Нет, не любите. Я вижу. Но вы мне все равно нравитесь. Мне нравятся ваши глаза. Вы не такой, как все эти ребята, — благороднее, добрее. Я уж вижу, что вы другой.
- Ну, не знаю, — ответил Клайд, очень довольный и польщенный.
- Он все продолжал морщить лоб. Возможно, эта девушка не такая уж плохая, как он думал. Она умнее других, как-то утонченнее. И костюм ее не такой бесстыдный. И она не бросилась на него, как другие на Хегленда, Хигби, Кинселлу и Ретерера. Теперь почти все его товарищи сидели на стульях или диванах, держа на коленях девиц. Перед каждой парой стоял столик с бутылкой виски.
- Смотрите-ка, кто пьет виски! — крикнул Кинселла тем, кто еще мог обратить внимание на его слова, и указал глазами на Клайда.
- Не надо меня бояться, — говорила девушка, в то время как Клайд, испуганный и очарованный, смотрел на ее руки, шею, на слишком открытую грудь. — Я не очень давно этим

занимаюсь, и не была бы я здесь, да вот не везло мне в жизни. Мне и хотелось бы жить дома с родными, да теперь они меня не примут.

Она с серьезным видом опустила глаза, думая главным образом о том, какой неопытный и глупый этот Клайд — совсем желторотый птенец. И еще думала о деньгах, которые он у нее на глазах вынимал из кармана, — изрядная пачка... И еще о том, что он и правда миленький: не то чтобы очень красивый или сильный, но славный.

А Клайд в эту минуту думал об Эсте, о том, куда она уехала и где она теперь. Кто знает, что с ней? Что могло с ней произойти? Может быть, и с этой девушкой случилось такое же несчастье, как с его сестрой? В нем росло искреннее, хотя и немного презрительное сочувствие, и он смотрел на сидящую рядом девушку, словно желая сказать: «Бедняжка». Но сейчас он не решался вымолвить ни слова, не решался ни о чем спросить.

— Вот вы, молодые люди, приходите в такие дома, как наш, и всегда думаете о нас очень плохо, я ведь знаю. А мы вовсе не такие скверные.

Клайд все морщил лоб. Может быть, и правда она не такая уж скверная? Она падшая женщина, конечно... испорченная, но хорошенькая. Время от времени он посматривал на остальных девиц, и ни одна ему не нравилась так, как эта. И она находит, что он лучше других, благороднее, — так она сказала. Compliment попал в цель.

Она наполнила бокал Клайда и заставила его выпить вместе с ней.

Тем временем явились новые гости, и новые девушки вышли из загадочных глубин дома им навстречу.

Клайд заметил, что Хегленд, Ретерер, Кинселла и Хигби таинственно скрылись куда-то по задней лестнице, отделенной от залы тяжелыми портьерами. И когда появились новые гости, девушка предложила Клайду перейти на диван в глубине комнаты, где было меньше света.

Здесь она придвинулась к нему вплотную, погладила по руке и, наконец, взяв его под руку и тесно прижимаясь к нему, спросила, не хочет ли он посмотреть, как мило обставлены комнаты на втором этаже.

И Клайд, видя, что он остался здесь один из всей компании и никто за ним не наблюдает, позволил льнувшей к нему девушке увлечь его по занавешенной лестнице наверх, в маленькую розово-голубую комнату. И все время он твердил себе, что делает преступный и опасный шаг и это может кончиться для него большой бедой. Вдруг он схватит какую-нибудь ужасную болезнь. Или девушка потребует с него больше, чем он может заплатить. Он боялся девушки, себя, всего на свете... безмерно волновался и чуть не потерял дар речи, одолеваемый страхами и сомнениями. И все же он шел, и, как только дверь закрылась за ним, эта прекрасная, грациозная Венера с округлыми формами обернулась и обняла его; потом спокойно стала перед большим зеркалом, в котором он мог видеть ее всю, и начала раздеваться...

ГЛАВА XI

Приключение это подействовало на Клайда так, как оно только могло подействовать на новичка, глубоко чуждого всему этому миру. Правда, острое любопытство и непреодолимое желание привели его сюда и заставили поддаться соблазну, но строгие моральные правила, которые ему издавна внушали, и характерное для него отвращение ко всему грубому, неэстетичному, заставляли его смотреть на то, что произошло, как на нечто, несомненно, унижительное и греховное. Наверно, родители были правы, когда утверждали в своих проповедях, что это низменно и постыдно.

Однако приключение и мир, в котором оно произошло, теперь, когда все было уже позади, приобретали в глазах Клайда какую-то грубую языческую красоту, своеобразное вульгарное очарование. И пока другие, более яркие впечатления не заставили побледнеть это воспоминание, Клайд, против воли, возвращался к нему с большим интересом и даже удовольствием.

К тому же он повторял себе, что теперь, зарабатывая так много денег, он может ходить куда угодно и делать что угодно. Ему незачем идти снова в тот дом, если не хочется, — он может найти другие места, возможно, не такие бесстыдные, более утонченные. Ему не хотелось бы идти опять вместе со

всей компанией. Лучше бы просто найти себе какую-нибудь девушку, вроде тех, с которыми он видел Зиберлинга и Дойла. Таким образом, несмотря на все тревожные мысли, мучившие Клайда в ту ночь, он быстро освоился с новым источником удовольствия, если и не с обстановкой, в которой его впервые познал. Он должен, как Дойл, найти себе девушку нестрогих правил и тратить на нее деньги. И Клайд с нетерпением ждал удобного случая, чтобы осуществить свои планы.

Интересам и желаниям Клайда в это время вполне отвечало то обстоятельство, что и Хегленд, и Ретерер, хотя втайне и чувствовали его превосходство, а может быть, именно поэтому, стали относиться к нему с особенным вниманием: ухаживали за ним, вовлекали его во все свои дела и развлекали. Так, вскоре после того первого приключения Ретерер пригласил Клайда к себе, и Клайд с первого же взгляда понял, что семья Ретерера жила совсем иначе, чем его собственная.

У Гриффитсов все было строго и степенно: всегда чувствовалась сосредоточенность людей, живущих под давлением религиозных догм и убеждений. В доме у Ретерера было как раз наоборот. Мать и сестра его не чужды были известных если не религиозных, то моральных убеждений, однако смотрели на жизнь довольно свободно, — а моралист, пожалуй, сказал бы «беспринципно». Тут никогда и речи не было о каких-либо строгих нравственных устоях, о твердой линии поведения. И потому Ретерер и его сестра Луиза (она была на два года моложе его) поступали так, как им нравилось, и не слишком задумывались на этот счет. Но Луиза обладала достаточным умом и характером, чтобы не броситься на шею первому встречному.

Любопытней всего, что Клайд, несмотря на некоторую утонченность, заставлявшую его смотреть косо на большую часть того, что его окружало, был пленен безыскусственностью и свободой открывшейся перед ним жизни. По крайней мере среди этих людей он волен был поступать так, как ему доньше никогда еще не приходилось, и мог держаться непринужденнее, чем когда-либо. Особенно приятно было ему, всегда нервному и неуверенному в обращении с девуш-

ками, что теперь он почти освободился от сомнений в своей привлекательности. До сих пор, несмотря на свой недавний первый визит в храм любви, куда Хегленд и остальные показали ему дорогу, Клайд был убежден, что у него нет ни ловкости, ни обаяния, необходимых, чтобы нравиться девушкам. Стоило какой-нибудь девушке оказаться рядом или хотя бы направиться в его сторону, как он уже чувствовал себя совсем подавленным: его бросало в холод, в нервную дрожь, он глупел и окончательно терял способность разговаривать или шутить, как другие молодые люди. Но теперь, бывая у Ретереров, он получил полную возможность испытать, удастся ли ему побороть свою застенчивость и нерешительность.

В этом доме постоянно собирались друзья самого Ретерера и его сестры Луизы, более или менее одинаково смотревшие на жизнь. Здесь танцевали, играли в карты, беззастенчиво флиртовали. До сих пор Клайд не представлял себе, что родители могут быть такими снисходительными или равнодушными в вопросах поведения и нравственности, как миссис Ретерер. Он не представлял себе, чтобы какая-либо мать могла одобрять такие свободные товарищеские отношения между юношами и девушками, какие существовали в доме Ретереров.

Но очень скоро, благодаря дружеским приглашениям Ретерера, он почувствовал себя частью этой компании; на членов ее смотрел несколько свысока за их распушенность, за не слишком правильную речь, но, с другой стороны, его привлекала их непринужденность, общительность, умение веселиться. В такой компании наконец-то можно выбрать себе подругу, лишь бы хватило смелости! И Клайд вскоре попытался осуществить это при поддержке Ретерера, его сестры и всех их знакомых; случай представился в первое же его посещение Ретереров.

Луиза Ретерер служила в мануфактурном магазине и часто опаздывала домой к обеду. В тот день она не могла прийти раньше семи часов, и обед поэтому отложили. Тем временем к Луизе зачем-то зашли две ее подруги и, застав вместо нее Ретерера и Клайда, расположились как дома, заинтересованные Клайдом и его новым костюмом. Но Клайд, одновременно и жаждавший общества девушек, и робевший перед

ними, держался нервно и отчужденно, а подругам Луизы показалось, что он высокомерен и заносчив. Обиженные, они решили показать себя во всем блеске и вскружить ему голову — никак не меньше. Клайду очень понравилась их грубоватая веселость, и его быстро очаровала одна из них — Гортензия Бригс, хорошенькая и крайне самоуверенная брюнетка, которая, подобно Луизе, была всего лишь простой продавщицей в большом магазине. И все же Клайд сразу увидел, что она довольно вульгарна и грубовата и совсем непохожа на девушку, о какой он мечтал.

— Как, она еще не пришла? — воскликнула Гортензия, поздоровавшись с Ретерером и взглянув на Клайда, который стоял у окна и смотрел на улицу. — Какая досада! Ну, мы точку подождем, если вы не возражаете.

Эти слова сопровождалась кокетливыми ужимками, ясно говорившими: «Кто же вздумает возражать!»

Она подошла к зеркалу, любясь собой, и стала перед ним охорашиваться. А ее подруга, Грета Миллер, прибавила:

— Конечно, подождем. Надеюсь, нас не выгонят до ее прихода. Мы не обедать пришли. Мы думали, вы уже покончили с едой.

— С чего это вы взяли, что вас отсюда выгонят? — развязно ответил Ретерер. — Кто же вас выгонит, раз вам тут нравится? Садитесь, заведите граммофон, вообще делайте что хотите. Скоро будем обедать, и Луиза вот-вот явится.

Познакомив девушек с Клайдом, он вернулся в столовую дочитывать газету. А Клайд под их взглядами сразу почувствовал себя брошенным в утлой шлюпке на произвол судьбы среди неведомого моря.

— Не говорите мне про еду! — воскликнула Грета Миллер, спокойно разглядывая Клайда, как будто решая про себя, стоит ли он внимания, и решив, что стоит, пояснила: — Сколько нам сегодня придется съесть: и мороженое, и пирог, и пирожные, и сандвичи. Мы как раз пришли предупредить Луизу, чтобы она не очень наедалась. Знаешь, Том, Китти Кин справляет день рождения. У нее будет огромный пирог и много всякой всячины. Ты ведь придешь туда потом, правда? — закончила она, подумав, что, может быть, с Ретерером придет и Клайд.

— Вряд ли, — спокойно ответил Ретерер. — Мы с Клайдом надумали после обеда пойти в театр.

— Ну и глупо, — вставила Гортензия Бригс главным образом для того, чтобы привлечь к себе внимание, центром которого до сих пор была Грета. Гортензия все еще стояла у зеркала и теперь обернулась, послала обольстительную улыбку всем и особо — Клайду, в чью сторону, как ей казалось, уже закинула удочку ее подруга. — По-моему, глупость — идти в театр, когда можно пойти с нами к Китти и потанцевать.

— Конечно, вы только о танцах и думаете — и вы обе, и Луиза, — заметил Ретерер (он умел иногда быть весьма здравомыслящим человеком). — Прямо удивительно, как вам только не хочется иной раз отдохнуть. Вот я целый день на ногах и подчас не прочь посидеть.

— Не говорите мне про отдых! — заявила Грета Миллер с надменной улыбкой и сделала па влево, словно готовясь заскользить в танце. — У нас эта неделя сплошь занята. Жуть! — Она закатила глаза и трагически сжала руки. — Просто ужас, сколько нам придется танцевать этой зимой, — правда, Гортензия? По четвергам, по пятницам, по субботам и воскресеньям. Ну и ну! Вот ужас, правда?

Она кокетливо отсчитывала дни по пальцам и улыбалась Клайду, точно ища у него сочувствия.

— Угадай, Том, где мы на днях были, — Луиза с Ральфом Торном, Гортензия с Бертом Гетлером и я с Вилли Бэстиком! У Пэгрена на Уэстер-авеню. Видел бы ты, сколько там было народу! Мы танцевали до четырех утра. Я думала, у меня ноги отвалятся. Даже не помню, когда я так уставала.

— Да уж! — вмешалась Гортензия, трагически воздев руки к небесам. — Я думала, что не смогу работать на следующее утро. У меня до того слипались глаза, я насилу различала покупателей. А мама как волновалась! Просто ужас! Она до сих пор не может прийти в себя. По субботам и по воскресеньям еще ничего, но теперь мы танцуем и на неделе, а мне наутро в семь часов вставать, и уж тут мне от мамы так достается — ну и ну!

— Я ее хорошо понимаю, — сказала миссис Ретерер, которая как раз вошла с блюдом картофеля и хлебом. — Вы захвораете, если не дадите себе передышки, и Луиза тоже. Я все

говорю ей, что она не сможет работать и потеряет место, если будет так мало спать. Но она все равно как Том — сколько я ни говорю, ни капельки не слушается.

— Ну, мама, ты же знаешь, какая у меня работа, не могу я рано приходиться домой, — только и ответил Ретерер.

— Да я умерла бы с тоски, если б мне пришлось просидеть вечер дома! — воскликнула Гортензия Бригс. — Целый день работаешь, надо же и повеселиться немножко.

Как у них приятно в доме, думал Клайд. Как легко, свободно! И как задорно и весело держатся обе девушки. Очевидно, их родители не находят в этом ничего дурного. Вот если бы у него была такая хорошенькая подруга, как эта Гортензия Бригс, с маленьким чувственным ротиком и дерзкими блестящими глазами...

— Хватит с меня, если я два раза в неделю отосплюсь, — заявила Грета Миллер. — Отец думает, я сумасшедшая, а мне просто вредно много спать.

Она весело рассмеялась. А Клайд слушал ее с восхищением, хоть она и пересыпала свою речь неправильными и вульгарными оборотами. Вот воплощение юности, веселья, свободы и любви к жизни!..

В эту минуту входная дверь распахнулась, и быстро вошла Луиза Ретерер, стройная крепкая девушка среднего роста, в накидке на красной подкладке и в мягкой голубой фетровой шляпе, надвинутой на глаза. Луиза была подвижнее и энергичнее своего брата, мягче обеих своих подруг, и притом не менее хорошенькая.

— Вот у нас кто! — воскликнула она. — Эти две девчонки и домой прилетели раньше меня! А я сегодня застряла из-за путаницы в отчетной книжке. Пришлось объясняться в конторе. И совсем я не виновата, можете поверить. Просто они не разбирают мой почерк. — И тут только заметив Клайда, она воскликнула: — Держу пари, я знаю, кто это! Вы — мистер Гриффитс! Том много про вас говорил. Я все удивлялась, почему он вас раньше не привел.

И Клайд, крайне польщенный, пробормотал, что он рад был бы познакомиться раньше.

Обе гостьи вместе с Луизой удалились в маленькую спальню, чтобы о чем-то посоветоваться, но вскоре снова появи-

лись и после настойчивых уговоров, в которых, в сущности, не было никакой нужды, решили остаться. Клайд благодаря их присутствию очень оживился, повеселел и всячески старался произвести приятное впечатление и завязать дружбу с девушками. А все три девушки, находя его симпатичным, так усиленно старались понравиться ему, что он первый раз в жизни почувствовал себя свободно в женском обществе, и к нему вернулся дар речи.

— Мы пришли предупредить тебя, чтобы ты не слишком много ела, а сами уселись обедать, — со смехом говорила Грета Миллер Луизе. — А у Китти будут и пироги, и пирожные, и всякие вкусные вещи.

— Да, и после всего этого надо будет танцевать! — прибавила Гортензия. — Помоги нам Боже, одно могу сказать!

Ее рот и особенно улыбка казались Клайду прелестными, он был вне себя от восторга. Удивительная, очаровательная девушка! Она так поразила его, что он чуть не захлебнулся кофе. Он рассмеялся в приступе неудержимого веселья.

В этот миг она обернулась к нему и воскликнула:

— Смотрите, что я с ним сделала!

— Вы еще гораздо больше сделали! — сказал Клайд, ощущая внезапный прилив вдохновения и храбрости. В обществе Гортензии он вдруг почувствовал себя дерзким и смелым, хотя и немного поглупевшим, и прибавил: — Знаете, тут столько красивых девушек, что у меня голова кружится!

— Ну, не сдавайся так быстро, — добродушно предостерег Ретерер. — Они зацапают тебя и заставят водить их, куда им вздумается. Лучше не связывайся.

И в самом деле, Луиза Ретерер, несколько не смущаясь тем, что сказал брат, обратилась к Клайду:

— Вы, конечно, танцуете, мистер Гриффитс?

— Нет, я не умею, — ответил Клайд, мгновенно отрезвленный ее вопросом: в эту минуту он от души пожалел, что не обладает столь необходимым качеством. — Но сейчас мне ужасно хотелось бы уметь, — галантно прибавил он и почти умоляюще взглянул сначала на Гортензию, а затем на Грету Миллер и Луизу.

Все сделали вид, что не заметили этого предпочтения, хотя оно приятно пощекотало самолюбие Гортензии. Она еще

не была уверена, так ли уж ее интересует Клайд, но столь легко и с таким блеском восторжествовать над подружками — уже кое-что! И подружки это почувствовали.

— Да, плохо дело. — Теперь, уверенная, что Клайд предпочитает ее остальным, она говорила с ним равнодушно и несколько свысока. — Если бы вы танцевали, вы и Том могли бы пойти с нами. У Китти почти все время будут танцевать.

Клайд был уничтожен. Подумать только: эта девушка, к которой его влечет гораздо сильнее, чем к остальным, так легко отталкивает его со всеми его мечтами и желаниями только потому, что он не умеет танцевать. И во всем виновато его проклятое воспитание. Он чувствовал себя разбитым, обманутым. Каким простофилей они его считают! Вот и Луиза смотрит удивленно и равнодушно.

Но тут Грета Миллер, которая нравилась ему меньше, чем Гортензия, пришла к нему на помощь:

— Можно и научиться, — это не так уж трудно. Если хотите, я после обеда в пять минут вас обучу. Надо только запомнить несколько па. И тогда вы сможете пойти с нами, если хотите.

Клайд обрадовался и стал благодарить. Он непременно научится танцевать — здесь или в другом месте, при первом же удобном случае. Почему он раньше не пошел в школу танцев, спрашивал он себя. Но особенно огорчало его видимое равнодушие Гортензии — и это после того, как он ясно показал, что она ему нравится. Может быть, он потому и не интересуется ее, что существует этот Берт Гетлер, которого тут поминали и с которым она ходила танцевать. Ну до чего ему всегда не везет!

Но когда обед кончился и все еще разговаривали, сидя за столом, именно Гортензия завела граммофон и первая предложила дать ему урок танцев: она и тут не хотела позволить сопернице одержать над нею верх. Клайд ей вовсе не нравился, во всяком случае не так, как Грете. Но если подруга намерена добиться успеха таким способом, то почему бы ее не опередить? И вот, пока Клайд удивлялся перемене в поведении Гортензии и вообразил уже, будто она относится к нему лучше, чем ему казалось, она взяла его за руки, думая при этом, что он чересчур застенчив. Она обвинила его руку

вокруг своей талии, другую руку вложила в свою, держа ее на уровне плеча, и, приказав ему внимательно следить за каждым движением ног, начала показывать основные па танца. Но как ни был он усерден, благодарен, почти смешон в своем напряженном усердии, Гортензии он не очень нравился: она находила, что он простоват и слишком юн. И все же было в нем что-то милое, что вызывало у нее желание ему помочь. Скоро он уже танцевал с ней совсем легко, а потом танцевал и с Гретой и с Луизой, но все время думал только о Гортензии. В конце концов все признали, что он достаточно наловчился и может идти с ними, если хочет.

Клайду непременно хотелось оставаться возле Гортензии и еще потанцевать с нею. И хотя тут как раз появились три молодых человека, в том числе пресловутый Берт Гетлер, готовые сопровождать девиц к Китти, и хотя он еще раньше уговорился с Ретерером пойти в театр, — Клайд не мог скрыть желаний отправиться с остальными, так что Ретерер в конце концов согласился махнуть рукой на театр. Вскоре вся компания вышла из дома, и Клайд, огорченный тем, что не может идти с Гортензией, которую сопровождал Гетлер, немедленно возненавидел соперника; все же он старался быть любезным с Луизой и Гретой, которые оказывали ему достаточно внимания, чтобы он мог чувствовать себя свободно. Ретерер заметил его увлечение Гортензией и, уловив удобную минуту, когда они остались вдвоем, шепнул ему:

— Ты не очень бегай за этой Гортензией Бригс. По-моему, она просто кокетка. Вертит и Гетлером и другими. Ты только будешь плясать под ее дудку и ничего от нее не добьешься.

Но это честное дружеское предупреждение уже не могло образумить Клайда. Колдовство улыбки, магическая прелесть и сила юности, чувствовавшаяся в каждом ее движении, — все это окончательно вскружило ему голову, и он готов был отдать и сделать все, что угодно, еще за одну улыбку, за один взгляд, за пожатие руки. А ведь перед ним была девушка, которая не больше мотылька знала, к чему она стремится, и лишь недавно поняла, как удобно и выгодно использовать юнцов ее возраста или немного старше для того, чтобы получать любые развлечения и наряды, каких она только пожелает.

Вечеринка оказалась обычным сборищем молодежи, где бурно проявляется стремление девушек и юношей подыскать себе пару. Китти Кин жила в простеньком домишке на бедной улице, где стояли голые декабрьские деревья. Но Клайду, внезапно охваченному страстью к хорошенькому личику, все вокруг казалось ярким, веселым и романтичным. Молодые люди, которых он там встретил, — девушки и юноши типа Ретерера, Хегленда, Гортензии, — все еще были для него истинным воплощением силы, непринужденности и самоуверенности, а он готов был душу отдать, лишь бы самому обладать этими качествами. Любопытно, что Клайд, хотя и нервничал немного, но благодаря новым друзьям быстро освоился и принял участие в общем веселье.

Для него это был случай наблюдать, как ведут себя и как развлекаются известного типа девушки и юноши, — зрелище, какого он не видел раньше, к своему счастью или несчастью, как вам угодно. Здесь, например, были в ходу особенно чувственные танцы, и Луиза, Грета и Гортензия предавались им с величайшей беспечностью. Многие молодые люди принесли с собой виски в карманных флягах и не только потягивали сами, но и угощали других — даже девушек.

Общая веселость от этого немало усилилась, отношения между юношами и девушками стали интимнее, флирт смелее. Гортензия, Луиза и Грета тоже принимали в этом участие. Иногда вспыхивали ссоры. И, очевидно, здесь вовсе не считали неприличным, если молодой человек обнимал девушку где-нибудь за дверью или держал ее у себя на коленях, сидя на стуле в каком-нибудь укромном уголке, или полулежал с ней на диване, нашептывая интимные и, несомненно, приятные ей признания. Правда, Клайд ни разу не заметил, чтобы Гортензия лежала в подобной позе на диване, но и она, как он видел, преспокойно усаживалась на колени к разным юнцам и шепталась с ними за дверьми. И это так обескураживало и злило его, что он решил больше с ней не знаться: слишком она доступна, вульгарна и безрассудна! Чтобы не показаться менее светским и опытным человеком, чем другие, Клайд пробовал все напитки, которые ему предлагали, пока наконец не набрался необычной для него храбрости и дерзости, — тут он осмелился, не то умоляя, не то

упрекая, заговорить с Гортензией о ее слишком вольном поведении:

— Вы кокетка, вот что. Вам все равно, кому кружить голову, да?

Он сказал это, танцуя с ней после часу ночи. Юнец по фамилии Уилкинс играл на изрядно расстроенном пианино, а Гортензия с добродушным и кокетливым видом показывала Клайду новые па и смотрела на него томно и весело.

— Что вы хотите сказать? Не понимаю.

— Ах, не понимаете? — сказал Клайд сердито, но все же с натянутой улыбкой, за которой он пытался скрыть свое подлинное настроение. — Я уже слышал о вас. Вы всем кружите головы.

— Вот как? — воскликнула она с досадой. — Ну, вам-то я, кажется, не очень старалась вскружить голову?

— Да ну, не сердитесь, — сказал он просительно и вместе с тем ворчливо, опасаясь, что, пожалуй, зашел слишком далеко и может совсем потерять ее. — Я не хотел сказать вам ничего обидного. Ведь вы же позволяете многим парням за вами ухаживать. Во всяком случае, вы им нравитесь.

— Ну да, конечно, нравлюсь. Но что же я могу поделать?

— Так вот что я вам скажу, — хвастливо, с азартом выпалил он, — я могу тратить на вас куда больше, чем любой из них. У меня денег хватит.

Только за минуту перед тем он подумал о пятидесяти пяти долларах, которые уютно лежали у него в кармане.

— Ну, не знаю, — возразила она, очень заинтересованная этим, так сказать, денежным предложением и в то же время очень гордая своей способностью так воспламенять чуть ли не всех молодых людей.

Гортензия была не слишком умная девушка, очень легкомысленная и самовлюбленная; она не могла спокойно пройти мимо зеркала: каждый раз восхищалась своими глазами, волосами, шеей, руками и практиковалась в особенно пленительных улыбках.

Притом Гортензия не осталась равнодушна к тому, что Клайд был красив, хотя и очень юн. Она любила поддразнивать таких желторотых. С ее точки зрения, он был глуповат. Но он служил в «Грин-Дэвидсоне», хорошо одевал

ся и, наверно, как он сказал, у него достаточно денег, и он охотно будет тратить их на нее. Иные юнцы, которые особенно нравились ей, имели в своем распоряжении не слишком много денег.

— Найдется сколько угодно таких, кто с удовольствием потратит на меня деньги!

Она тряхнула головой, взмахнула ресницами и снова улыбнулась своей самой пленительной улыбкой.

Лицо Клайда сразу омрачилось. Он был слишком слаб пред ее чарами. Лоб его наморщился, затем снова разгладился. Глаза горели, в них было страстное желание и горечь, давняя досада на жизнь и раздражение обойденного и обиженного. Конечно, Гортензия сказала правду. Найдутся люди, у которых денег больше, чем у него, и которые могут больше на нее тратить. Он смешон со своим хвастовством, и она насмехается над ним. Помолчав, он прибавил уныло:

— Наверно, вы правы. Но никто не любит вас так, как я!

Бескорыстная искренность этих слов польстила Гортензии.

В конце концов, он не так уж плох. Они грациозно скользили под звуки неумолкавшей музыки.

— О, я не всегда так флиртую, — сказала она. — Ведь тут мы все свои, все хорошо знаем друг друга, всюду бываем вместе. Вы не должны осуждать нас.

Это была только искусная ложь, но все-таки она успокоительно подействовала на Клайда.

— Я бы отдал все на свете, только бы вы лучше относились ко мне, — молил он в отчаянии и восторге. — Я никогда не видел девушки лучше вас! Вы замечательная! Я от вас без ума! Давайте как-нибудь пообедаем вместе, а потом сходим в театр. Хорошо? Хотите завтра вечером или в воскресенье? Эти вечера у меня свободные, а остальные я работаю.

Она сначала колебалась, потому что даже теперь не была уверена, что захочет продолжать это знакомство. Ведь есть еще Гетлер, не говоря уже о многих других, все они ревнивы и внимательны. Хотя Клайд и готов тратить на нее деньги, но, может быть, лучше с ним не связываться. Он и сейчас уже слишком пылок, и, пожалуй, с ним будет много хлопот. Но в то же время кокетство — вторая натура Гортензии — не

позволяло ей оттолкнуть Клайда. Вдруг он попадет в руки Греты или Луизы! И потому в конце концов она согласилась встретиться с ним в следующий вторник. Но он не должен приходить к ней домой и не должен провожать ее сегодня: у нее есть провожатый — мистер Гетлер. А во вторник в половине седьмого она будет около отеля «Грин-Дэвидсон».

Он обещал ей обед у Фриссела, а затем они посмотрят «Корсара», музыкальную комедию в театре Либби, всего в двух кварталах от ресторана.

ГЛАВА XII

Каким бы пошлым и заурядным ни показалось многим это знакомство, для Клайда оно было преисполнено значительности. До сих пор никогда ни одна девушка, да еще такая очаровательная, не удостаивала его даже взглядом, — так он, по крайней мере, воображал. А теперь он встретил красивую девушку, и она настолько им заинтересовалась, что согласилась пообедать с ним и пойти вместе в театр. Пожалуй, она и вправду кокетка и ни с кем не бывает искренней, и маловероятно, что она так быстро подарит ему свое расположение, но — кто знает, кто может сказать?..

Верная своему обещанию, Гортензия действительно пришла во вторник на угол Четырнадцатой и Вайандот-стрит, неподалеку от «Грин-Дэвидсона». Клайд был так взволнован, польщен, обрадован, что с трудом мог привести в порядок свои мысли и чувства.

Стараясь показать, что достоин Гортензии, он особенно тщательно позаботился о своей внешности: намадил волосы, надел галстук бабочкой, новое шелковое кашне, шелковые носки, чтобы заметней были ярко-коричневые ботинки, купленные нарочно для этого случая. Но когда они встретились, он так и не понял, обратила ли она на все это хоть малейшее внимание. В конце концов, она интересовалась только своей собственной внешностью. К тому же — это была ее обычная уловка — она заставила Клайда прождать почти до семи часов, и за это время он успел впасть в глубочайшее уныние. А что, если она за эти дни потеряла всякий интерес к нему и не хочет больше с ним встречаться? Что ж,

тогда придется обойтись без нее. Но это доказало бы, что он не интересен такой красивой девушке, как она, несмотря на свой нарядный костюм и на все свои деньги. Он решил, что его подруга — если это будет не Гортензия — непременно должна быть красивой. Некрасивая ему не нужна. Ретере-ру и Хегленду как будто все равно, хороши ли собой их знакомые девушки, но для него это страшно важно! От одной мысли о том, чтобы удовольствоваться менее привлекательной девушкой, чем Гортензия, Клайду становилось тошно.

И вот он стоит на улице, в тени подъезда, а вокруг сияние огней, вывесок и реклам, сотни пешеходов спешат во всех направлениях, и почти на всех лицах — мысль о предстоящих развлечениях и встречах, а он — он один, и, возможно, сейчас ему придется повернуться и пойти куда-то: обедать — одному, в театр — одному, и домой он вернется один, а завтра утром опять на работу. Клайд уже почти решил, что его постигла неудача, как вдруг неподалеку в толпе увидел Гортензию. Она была изящно одета: в черном бархатном жакете с красновато-коричневым воротником и обшлагами и в большой круглой бархатной шляпе с красной кожаной пряжкой сбоку. Щеки и губы слегка подкрашены. Глаза блестят. И, как всегда, сразу видно, она очень довольна собой.

— Хелло, я опоздала, да? Но я никак не могла успеть вовремя. Понимаете, я забыла, что обещала увидаться с одним парнишкой — это мой друг, тоже чудный мальчик, — и только в шесть часов вспомнила, что у меня назначено два свидания. Вышло так неприятно. Мне надо было предупредить кого-нибудь из вас. Я совсем уже собралась позвонить и угovorиться на другой вечер, да вспомнила, что вас нет на службе после шести. Том никогда не задерживается после шести. А Чарли всегда на работе до половины седьмого и даже позже иногда, и он очень милый мальчик — никогда не дуется и не ворчит. Он тоже хотел сегодня повести меня в ресторан и потом в театр. Он работает в табачном киоске в «Орфии». Ну вот, я ему позвонила. Он был не очень-то доволен. Но я сказала, что мы встретимся в другой вечер. Ну, что же, вы рады? Вы понимаете, что ради вас я огорчила Чарли, такого красивого мальчика?

Она уловила тревожное, ревнивое и в то же время робкое выражение, мелькнувшее в глазах Клайда, пока она говорила о другом своем поклоннике. Мысль, что можно заставить его ревновать, привела Гортензию в восторг. Итак, она окончательно покорила его! И она тряхнула головой и улыбнулась, идя с ним в ногу.

— Еще бы, так мило с вашей стороны, что вы пришли.

Клайд заставил себя сказать это, хотя от ее слов о Чарли, «чудном мальчике», у него перехватило горло и сердце сжалось. Ну разве сможет он удержать такую красивую и такую своевольную девушку!

— А у вас сегодня шикарный вид, — продолжал он, заставляя себя поддерживать разговор и сам немного удивляясь, что ему это удастся. — Вам идет эта шляпка и жакет тоже.

Он не отрываясь смотрел на нее, и в глазах его светилось восхищение и жадная, голодная страсть. Он хотел бы поцеловать ее прямо в губы, но не смел здесь, на улице, да и ни где пока не осмелился бы.

— Не удивительно, что все вас приглашают. Вы такая красивая!.. Хотите приколоть к жакету розы?

Они проходили в эту минуту мимо цветочного магазина, и у Клайда явилась мысль поднести ей цветы. Он слышал от Хегленда, что женщины любят мужчин, которые делают им подарки.

— Да, конечно, от роз я не откажусь, — ответила Гортензия, входя в магазин. — Или, пожалуй, лучше букетик фиалок. Они такие милые. И они, кажется, больше подойдут к моему жакету.

Ей понравилось, что Клайд подумал о цветах. И он говорил ей такие приятные вещи. В то же время она была убеждена, что он очень мало знает девушек, а может быть, и вовсе не знает. А она предпочитала мужчин и юношей более опытных, которые не так легко покорялись бы ей, которых было бы не так легко удержать. Однако она не могла не думать, что Клайд чем-то лучше мужчин, к которым она привыкла, тоньше, благороднее. И потому, несмотря на всю его неуклюжесть (с ее точки зрения), она готова была оставить его около себя и посмотреть, как он будет вести себя дальше.

— Вот эти шикарные! — воскликнула она, выбрав довольно большой букет фиалок и прикладывая их к жакету. — Эти мне нравятся!

И пока Клайд расплачивался, она вертелась перед зеркалом, пристраивая фиалки по своему вкусу. Наконец, довольная эффектом, она обернулась к Клайду с возгласом:

— Ну вот, я готова! — и взяла его под руку.

Клайд, немало напуганный ее развязными манерами, не знал, что сказать. Но напрасно он тревожился — Гортензия всецело была поглощена собственной персоной.

— Ну, скажу я вам, и неделька же у меня выдалась! Каждый вечер танцы. Возвращалась домой в три часа. А в воскресенье танцевали почти до утра. Да, скажу я вам, последний вечер был самый трудный. Вы были когда-нибудь у Бэркета? Это у перевоза Гиффорда, знаете? Очень модное место, замечательное, немного дальше «Биг-блю» на Тридцать девятой улице. Летом дансинг, а зимой тут же каток и можно танцевать на льду. И очень милый маленький оркестр.

Клайд любовался игрой ее губ, блеском глаз и живостью жестов, очень мало задумываясь над тем, что именно она говорит.

— С нами был Уоллес Трон... Ну и мальчишка! Когда мы стали есть мороженое, он пошел в кухню, вымазал лицо сахаром, взял у официанта куртку и передник и стал нам прислуживать. Смешной мальчишка! А какие фокусы он проделывал с тарелками и ложками!

Клайд вздохнул: он отнюдь не отличался такими талантами, как этот Трон.

— А потом, в понедельник утром, мы все вернулись домой около четырех часов, а в семь мне уже нужно вставать. Я была как вареная рыба. Меня бы уволили, если б не славный народ в магазине и не мистер Бек. Это, знаете, заведующий в моем отделе. По правде говоря, я его так мучаю, беднягу. В магазине я делаю что хочу. Раз я очень опоздала после завтрака; одна подруга взяла мою карточку и отбила за меня время на контрольных часах, понимаете? А тут вошел мистер Бек и увидел ее. А после, уже часа в два, он мне говорит: «Послушайте, мисс Бригс (он всегда называет меня мисс Бригс; я не позволяю называть себя по-другому. Он

еще стал бы вольничать, если бы я позволила). Этот номер не пройдет — передавать карточку. Надо бросить эти штучки». А я только расхохоталась. Он иногда так брюзжит на нас! Но я все равно поставила его на место. Он, понимаете ли, немножко неравнодушен ко мне — кто-кто, а он меня ни за что на свете не уволит. Я и говорю ему: «Послушайте, мистер Бек, вы со мной не разговаривайте таким тоном. Я нечасто опаздываю, у меня нет такой привычки. И потом, я могу найти себе и другую службу в Канзас-Сити. Если уж так повелось, что стоит мне в кои-то веки опоздать, как сразу начинаются разговоры, — так, пожалуйста, увольняйте меня, и все». Не могла же я позволить, чтобы он говорил со мной таким тоном. Как я думала, так и вышло, — он сразу сдался. Он только сказал: «Ну, все равно, я вас предупредил. В другой раз вас может увидеть мистер Тирни, и тогда вы попробуете, каково служить в другом месте». Конечно, он сказал это все ради смеха и знал, что я тоже дурачусь. Я расхохоталась. А через две минуты он смеялся с мистером Скоттом, я видела. Но, черт возьми, я иногда выкидываю там штучки!

Наконец они подошли к ресторану Фриссела, и Клайд, не сказавший за всю дорогу и двух слов, вздохнул с облегчением. В первый раз в жизни он мог гордиться тем, что угощает девушку в таком шикарном месте. Теперь он и в самом деле кое-чего добился. У него — настоящий роман! Гортензия так высоко ценила себя, так настойчиво подчеркивала свои приятельские отношения с множеством девушек и молодых людей, весело проводящих время, что Клайду казалось, будто до сих пор он вовсе и не жил. Он быстро вспоминал, о чем она рассказывала: Бэркет, катание на коньках и танцы на льду... Уоллес Трон... молодой продавец из табачного киоска, с которым она должна была встретиться сегодня... мистер Бек, ее начальник в магазине, настолько влюбленный, что не в силах ее уволить... И, глядя, как она, совсем не думая о состоянии его кошелька, заказывает обед по своему вкусу, Клайд любовался ее лицом, фигурой, формой кисти, по которой можно судить об изяществе и красоте всей руки, высокой, вполне сформировавшейся грудью, изгибом бровей, нежной округлостью щек и подбород-

ка. Притом Клайда волновал ее мягкий, вкрадчивый голос. Он был восхищен. Вот если бы такая девушка принадлежала ему!

А она и здесь, как на улице, продолжала болтать о себе, и на нее, видимо, не производило никакого впечатления, что она обедает в таком месте, которое Клайду казалось совершенно замечательным. В те минуты, когда Гортензия не смотрелась в зеркало, она изучала меню и выбирала, что ей нравится: барашек в мятном желе... нет, омлет она не любит и ростбиф тоже... Ах, вот что: филе-миньон с грибами... В конце концов она прибавила к этому сельдерей и цветную капусту. И ей хотелось бы коктейль. Да, да, Клайд слышал от Хегленда, что обед ничего не стоит без маленькой выпивки, и потому нерешительно предложил коктейль. А Гортензия, выпив коктейль, потом другой, стала еще оживленнее, веселее и болтливее, чем прежде.

Но Клайд заметил, что она продолжает держаться с ним несколько отчужденно, безразлично. Когда он робко пытался перевести разговор на их отношения, на свое чувство к ней, выяснить, не влюблена ли она в кого-нибудь другого, она обрывала его, заявляла, что ей нравятся все молодые люди, все одинаково. Они все так милы, так внимательны к ней. Да так и должно быть! Иначе она не станет вести с ними знакомство. Тогда они ей ни к чему! Ее живые глаза сверкали, и она вызывающе встряхивала головой.

И Клайд был пленен всем этим. Ее жесты, позы, гримаски, все ее движения были чувственными, многообещающими. Казалось, ей нравилось дразнить, обещать, делать вид, что она готова сдаться, а затем отказываться от всех обещаний, притворяясь целомудренно-сдержанной, словно у нее и в мыслях не было того, что ей приписывали.

Клайда возбуждало и приводило в трепет уже одно то, что она была здесь, рядом. Это была пытка, но сладкая пытка. Он был полон мучительных мыслей о том, как было бы чудесно, если бы Гортензия позволила ему обнять ее, поцеловать, даже укусить. Прижаться губами к ее губам! Задушить ее поцелуями и ласками! По временам она бросала на него умышленно томный взгляд, и он ощущал болезненную слабость, до головокружения. Он мечтал только об одном: что

когда-нибудь упорным ухаживанием или деньгами он заставит ее полюбить себя.

Но и после того, как они побывали в театре, а затем он доставил ее домой, Клайд не достиг сколько-нибудь заметного успеха. Так как Гортензия мало интересовалась Клайдом, она во время представления «Корсара» в театре Либби с искренним интересом следила за спектаклем, говорила только о пьесах, которые видела раньше, высказывала свое мнение об актерах и актрисах, вспоминала, кто именно из поклонников водил ее на ту или иную пьесу. И Клайд, вместо того чтобы соперничать с ней в остроумии и высказывать собственные суждения, был вынужден только поддакивать ей.

А она все время думала об одержанной ею новой победе. И так как она давно уже перестала быть добродетельной и поняла, что у него есть кое-какие деньги и он готов тратить их на нее, она решила, что будет в меру мила с ним — ровно настолько, чтобы удержать его, не больше. И притом, по своему обыкновению, будет как можно больше развлекаться с другими, а Клайда заставит покупать ей разные вещи и занимать ее в те дни, когда у нее не будет других достаточно интересных приглашений.

ГЛАВА XIII

Так продолжалось по меньшей мере четыре месяца. После того первого вечера Клайд значительную часть своего свободного времени посвящал Гортензии, пытаясь заинтересовать ее в такой же мере, в какой она, видимо, интересовалась другими молодыми людьми. А между тем он не мог бы сказать, способна ли она по-настоящему привязаться к кому-нибудь одному, но и не мог поверить, чтобы у нее были со всеми только невинные товарищеские отношения. Однако она была так соблазнительна, что он с ума сходил: если его худшие подозрения справедливы, быть может, в конце концов она окажется благосклонной и к нему. Он был так одурманен чувственной атмосферой, окутывавшей Гортензию, ее изменчивостью, желанием, явственно сквозившим в ее жестах, настроениях, голосе, манере одеваться, что и подумывать не мог от нее отказаться.

Словом, он глупо бегал за ней. А она, видя это, не подпускала его близко, порой избегала, заставляла его довольствоваться жалкими крохами своего внимания и вместе с тем милостиво посвящала в подробности своих увеселений в обществе других молодых людей. Он чувствовал, что не в силах больше вот так бегать за нею, и в ярости давал себе слово прекратить эти встречи. Право, ничего хорошего у него с нею не выйдет. Но при новом свидании, видя то же холодное равнодушие в каждом ее слове и каждом поступке, он терял мужество и не в силах был порвать свои оковы.

И при этом Гортензия не стеснялась говорить ему, что из вещей ей нужно и что хотелось бы иметь; сперва это были мелочи: новая пуховка для пудры, губная помада, коробка пудры или флакон духов. Потом она осмелела и в разное время, под разными предложениями говорила Клайду о сумках, блузках, туфельках, чулках, шляпе, которые она бы с удовольствием купила, будь у нее деньги; а меж тем она не шла на уступки, отделялась уклончивыми, мимолетными ласками, изредка с томным видом разрешая себя обнять; эта томность много обещала, но обещанное никогда не сбывалось. И Клайд, чтобы снискать ее расположение и доверие, покупал все эти вещи, хотя подчас из-за того, что происходило у него дома, такие траты были ему не под силу. Однако к концу четвертого месяца он стал понимать, что очень мало продвинулся вперед: благосклонность Гортензии так же далека от него сейчас, как и в начале их знакомства. Словом, он жил в лихорадочной, мучительной погоне за нею без сколько-нибудь определенной надежды на награду.

А между тем в доме Грифитсов по-прежнему царили органически присущие всем членам этой семьи беспокойство и подавленность. С исчезновением Эсты начался период уныния, и ему не видно было конца. Для Клайда все это осложнялось мучительно дразнящей, больше того — раздражающей таинственностью, ибо ни одни родители не могли бы проявить большую щепетильность, чем Грифитсы, в тех случаях, когда в семье происходило что-либо, связанное с вопросами пола. И особенно это относилось к тайне, с некоторых пор окружавшей Эсту. Она сбежала. И не вернулась. И, насколько знали Клайд и остальные дети, от нее не бы-

ло никаких вестей. Однако Клайд заметил, что после первых недель ее отсутствия, когда и мать и отец чрезвычайно тревожились, мучаясь вопросами — где она и почему не пишет, они вдруг перестали волноваться и как будто примирились с тем, что произошло: по крайней мере, они уже не так терзались положением, которое прежде казалось совершенно безнадежным. Он не мог этого понять. Перемена была очень заметна, и, однако, никто не сказал ни слова в объяснение. Немного позже Клайд заметил, что мать с кем-то переписывается, а это бывало нечасто: у нее почти не было знакомств и деловых связей, и письма она получала или писала очень редко.

Однажды, вскоре после того как Клайд стал работать в отеле «Грин-Дэвидсон», он пришел домой раньше обычного и застал мать, склонившуюся над письмом, очевидно только что полученным и очень важным для нее. И, вероятно, в нем было что-то секретное, так как при виде Клайда мать тотчас перестала читать, торопливо и нервно встала и отложила письмо, ничего не объясняя. Но Клайд почему-то — может быть, чутьем — понял, что это письмо от Эсты. Он не был уверен. Он стоял далеко и не мог узнать почерка. Но как бы то ни было, мать ничего потом не сказала ему об этом письме. Выражение ее лица говорило, что она не желает расспросов, и столько сдержанности было в их отношениях, что Клайду и в голову не пришло расспрашивать. Он просто удивился, а потом почти забыл об этом случае.

Через месяц или немного больше, когда он уже неплохо освоился с работой в отеле и увлекся Гортензией Бригс, мать вдруг обратилась к нему с очень странным вопросом. Однажды, когда он только что вернулся с работы, она позвала его в зал миссии. Не объясняя, для чего ей это нужно, и не говоря прямо, что теперь Клайд, по ее мнению, более или менее в состоянии помочь ей, мать сказала, пристально и с волнением глядя на него:

— Клайд, ты не знаешь, как бы мне достать сейчас сто долларов?

Клайд так изумился, что едва мог поверить своим ушам: всего несколько недель назад заговорить с ним о сумме большей, чем четыре-пять долларов, было бы совершенной не-

лепостью. Мать это знала. А теперь она обращалась к нему, словно подозревая, что он может достать для нее такие большие деньги. И правильно, ведь его одежда и весь его вид говорили, что для него настали лучшие дни.

Прежде всего он подумал об одном: конечно, мать заметила, как он одет и какой образ жизни ведет, и пришла к убеждению, что он обманывает ее относительно размеров своего заработка. И отчасти это было верно; но поведение Клайда в последнее время так изменилось, что матери тоже пришлось совсем изменить свое с ним обращение: она теперь сомневалась, удастся ли ей в дальнейшем сохранить свою власть над ним. В последнее время — с тех пор как он поступил на новое место — ей почему-то казалось, что он стал благоразумнее, увереннее в себе, меньше поддается сомнениям и намерен жить по-своему и сам за себя отвечать. Это ее немало тревожило, но, с другой стороны, нравилось ей. Чувствительная и беспокойная натура Клайда всегда была загадкой для матери, и видеть его наконец самостоятельным — это уже кое-что; правда, замечая, каким он становится франтом, она порою тревожилась и с недоумением спрашивала себя: в какую компанию он попал? Но, поскольку работа в отеле отнимала у него так много времени, а весь свой заработок он, очевидно, тратил на одежду, она считала, что у нее нет оснований жаловаться. Еще одно опасение мелькало у нее: не слишком ли он эгоистичен, не чересчур ли заботится о собственном благополучии. Но, зная, как долго он был лишен всяких удовольствий, она не могла слишком сурово порицать его теперь за желание развлечься.

Клайд смотрел на мать, не вполне понимая, что у нее на уме.

— Но где же я достану сто долларов, мама?! — воскликнул он.

Он уже видел мысленно, как из-за таких вот неслыханных и необъяснимых требований иссякает только что обретенный им источник богатства, и на его лице отразились огорчение и недоверие.

— Я и не думала, что ты можешь достать для меня всю эту сумму, — деликатно ответила миссис Гриффитс. — У меня есть план, я надеюсь сама достать большую часть денег. Я толь-

ко хочу, чтобы ты посоветовал мне, как добыть остальное. Я не хотела бы обращаться к твоему отцу, если этого можно избежать, а ты становишься уже достаточно взрослым, чтобы немного помочь мне. — Она с интересом и одобрением смотрела на Клайда. — Отец не силен в деловых вопросах, — продолжала она, — и у него без того много забот.

Она устало провела широкой ладонью по лбу; Клайд видел, что она попала в очень затруднительное положение, и ему стало жаль ее, хоть он и не знал, в чем дело. Притом, помимо нежелания расстаться с деньгами, в нем заговорило любопытство: для чего все это? Сто долларов! Вот так номер!

— Я тебе скажу, какой у меня план, — помолчав, прибавила мать. — Мне необходимы сто долларов, но я не могу сейчас сказать тебе, да и никому другому, для чего, и ты меня не спрашивай. Вот здесь, в столе, старые золотые часы отца и мое золотое кольцо и булавка. Если их продать или заложить, за все должны дать двадцать пять долларов, не меньше. Потом есть еще мои серебряные ножи и вилки, и серебряное блюдо, и кувшин. (Клайд хорошо знал эти реликвии.) Одно это блюдо стоит двадцать пять долларов. Я думаю, за них тоже дадут долларов двадцать или двадцать пять. Если бы ты нашел где-нибудь по соседству с твоим отцом хороший ломбард и заложил бы все это и если бы потом ты некоторое время давал мне лишних пять долларов в неделю... (Лицо Клайда вытянулось.) Я могла бы попросить одного моего друга — мистера Мерча, ты его знаешь, он бывает у нас в миссии, — одолжить мне столько, сколько не хватит до сотни, а потом я смогу возвращать ему из тех денег, которые ты будешь мне давать. И у меня самой есть еще долларов десять.

Она посмотрела на Клайда так, словно хотела сказать: «Надеюсь, ты не оставишь меня в беде», — и Клайд смягчился, хотя это и значило, что теперь он не сможет, как рассчитывал, тратить на себя весь свой заработок. Он согласился отнести вещи в ломбард и давать матери на пять долларов в неделю больше до тех пор, пока не будет выплачен долг. Однако он не мог подавить невольную досаду. Так недавно он стал прилично зарабатывать — и вот мать требует

все больше и больше. Уже десять долларов в неделю! Вечно у них что-нибудь не ладится, думал Клайд, вечно им что-нибудь нужно, и нет никакой уверенности, что потом не будет еще новых требований.

Он взял вещи, снес их в самый солидный ломбард, какой только нашел, и взял предложенные ему за все сорок пять долларов. Стало быть, с десятью долларами матери получается пятьдесят пять, еще сорок пять она займет у мистера Мерча — и будет сотня. Это значит, что в течение девяти недель ему придется отдавать ей по десять долларов вместо пяти. Теперь, когда ему так хотелось жить совсем иначе, чем прежде, хорошо одеваться и не отказывать себе в удовольствиях, это открытие очень мало радовало его. Тем не менее он решил выполнить просьбу матери. В конце концов, он кое-чем ей обязан. Она принесла в прошлом немало жертв ради него и остальных детей, и он не решался быть слишком большим эгоистом. Это было бы непорочно.

И еще одна мысль упорно приходила ему на ум: если мать и отец будут рассчитывать на его денежную помощь, они станут меньше его связывать. Прежде всего ему должны позволить поздно возвращаться домой по вечерам. Притом он одевается на свои деньги и столуется в отеле, — а это ведь тоже немалое облегчение для родителей.

Однако вскоре перед Клайдом возникла новая задача. Вот как это вышло.

Вскоре после истории со ста долларами он случайно встретил мать на Монтроз-стрит, одной из беднейших улиц в городе; Монтроз-стрит тянулась к северу от улицы Бикел, где жили Гриффитсы, и представляла собой два ряда деревянных двухэтажных домишек: тут сдавались внаем квартиры без мебели. Даже Гриффитсы, при всей своей бедности, сочли бы унижением поселиться на такой улице. Мать спустилась с крыльца одного из домишек, несколько менее ветхого, чем другие; в окне нижнего этажа была выставлена бросавшаяся в глаза табличка: «Меблированные комнаты». Потом, не оборачиваясь и не замечая Клайда, шедшего по другой стороне улицы, она направилась к другому такому же дому, в нескольких шагах от первого: тут тоже вывешено

было объявление о сдаче меблированных комнат. Мать внимательно оглядела дом, потом поднялась на крыльцо и позвонила.

Клайду сперва показалось, что мать разыскивает кого-то, не зная точно адреса. Но, перейдя улицу как раз в ту минуту, когда хозяйка приоткрыла дверь, он услышал, как мать спросила: — У вас есть свободная комната?

— Да, — был ответ.

— С ванной?

— Нет, но ванна есть во втором этаже.

— Какая цена?

— Четыре доллара в неделю.

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста, войдите.

Миссис Гриффитс как будто колебалась. А Клайд в это время стоял внизу, в нескольких шагах от нее, и смотрел вверх, ожидая, когда она обернется и узнает его. Но она вошла в дом, не обернувшись. Клайд с любопытством смотрел ей вслед. Конечно, тут нет ничего необычного, вероятно, мать ищет комнату для какой-нибудь девушки... но почему здесь, на этой улице? Обычно она в таких случаях обращалась в Армию спасения¹ или в «Союз молодых христианок». Первым его побуждением было подождать ее и расспросить, что она здесь делает, но ему предстояло еще несколько собственных дел, и он ушел.

Вечером, зайдя домой переодеться, он застал мать в кухне.

— А я видел тебя сегодня утром на Монтроз-стрит, мама, — сказал он.

— Да? — чуть помедлив, отозвалась миссис Гриффитс.

Клайд заметил, что она вздрогнула, словно его сообщение застигло ее врасплох. Продолжая чистить картошку, она испытующе посмотрела на сына.

— Ну и что же? — прибавила она спокойно, но при этом покраснела, чего с нею никогда не случалось в разговорах с сыном. И, конечно, ее волнение и испуг сильно заинтересовали Клайда.

¹ Армия спасения — религиозно-филантропическая организация.

— Ты заходила в один дом, наверно, искала комнату для кого-нибудь, — сказал он, внимательно глядя на мать.

— Да, — ответила миссис Гриффитс теперь уже довольно просто. — Мне нужна комната для одного человека, он болен, и у него не очень много денег. Но подходящую комнату не так-то легко найти.

Она отвернулась, словно не желая продолжать разговор, и хотя Клайд почувствовал это, он, однако, не удержался и прибавил:

— Ну, не такая это улица, чтобы снимать там комнату.

Служба в «Грин-Дэвидсоне» быстро научила его совсем по-иному рассуждать о том, где и как следует жить. Мать ничего не ответила, и он ушел в свою комнату переодеваться.

Примерно через месяц, проходя поздно вечером по Миссури-авеню, Клайд снова невядалеке заметил мать, шедшую ему навстречу. При свете, падавшем из окна какой-то лавочки, — такие маленькие лавочки тянулись вдоль всей улицы, — Клайд увидел в руках матери довольно тяжелый старомодный саквоаж, который давным-давно лежал в доме без употребления. Неожиданно она остановилась (потому что заметила его, как решил потом Клайд) и быстро вошла в подъезд трехэтажного кирпичного дома. Когда же Клайд подошел к этому дому, дверь его оказалась плотно прикрытой. Открыв ее, он увидел плохо освещенную лестницу; вероятно, мать поднялась по ней. Однако он не стал производить дальнейших расследований, он не был вполне уверен в своих догадках, — быть может, она зашла сюда просто навестить кого-нибудь, — все произошло слишком быстро. Но, подождав на ближайшем углу, он наконец увидел, что она вышла. С возрастающим любопытством Клайд следил, как она осторожно осматривалась, прежде чем пойти дальше. Это навело его на мысль, что она, видимо, прячется от него. Но почему? Клайда так поразило странное поведение матери, что он готов был пойти за ней следом. Но потом решил — раз она не хочет, чтобы он знал о ее делах, пожалуй, лучше не вмешиваться. В то же время ее настороженные движения возбудили в нем острое любопытство. Почему мать не хотела, чтобы он видел, как она идет куда-то с саквоажем? Уклончивость и скрытность были не в ее характере

(в противоположность его собственному). Почти тотчас же он мысленно связал эту встречу с другой, возле меблированных комнат на Монтроз-стрит, и с тем случаем, когда он застал ее за чтением письма, и с ее усилиями достать вдруг понадобившиеся ей сто долларов. Куда же она ходила? Что скрывала?

Размышляя об этом, Клайд никак не мог решить, имеет ли все это какое-то отношение к нему или к кому-либо из родных. Но примерно через неделю, проходя по Одиннадцатой улице, он вдруг увидел Эсту или, по крайней мере, девушку, чрезвычайно похожую на нее: тот же рост, та же походка; Клайду показалось только, что она старше сестры. Но она так быстро прошла и исчезла в толпе, что он не мог проверить, действительно ли то была Эста. Это было лишь мимолетное видение — такое яркое, что он повернулся и бросился вслед, но она уже скрылась. Все же он был убежден, что не ошибся, и потому тотчас пошел домой. Найдя мать в миссии, он объявил ей, что видел Эсту. Она вернулась в Канзас-Сити, никаких сомнений. Он видел ее сейчас на Одиннадцатой, недалеко от Балтимор-стрит. Мать ничего не знает?

И тут Клайд с удивлением заметил, что мать приняла новость не так, как он ожидал. В нем самом внезапное исчезновение, а теперь внезапное появление Эсты вызывало смесь удивления и радости, любопытства и сочувствия. Может быть, сто долларов нужны были матери для того, чтобы вернуть Эсту? Клайд не мог бы объяснить, откуда у него взялась эта мысль. Он терялся в догадках. Но если так, почему же Эста не явилась домой, хотя бы затем, чтобы известить семью о своем приезде?

Он ожидал, что мать будет так же удивлена и озадачена, как и он, поспешит расспросить его о подробностях. Вместо этого она казалась явно смущенной, застигнутой врасплох, словно услышала нечто ей уже известное и теперь не знала толком, как держаться.

— Ты видел ее? Где? На Одиннадцатой улице? Только что? Вот странно! Нужно сказать об этом Эйсе. Почему же она не приходит сюда, если вернулась...

В глазах матери Клайд увидел не удивление, а замешательство и тревогу. Ее рот, как всегда, когда она была смущена

и расстроена, странно двигался, — вздрагивали не только губы, но и подбородок.

— Вот так-так! — прибавила она, помолчав. — Странно. Может быть, это была просто какая-нибудь девушка, похожая на Эсту?

Но Клайд, искоса наблюдавший за матерью, не мог поверить ее притворному удивлению. Вскоре пришел Эйса, и Клайд, собираясь в отель, слышал, что они обсуждали новость как-то равнодушно, без всякого интереса, словно это событие вовсе не было столь поразительным, как казалось Клайду. Его так и не позвали рассказать о подробностях.

Потом, как будто нарочно для того, чтобы он мог разгадать эту тайну, мать встретилась ему однажды на Спрустрит; она несла небольшую корзинку. С недавних пор он заметил, что она ежедневно по утрам и перед вечером стала уходить из дому. На этот раз, задолго до того, как мать могла увидеть его, он заметил ее характерную массивную фигуру в неизменном старом коричневом пальто и свернул за угол; спрятавшись за газетным киоском, он подождал, пока она пройдет, а затем пошел следом, держась поодаль, на расстоянии полуквартала. Она шла все дальше, вдоль ряда очень старых домов — бывших особняков, где теперь сдавались дешевые меблированные комнаты, и Клайд увидел, как она подошла к одному из этих домов и исчезла за дверью, но перед тем испытующе посмотрела по сторонам.

Когда мать скрылась в подъезде, Клайд подошел ближе и с интересом осмотрел дом. Что ей здесь делать? К кому она ходит? Он с трудом мог бы объяснить себе свое неугодное любопытство. Но с тех пор как ему показалось, будто он видел Эсту, у него появилось смутное ощущение, что все это должно быть связано с ней: письма, сто долларов, меблированные комнаты на Монтроз-стрит.

На углу, наискось от дома, стояло большое дерево, с которого зимний ветер давно сорвал все листья, и рядом почти вплотную к широкому стволу, — телеграфный столб. Клайд спрятался за ними и с этого наблюдательного пункта, сам оставаясь незамеченным, следил за окнами. И почти сразу в одном из окон второго этажа увидел мать, которая расхаживала по комнате, словно у себя дома, а минутой

позже с удивлением увидел Эсту: она подошла к одному из двух окон комнаты и положила на подоконник какой-то пакет. На ней было светлое домашнее платье или светлый платок на плечах. На этот раз нельзя было ошибиться. Клайд вздрогнул, поняв, что это и впрямь Эста и с ней мать. Но что она такое сделала? Из-за чего ей пришлось вернуться и почему она теперь прячется? Быть может, ее муж, человек, с которым она бежала, бросил ее?

Его так мучило любопытство, что он решил подождать, пока не уйдет мать, а потом повидаться с Эстой. Ему так хотелось снова увидеть ее и узнать, что тут за тайна... Он ждал и думал о том, как он всегда любил Эсту и как странно, что она так таинственно прячется.

Час спустя мать вышла из дому; ее корзинка, по-видимому, была пуста, — она совсем легко держала ее в руке. И точно так же, как раньше, она осторожно оглянулась, и на лице ее застыло прежнее упрямое и все же озабоченное выражение: смесь упорной веры и тревожного сомнения.

Клайд смотрел, как она пошла по направлению к миссии, и провожал ее глазами, пока она не скрылась из виду. Тогда он повернулся и вошел в дом. Как он и думал, это были меблированные комнаты: на многих дверях виднелись таблички с фамилиями жильцов. Клайд заранее рассчитал, где находится комната Эсты, и теперь прямо прошел к ее двери и постучал. Изнутри слышались легкие шаги, и после минутной задержки, — очевидно, были необходимы какие-то поспешные приготовления, — дверь приоткрылась и выглянула Эста. В первую секунду она недоверчиво смотрела на Клайда, потом вскрикнула от удивления и немного смутилась; настороженность исчезла: Эста поняла, что перед нею в самом деле Клайд, и распахнула дверь.

— Клайд, ты? Как ты отыскал меня? А я только что о тебе думала!

Клайд обнял ее и поцеловал. Он тут же с неудовольствием и огорчением заметил, что она сильно изменилась: похудела, побледнела, глаза ввалились, а одета ничуть не лучше, чем перед бегством. Она явно была чем-то взволнована и удручена. Клайд спрашивал себя, где же ее муж? Почему его здесь нет? Куда он девался? Клайд видел, что Эста рада

свиданию с ним, но вместе с тем уловил в ее взгляде смущение и неуверенность. Губы ее приоткрылись, готовые улыбнуться ему и вымолвить слова приветия, но по глазам было видно, что она старается решить какую-то нелегкую задачу...

— Я не ожидала, что ты придешь, — прибавила она быстро, когда он выпустил ее из объятий. — Ты не видел... — Она остановилась на полуслове, явно боясь проговориться.

— Да, конечно, я видел маму, — сказал он. — Поэтому я и узнал, что ты здесь. Я видел, как она вышла только что, и потом увидел тебя в окне (он не признался, что проследил, как мать пришла сюда, и подстерегал ее около часу). Но когда же ты вернулась? — продолжал он. — Почему ты никому из нас не давала о себе знать? Смотри, это просто значит задирать нос: исчезла на столько времени и никому ни звука! Все-таки могла бы написать мне два слова. Мы ведь всегда отлично ладили, правда?

Он смотрел весело, пытливо и настойчиво. Сестра старалась увернуться от ответа и не знала, что ей думать и что говорить. Наконец она сказала:

— А я не могла понять, кто это стучит. У меня здесь никто не бывает. Но как ты мило выглядишь, Клайд! У тебя прекрасный костюм. И ты очень вырос. Мама сказала мне, что ты работаешь в отеле «Грин-Дэвидсон».

Она с восхищением смотрела на него, и Клайд был очень тронут. Но в то же время он продолжал думать о ее состоянии. Он упорно разглядывал ее лицо, глаза, похудевшую фигуру и, взглянув еще раз на ее талию и осунувшееся лицо, понял наконец, что с нею неладно. Она ожидает ребенка. И вновь подумал: где же ее муж, тот человек, с которым она сбежала? В своей первой записке она сообщала, по словам матери, что выходит замуж. Однако теперь он ясно понимал, что замуж она не вышла. Она покинута, брошена в этой жалкой комнате, одинока. Он видел это, чувствовал, понимал.

И тут же он подумал: в их злосчастной семье всегда так! Вот он только начинает жить самостоятельно, старается чего-то добиться, выйти в люди и приятно проводить время. И Эста тоже сделала такую попытку: она тоже старалась добиться чего-то лучшего — и вот чем все кончилось! Он почувствовал тоску и обиду.

— Давно ты вернулась, Эста? — повторил он нерешительно, не зная, что говорить.

Он начал понимать, что раз Эста оказалась в таком положении, встреча с нею грозит ему новыми расходами, волнениями и несчастьями, — и почти раскаивался в своем любопытстве. Зачем ему понадобилось прийти сюда? Теперь, конечно, придется помочь.

— Не так давно, Клайд, кажется, около месяца, не больше.

— Я так и думал: я видел тебя с месяц назад на углу Одиннадцатой и Балтимор-стрит. Верно? Конечно, это была ты, — прибавил он уже не так весело; Эста сразу заметила перемену в его тоне. Она кивнула в подтверждение. — Я был уверен, что это ты. Я сразу сказал маме, но она тогда не согласилась со мной. Впрочем, она вовсе не так удивилась, как я думал. Теперь я понимаю почему. Она вела себя так, словно не хотела, чтобы я говорил с ней об этом. Но я знал, что не ошибся.

Он посмотрел на сестру, гордый своей проницательностью, и замолчал, не зная, о чем еще говорить, и не совсем уверенный — был ли какой-нибудь смысл и значение в том, что он уже сказал. Вряд ли это могло помочь Эсте.

И она тоже не знала, как быть: промолчать о своем положении или признаться во всем. Надо что-то сказать, ведь Клайд и сам может понять, как ужасно ее состояние. Ей трудно было выносить его испытующий взгляд. И, думая не столько о матери, сколько о том, чтобы самой как-то выйти из затруднения, она наконец сказала:

— Бедная мама! Ты должен понять ее, Клайд. Она просто не знает, что делать. Конечно, я виновата. Если б я не убежала, я бы не доставила ей столько хлопот. Она не привыкла иметь дело с такими вещами, и ей так трудно живется...

Эста вдруг отвернулась, плечи ее вздрагивали. Она низко опустила голову и закрыла лицо руками, и Клайд понял, что она беззвучно плачет.

— Ну, что ты, сестренка! — воскликнул Клайд, подходя ближе; в эту минуту ему было бесконечно жаль Эсту. — Что с тобой? Почему ты плачешь? Разве тот человек, с которым ты уехала, не женился на тебе?

Она покачала головой и зарыдала еще сильнее. И тут Клайд понял все психологическое, общественное и биоло-

гическое значение того, что произошло с сестрой. С ней случилась беда: она беременна, без денег и без мужа. Вот почему мать искала комнату, вот почему пыталась занять у него сто долларов! Она стыдилась Эсты и ее положения, стыдилась не только того, что подумают посторонние, но и того, что подумают он, Джулия и Фрэнк, как может повлиять на них положение сестры, — ведь в глазах людей оно безнравственно, незаконно. И потому она от всех старалась скрыть историю с Эстой, рассказывала всякие небывлицы, — это для нее, конечно, самое необычное и самое трудное. И все-таки она не достигла своей цели, ей явно не повезло.

Клайд был снова смущен и озадачен — не только положением сестры и тем, как оно может отразиться на нем и на других членах семьи в таком городе, как Канзас-Сити, но еще и поведением матери, не вполне безупречным и даже отчасти безнравственным, ибо она решилась пойти на обман. Она уклонилась от прямого ответа, если не просто солгала: ведь она все время знала, что Эста здесь. И, однако, он не склонен был осуждать ее за это, вовсе нет. Ложь в этом случае, конечно, была необходимостью даже для такого набожного и правдивого человека, как его мать. Просто нельзя было допустить, чтобы такое стало всем известно. Он, конечно, не хотел бы, чтобы посторонние узнали, что случилось с Эстой, и если бы мог — помешал бы этому. Что могут подумать люди? Что станут говорить о ней, да и о нем? Положение семьи и без того достаточно унижительно. И вот Клайд стоял растерянный, озабоченный и смотрел, как плачет Эста. А она, понимая, что это из-за нее он так озабочен и пристыжен, плакала еще горше.

— Скверно, — помолчав, с беспокойством, но и не без сочувствия сказал Клайд. — Ты не убежала бы с ним, если бы не любила, правда? (Он думал о себе и Гортензии Бригс.) Мне очень жаль тебя, Эсс! Право, жаль... Но ведь слезами ничему не поможешь. Свет на нем клином не сошелся. Подожди, все будет хорошо.

— Ах, знаю, — всхлипывала Эста. — Но я была такая глупая. И мне было так трудно. А теперь у мамы и у всех вас столько забот из-за меня... — Она всхлипнула. Потом, помолчав, прибавила: — Он уехал и оставил меня одну в Питтсбурге, в оте-

ле, совсем без денег. Если б не мама, не знаю, что бы я стала делать. Она прислала мне сто долларов, когда я ей написала. Одно время я работала в ресторане, пока могла. Я не хотела писать домой про то, что он меня бросил. Стыдно было. Ну а под конец мне ничего другого не оставалось, — я так скверно стала себя чувствовать...

Она опять заплакала, и Клайд, поняв, сколько мать делала для Эсты и как старалась помочь ей, жалел теперь мать почти так же, как сестру, и даже больше: ведь об Эсте заботится мать, а у матери, в сущности, нет никого, кто мог бы ей помочь.

— Я еще некоторое время не смогу работать, — продолжала Эста, — а мама не хочет, чтобы я теперь вернулась домой. Она не хочет, чтобы вы узнали — Джулия, или Фрэнк, или ты... Она права, я знаю, конечно, права... но у нее ничего нет и у меня тоже... А мне здесь так одиноко иногда! — Ее глаза наполнились слезами, и она опять начала всхлипывать. — Я была такая глупая...

Клайд на мгновение почувствовал, что и сам готов заплакать. Жизнь порою бывает такая странная, такая тяжелая. Подумать только, как он мучился все эти годы! До самого последнего времени не видел ничего хорошего и всегда мечтал сбежать. А Эста сбежала — и вот что с ней случилось. Почему-то он вспомнил: на улице в центре города, среди огромных высоких зданий, перед отцовским органчиком сидит Эста и поет, и лицо у нее такое хорошее, невинное. Да, трудная штука жизнь! Как все-таки жестоко устроен мир! Как странно все складывается!

Клайд посмотрел на сестру, обвел взглядом комнату, сказал, что теперь Эста не будет одинока, — он будет приходить к ней, только пусть она не говорит матери, что он здесь был, и, если ей что-нибудь понадобится, пусть позовет его, хотя он зарабатывает не так уж много... и наконец ушел. И по пути в отель, на работу, продолжал думать о том, как все это печально и как жаль, что он пошел за матерью, — лучше бы ему ничего не знать. А впрочем, это все равно открылось бы. Мать не могла бы скрывать без конца. Наверно, ей опять пришлось бы просить у него денег. Но что за негодяй тот тип — удрал и оставил Эсту, в чужом городе без едино-

го цента! И он вдруг вспомнил о девушке, которую ее спутник бросил в отеле «Грин-Дэвидсон» несколько месяцев назад с непоплатенным счетом за комнату и за пансион. Тогда и ему, и его товарищам это казалось таким смешным, возбуждало особый, чувственный интерес.

Но теперь это касается его сестры. С нею поступили так же, как с той девушкой. И, однако, все это уже не кажется ему таким ужасным, как немного раньше, у Эсты, когда он слышал ее плач. Вокруг оживленный, сияющий город, полный людей, насыщенный энергией, а впереди — веселый отель, где он работает. Жизнь не так уж плоха. Кроме того, у него роман с Гортензией и всякие развлечения. Эста как-нибудь устроится. Она опять будет здорова, и все пойдет хорошо. Но подумать только, что у него такая семья! Вечно нужда, и ни малейшей предусмотрительности, — а потом получаются вот такие вещи — не одно, так другое... Пропадают на улицах, и никогда не платят вовремя за квартиру, и отец продает коврики и часы, чтобы как-нибудь просуществовать... И Эста убегает из дому и потом возвращается в таком виде... Ну и ну!

ГЛАВА XIV

Вся эта история заставила Клайда серьезнее, чем когда-либо, задуматься над вопросами пола, и притом решать их отнюдь не в общепринятом плане. Хотя он и осуждал возлюбленного Эсты, так безжалостно ее бросившего, но и сестру вовсе не считал безупречной. Она сбежала с ним. Как он теперь от нее узнал, этот человек за год до ее бегства провел неделю в Канзас-Сити и тогда-то с нею познакомился. А через год, когда он снова приехал сюда на две недели, она сама его отыскала, — так, по крайней мере, подозревал Клайд. И не ему с его увлечением Гортензией Бригс и с его планами было думать, что отношения между полами сами по себе являются чем-то преступным и недозволенным.

Как он видел теперь, осложнения были вызваны не самим поступком, а последствиями легкомыслия или незнания. Ведь если бы Эста больше знала о человеке, которым увлеклась, и о том, что означает такая связь, она не очутилась

бы теперь в таком жалком положении. Конечно, Гортензия Бригс, Грета и Луиза никогда не могли бы попасть в такую беду, как Эста. Или могли бы? Нет, они слишком предусмотрительны. И по сравнению с ними она проигрывала в его глазах. Она должна была устроиться умнее. И постепенно он начинал строже судить сестру, хотя и сочувствовал ей.

Но только одно теперь по-настоящему волновало, мучило, преображало Клайда — безумное увлечение Гортензией; ничто не могло бы сильнее захватить юношу его возраста и его темперамента. После нескольких встреч Гортензия стала казаться Клайду воплощением всего, что он всегда мечтал найти в девушке. Она была такая живая, гордая, обаятельная и такая хорошенькая. В ее глазах, казалось ему, плясали огоньки. У нее была необыкновенно соблазнительная манера сжимать и вновь раскрывать губы, равнодушно глядя прямо перед собой, словно вовсе и не думая о Клайде, а его от этого бросало в жар и дрожь. В такие минуты на него нападала слабость, голова шла кругом; по жилам, жестоко обжигая, пробегали огненные струйки, — это было осознанное желание, мучительное и безысходное. Ибо в отношениях с Гортензией Клайд не мог пойти дальше объятий и поцелуев, ему мешали сдержанность и уважение — как раз то, что Гортензия, в сущности, презирала в своих поклонниках, которым старалась внушить эти чувства. По-настоящему нравились ей молодые люди другого типа: способные, невзирая на ее напускную скромность и неприступность, принудить ее уступить, хотя бы даже против воли.

Гортензия все время колебалась в своем отношении к Клайду: он то нравился ей, то не нравился. Поэтому Клайд все время испытывал неуверенность, — и это доставляло Гортензии истинное наслаждение; она не давала Клайду возможности убедиться в ее равнодушии, чтобы он не мог окончательно от нее отказаться. Во время какой-нибудь вечеринки, обеда или спектакля, куда она позволяла ему повести себя, Клайд, как правило, держался особенно тактично, почти ничего не требуя, — и Гортензия вдруг становилась такой уступчивой и обольстительной, что это порадовало бы даже самого требовательного влюбленного. Так продолжалось до конца вечера. И вдруг у двери своего дома или дома

какой-нибудь подруги, где она должна была ночевать, она поворачивалась и без всяких поводов и объяснений отсылала его после рукопожатия или небрежного поцелуя. И если в такие минуты Клайд бывал настолько сумасброден, что старался силой добиться от нее ласки, которой он так жаждал, она оборачивалась к нему с бешенством разъяренной кошки и вырывалась, испытывая в этот миг острую враждебность, происхождение которой сама едва ли понимала. Ей, видимо, была ненавистна мысль, что Клайд может ее к чему-то принудить. А он, без памяти влюбленный, не решался действовать энергичнее, так как слишком боялся ее потерять, и потому покорялся и уходил обычно мрачный и подавленный.

Но его так сильно влекло к ней, что он не мог долго оставаться вдали от нее и снова шел туда, где скорей всего можно было ее встретить. В самом деле, почти все эти дни, несмотря на странное напряжение, которое породила в нем встреча с Эстой, он жил острыми, сладкими и чувственными мечтами о Гортензии. Если бы только она и вправду полюбила его... Ночью, в постели, он думал о ней: ее лицо... складка ее губ, выражение глаз... линии тела, все движения, когда она идет или танцует... она мелькала перед ним, как на экране. В своих снах он ощущал ее восхитительную близость, она прижималась к нему, все ее дивное тело принадлежало ему, а затем, в последнее мгновение, когда она, казалось, готова была уступить, он просыпался, и она исчезала... только призрак!

И, однако, некоторые обстоятельства, казалось бы, предвещали ему успех. Прежде всего, как и он сам, Гортензия была из бедной семьи — дочь машиниста, который едва-едва зарабатывал на жизнь. С детства у нее ничего не было, если не считать мишурных пустяков и безделушек, которые она сама себе добывала. Она принадлежала к такому низкому общественному слою, что до последнего времени не могла завести знакомства ни с кем, кроме мальчишек—подручных мясника или булочника, самых обыкновенных сорванцов из окрестных кварталов. Но даже и тут она быстро поняла, что может и должна извлекать выгоду из своей внешности и очарования, — и это ей вполне удавалось. Многие юнцы не оста-

навливались даже перед воровством, лишь бы добыть денег для ее развлечений.

Когда она стала достаточно взрослой, чтобы поступить на службу, она завела знакомства с парнишками и мужчинами того типа, который ей нравился, и скоро поняла, что, не идя на слишком большие уступки и действуя осторожно, может одеться куда лучше, чем прежде. Однако она была слишком чувственна и слишком любила наслаждения, а потому ей не всегда хотелось отделять выгоду от удовольствия. Напротив, часто ее по-настоящему влекло к тем, кого она просто собиралась выгодно использовать, и наоборот: она не могла заставить себя кокетничать с теми, кто ей не нравился.

Клайд почти не нравился ей, но она не могла противиться желанию его использовать. Ей было приятно, что он с такой готовностью покупал ей каждую мелочь, к которой она обнаруживала интерес: какую-нибудь сумочку, шарф, кошелек, перчатки — все, что она могла спокойно попросить или принять, не давая взамен никаких особых прав на себя. И, однако, с самого начала чутье подсказывало ей, что, если она, рано или поздно, не уступит, не даст той последней награды, которой он жаждет, она не сможет бесконечно его удерживать.

Одна мысль особенно не давала ей покоя: Клайд с такой готовностью тратит на нее деньги, что, пожалуй, можно получить от него по-настоящему ценные вещи, — скажем, красивое дорогое платье, или шляпу, или даже меховой жакет, вроде тех, какие стали теперь носить в городе, не говоря уже о золотых серьгах или ручных часах, — она всегда с такой жадностью заглядывалась на все это, останавливаясь перед витринами магазинов.

Однажды, вскоре после того как Клайд нашел сестру, Гортензия проходила в обеденный час по Балтимор-стрит, недалеко от того места, где ее пересекает Пятнадцатая улица и где находятся лучшие в Канзас-Сити магазины. С ней была Дорис Трайн, продавщица из того же универсального магазина, где служила и она. В окне небольшого и не первоклассного магазина меховых вещей Гортензия увидела жакет из недорогого бобра. Она сразу решила, что он идеально подходит к ее фигуре и цвету лица, совершенно необходим для

обогащения ее весьма скромного гардероба. Это был не такой уж дорогой жакет — возможно, около ста долларов, но зато именно такого фасона, который давал ей основание полагать, что он наилучшим образом подчеркнет все достоинства ее наружности. Взволнованная этой мыслью, она остановилась и воскликнула:

— Ну что за прелестный жакетик! Я никогда не видела ничего прелестнее! Нет, ты только посмотри на рукава, Дорис! — Она стиснула руку подруги. — Смотри, какой воротник! А подкладка! А карманы! Ах, Боже мой! — Она даже слегка дрожала от волнения и восторга. — Он такой прелестный, что я и сказать не могу. Ну точно о таком жакете я мечтаю уж не знаю сколько времени. Ах ты, моя прелесть! — воскликнула она с нежностью, думая при этом столько же о том, как она выглядит в этой позе перед витриной и какое впечатление производит на прохожих, сколько о самом жакете. — Вот бы мне такой жакет!

Она в восхищении всплеснула руками. Немолодой сын владельца магазина, Айсидор Рубинстайн, стоявший в эту минуту так, что она не могла его видеть, все это заметил и решил, что, если восторженная девица справится о цене жакета, можно будет набавить двадцать пять — пятьдесят долларов лишних. В магазине жакет был оценен в сто долларов. «Так, так», — бормотал он. Но он был человек чувственный, склонный к романтике, а потому стал размышлять о том, какой же может быть, мягко выражаясь, практическая стоимость этого жакета. На что способна пойти понуждаемая бедностью и тщеславием хорошенькая девушка, лишь бы получить такую обновку?

А между тем Гортензия пожирала глазами жакет и потратила на это весь обеденный перерыв; потом пошла дальше, упиваясь честолюбивыми мечтами о том, как неотразима была бы она в таком наряде. Но она не зашла в магазин спросить о цене.

Поэтому на следующий день, чувствуя, что должна еще раз взглянуть на жакет, она снова пришла сюда, на этот раз одна; у нее и в мыслях не было, что она сама его купит. Она только спрашивала себя, как бы добыть эту вещь, если цена окажется не очень высокой, и пока не могла ничего придум-

мать. Но, снова увидев в окне жакет, а также и мистера Рубинстайна-младшего, который смотрел на нее с самым приветливым добродушным видом, она рискнула войти.

— Вам понравился этот жакет, правда? — любезно спросил Рубинстайн, как только она открыла дверь. — Ну, значит, у вас хороший вкус. Это одна из самых благородных вещей, какие только бывали в нашем магазине. Что за красота! А как он будет выглядеть на такой хорошенькой девушке! — Он снял жакет с выставки и высоко поднял. — Я видел вас вчера, когда вы стояли у витрины.

Глаза его блеснули жадным восхищением.

Заметив это, Гортензия почувствовала, что сдержанностью, но не суровостью, она добьется большего уважения и любезности, чем непринужденностью.

— Да? — только и ответила она.

— Да, конечно. Я сразу сказал себе: «Вот девушка, которая знает толк в вещах».

От этой лести Гортензия невольно смягчилась.

— Посмотрите-ка, посмотрите! — продолжал коммерсант, вертя перед ней шубку. — Где в Канзас-Сити вы найдете сейчас что-нибудь подобное? Взгляните на подкладку! Настоящий меллинсоновский шелк! А косые карманы! А пуговицы! Вы думаете, все эти мелочи не имеют значения? Другого такого жакета нет в Канзас-Сити. И не будет. Мы сами придумали этот фасон, и мы никогда не копируем наших моделей. Мы охраняем интересы наших покупательниц. Но пройдите сюда, прошу вас! — Он подвел ее к тройному зеркалу в глубине магазина. — Такой жакет должна носить красивая женщина, — вот тогда он будет выглядеть всего эффектнее. Позвольте примерить!

И при ярком искусственном освещении Гортензия убедилась, что она и правда очаровательна в этой шубке. Она вскидывала голову, изгибалась, поворачивалась во все стороны, прятала маленькое ухо в мех, а мистер Рубинстайн стоял рядом, глядя на нее с восхищением и чуть ли не потирая руки.

— Ну вот! — продолжал он. — Посмотрите! Ну, что вы теперь скажете! Я же говорил, что это как будто специально для вас сшито! Прямо находка! Настоящая удача. Второго

такого жакета не найти во всем городе. Если найдете, я подарю вам этот.

Он подошел к ней совсем близко, протягивая толстые руки ладонями вверх.

— Да, признаюсь, он шикарно выглядит на мне, — сказала Гортензия. Ее тщеславная душа изнывала от желания получить эту вещь. — Впрочем, мне любая шубка пойдет. — Она снова и снова поворачивалась перед зеркалом, совсем забыв о Рубинстайне и о том, что ее откровенное восхищение жакетом может повлиять на цену. Потом прибавила: — А сколько он стоит?

— Ну, видите ли, настоящая цена этому жакету двести долларов, — хитро начал мистер Рубинстайн, но, заметив тень безнадежности, промелькнувшую на лице Гортензии, поспешно прибавил: — Это кажется огромной суммой, но мы и не запросим так дорого. Наша цена — полтора ста. Вот если бы вы нашли такой жакет у Джерика, там вы заплатили бы все двести. Тут у нас маленькое помещение, не приходится платить большой аренды... А жакет стоит все двести, до последнего цента.

— Нет, это ужасная цена, просто жуткая! — печально воскликнула Гортензия и начала снимать жакет. Ей казалось, что у нее отнимают чуть ли не все самое дорогое в жизни. — У Бигса и Бека за такую цену сколько угодно жакетов — и бровые, и из норки, и тоже шикарные.

— Может быть, может быть. Но это все не то, — упрямо повторял мистер Рубинстайн. — Только взгляните на него еще раз. Взгляните на воротник! Неужели вы думаете, что найдете там такой жакет? Если найдете, я сам куплю его и отдам вам за сто долларов. Это совершенно исключительная вещь: копия одного из шикарнейших жакетов, которые продавались в Нью-Йорке перед началом сезона. Первоклассная вещь. Вам нигде не найти такого.

— Все равно, сто пятьдесят долларов я не могу заплатить, — грустно протянула Гортензия, надевая свой старый суконный жакет с меховым воротником и манжетами и направляясь к двери.

— Подождите! Вам нравится этот жакет? — рассудительно сказал Рубинстайн, решив, что и сто долларов непосильная

цена для ее кошелька, если только его не пополнит какой-нибудь поклонник. — По-настоящему он стоит двести долларов. Я вам это прямо говорю. Наша цена — полтора ста. Но раз уж вам так хочется получить эту вещь — ладно, я вам уступлю ее за сто двадцать пять. Это все равно что даром. Такая замечательная девушка, конечно, без труда может найти дюжину молодых людей, которые с радостью купят эту шубку ей в подарок. Я бы сам ее вам подарил, если б знал, что вы будете милы со мной.

Он весь расплылся в приятнейшей улыбке, и Гортензия, поняв смысл предложения и вознегодовав (потому что оно исходило именно от этого человека), слегка попятилась. В то же время ей вовсе не был неприятен так ловко ввернутый комплимент. Но все же она не так вульгарна, чтобы позволять каждому встречному делать ей подарки. Ни в коем случае. Это можно позволить только тому, кто ей нравится, или, по крайней мере, тому, кто в нее влюблен.

Но с той самой минуты, как Рубинстайн заговорил об этом, она стала мысленно перебирать всех знакомых молодых людей, стараясь определить, кто из них под влиянием ее чар скорее всего мог бы купить ей жакет. Чарли Уилкинс, например, из табачного киоска в «Орфии», по-своему, конечно, очень предан, но нипочем не сделает ценного подарка, не получив взамен дорогой награды.

Есть еще Роберт Кейн, очень высокий, очень веселый и очень внимательный молодой человек, служащий в местном отделении одной электрокомпании; но у него не слишком доходная должность: он простой клерк. И к тому же он слишком бережливый и вечно думает о будущем.

Потом Берт Гетлер — тот самый, что сопровождал ее на танцы в вечер ее первой встречи с Клайдом; этот просто ветреный малый: он хорош для танцев, но на него нельзя положиться в таком трудном случае. Он только приказчик в магазине обуви, получает, вероятно, не больше двадцати долларов в неделю и рассчитывает каждый грош.

Но есть еще Клайд Гриффитс, у которого как будто и впрямь водятся деньги и который, кажется, готов, не раздумывая, тратить их на нее. Мысль Гортензии работала быстро. Как же ей сразу, без подготовки, выманить у Клайда та-

кой дорогой подарок? — спрашивала она себя. Она была не слишком благосклонна к нему, чаще всего обращалась с ним холодно. Поэтому теперь она вовсе не была в нем уверена. И все же, пока она стояла здесь, в магазине, и размышляла о цене и красоте жакета, мысль о Клайде не покидала ее. А мистер Рубинстайн все смотрел на нее, смутно догадываясь о том, какого рода задача стоит перед ней.

— Вот что, крошка, — сказал он наконец. — Я вижу, вам хочется иметь этот жакет, — прекрасно... Я тоже хочу, чтобы он был у вас. И я вам сейчас скажу, что я могу для вас сделать. Этого я не сделал бы ни для одного человека во всем Канзас-Сити. Принесите мне сто пятнадцать долларов в ближайшие дни — в понедельник, среду или пятницу, и если жакет еще не будет продан, я отдам его вам. Даже больше того: я приберегу его для вас. Что вы на это скажете? До следующей среды или пятницы. Никто другой не сделал бы для вас этого.

Он самодовольно улыбался, пожимал плечами и показывал всем своим видом, что делает ей огромное одолжение. И Гортензия, уходя из магазина, была убеждена, что если... если только ей удастся получить этот жакет за сто пятнадцать долларов — это будет замечательно выгодная сделка. И вне всякого сомнения, она будет одета шикарней всех девушек в Канзас-Сити. Только бы ей как-нибудь достать сто пятнадцать долларов не позже ближайшей пятницы.

ГЛАВА XV

Гортензия хорошо знала, что Клайд все сильнее и сильнее жаждет добиться от нее той высшей благосклонности, которая, — в чем она никогда бы ему не создалась, — была привилегией двух других ее знакомых. Теперь при каждой встрече Клайд требовал, чтобы Гортензия сказала, как же она на самом деле к нему относится. Почему, если он хоть немножко нравится ей, она отказывает ему то в том, то в другом: не позволяет целовать себя, сколько он хочет, вырывается из его объятий. Она всегда держала слово, когда назначала свидания другим, и не являлась на свидания или вовсе отказывалась точно назначить день встречи, когда это касалось

Клайда. В сущности, что у нее за отношения с другими? Может быть, кто-нибудь из них в самом деле нравится ей больше, чем Клайд? При каждом свидании возникал все тот же, лишь едва завуалированный, но самый важный вопрос об их сближении.

И Гортензии нравилось, что она заставляет Клайда непрестанно страдать от неудовлетворенных желаний, что она мучает его и что всецело в ее власти облегчить его страдания: некоторый садизм, основой для которого послужил мазохистский характер любви Клайда.

Однако теперь, когда ей непременно хотелось приобрести жакет, значение Клайда в ее глазах и ее интерес к нему стали возрастать. Лишь накануне утром Гортензия заявила ему самым решительным тоном, что не может встретиться с ним раньше следующего понедельника, так как все вечера у нее заняты. Но теперь, когда перед ней встала проблема жакета, она начала старательно обдумывать, как бы ей немедленно устроить свидание с Клайдом и при этом не обнаружить нетерпения: она уже окончательно решила, что постарается, если будет возможно, уговорить его купить ей желанный жакет. Конечно, для этого придется в корне переменить обращение с ним: придется быть поласковее, соблазнительнее. Хотя она еще и не призналась себе в том, что теперь, пожалуй, готова даже уступить его мольбам, именно такая мысль сверлила ее мозг.

Сперва она никак не могла придумать, что ей делать. Как повидаться с ним сегодня же или, самое позднее, завтра? Как внушить ему, что он должен сделать ей этот подарок или «дать взаймы», как она в конце концов назвала это про себя? Она намекнет ему, чтобы он дал ей взаймы сумму, нужную для покупки жакета, и пообещает постепенно выплатить долг. (Она прекрасно знала, что, если только жакет будет у нее в руках, ей никогда не придется возвращать долг.) Или, если у Клайда не окажется сразу таких денег, она постарается убедить владельца магазина согласиться на рассрочку платежа, с тем чтобы Клайд уплатил эту сумму по частям. И ее мозг тотчас начал работать в новом направлении: как кокетством и лестью заставить мистера Рубинстайна согласиться на рассрочку на выгодных для нее условиях. Он ведь

сказал, что с радостью купил бы для нее жакет, если б знал, что она будет к нему благосклонна.

Сначала Гортензии пришел в голову такой план: она предложит Луизе Ретерер позвать сегодня вечером брата, Клайда и еще юношу по имени Скэл, который ухаживал за Луизой, в один дансинг, куда она обещала пойти с самым приятным своим поклонником — продавцом сигар. Теперь она не взяла бы его, а пошла бы одна с Луизой и Гретой, заявив, что ее кавалер заболел. Можно бы уйти пораньше вместе с Клайдом и пройти с ним мимо магазина Рубинстайна.

Но у Гортензии был хитрый нрав паука, расставляющего для мух свои сети, и она сообразила, что Луиза может сказать Клайду или Ретереру, чья была затея позвать их сегодня в дансинг. И может случиться, что Клайд когда-нибудь упомянет при Луизе о жакете, а этого, конечно, никак нельзя допустить. Гортензия совсем не желала, чтобы ее друзьям стало известно, как она устраивает свои дела. Вот почему она решила не обращаться ни к Луизе, ни к Грете.

Она уже начала по-настоящему тревожиться, не зная, как устроить свидание с Клайдом, и вдруг увидела его самого. Возвращаясь с работы, он случайно проходил мимо магазина, где она служила, и зашел, чтобы условиться с нею о встрече в ближайшее воскресенье. К его величайшей радости, Гортензия приветствовала его самой очаровательной улыбкой и помахала рукой. В ту минуту она была занята с покупательницей. Но скоро она освободилась и, подойдя поближе и косясь на контролера своего отдела, не одобрявшего таких визитов, воскликнула:

— Я только что думала о вас. А вы? Вы не думали обо мне? — О покупке потом. — И прибавила тихо: — Не подавайте виду, что говорите со мной, вон там наш контролер.

Пораженный необычной нежностью в ее голосе и ласковой улыбкой, которой она его встретила, Клайд сразу ожил и воспрянул духом.

— Думал ли я о вас? — весело сказал он в ответ. — Как будто я могу думать о ком-нибудь другом! Знаете, Ретерер говорит, что я на вас помешался.

— А, этот... — сказала Гортензия, сердито и презрительно надув губы, так как — странное дело! — Ретерер был одним

из тех, кто ею не слишком интересовался, и она это знала. — Он воображает, что неотразим, — прибавила она. — А я знаю сколько угодно девушек, которым он не нравится.

— Нет, Том славный, — вступился Клайд, как и подобало верному другу. — Просто у него такая манера разговаривать. И вы ему нравитесь.

— Ну, уж нет, — возразила Гортензия. — Но я не желаю о нем говорить. Что вы делаете сегодня в шесть часов?

— Вот так раз! — с огорчением воскликнул Клайд. — Неужели вы сегодня свободны? Какая обида! Я думал, у вас заняты все вечера. Я сегодня работаю.

Он вздохнул, очень расстроенный мыслью, что Гортензия, как видно, хотела провести с ним вечер, а он не может воспользоваться таким счастливым случаем. Гортензия с удовольствием заметила, как он огорчен.

— Да, я обещала встретиться с одним человеком, но мне не хочется, — сказала она с презрительной гримаской. — Я должна встретиться с ним, но не пошла бы, если б вы были свободны.

Сердце Клайда учащенно забилося от восторга.

— Эх, если бы мне сегодня не работать! — сказал он, глядя на нее. — А вы не можете освободиться завтра вечером? Завтра я свободен. А сейчас я зашел вас спросить — хотите в воскресенье поехать с нами за город на автомобиле? Один друг Хегленда может достать «паккард», и в воскресенье днем мы все свободны. Хегленд хочет, чтобы я подобрал компанию, и мы съездим в Экселсиор-Спрингс. Он славный парень (это было сказано потому, что Гортензия как будто не слишком заинтересовалась предложением). Вы его мало знаете, но он и правда славный. Ну ладно, я расскажу вам о нем как-нибудь после. А вот как насчет завтрашнего вечера? Я буду свободен.

Притворяясь, будто показывает Клайду носовые платки (контролер снова проходил по отделу), Гортензия думала о том, как досадно, что нужно ждать еще двадцать четыре часа, прежде чем она сможет показать ему жакет и приняться за исполнение своего хитрого замысла. В то же время она дала понять, что ей очень трудно будет освободиться завтра, труднее, чем он может себе представить. Даже прикинулась, будто не совсем уверена, захочет ли освободиться.

— Делайте вид, что выбираете платки, — тихо сказала она Клайду, опасаясь, как бы контролер не прервал их. — У меня на завтра уже есть приглашение. Не знаю, удобно ли отказаться, — продолжала она озабоченно. — Дайте сообразить.

Она притворилась, что погружена в глубокое раздумье.

— Ну, ладно, кажется, я это устрою, — сказала она наконец. — Во всяком случае, постараюсь, так и быть, один раз можно. Приходите на угол Пятнадцатой и Главной в четверть седьмого, — нет, лучше в половине, хорошо? Я тоже постараюсь прийти. Не обещаю, но постараюсь: думаю, что мне удастся это устроить. Вы довольны?

Она подарила Клайду одну из самых обольстительных своих улыбок, и он был вне себя от счастья. Подумать только: наконец-то она ради него нарушает обещание, данное кому-то другому! Ее глаза ласково сияли, на губах играла улыбка.

— Верней верного! — воскликнул он, пуская в ход жаргон рассыльных из «Грин-Дэвидсона». — Конечно, приду, можете не сомневаться. А теперь попрошу вас об одном одолжении.

— О чем это? — спросила она, настораживаясь.

— Наденьте ту маленькую черную шляпку, знаете, с красными лентами... вы еще завязываете их под подбородком. Ладно? Вы просто восхитительны в ней!

— Ах вы, подлиза... — засмеялась Гортензия. До чего легко провести Клайда! — Хорошо, надену, — прибавила она. — А теперь уходите. Вот идет эта старая рыба. Я уж знаю, он будет ворчать. Только меня это мало трогает. Значит, в полседьмого? Ну, пока.

Она повернулась к пожилой покупательнице, которая терпеливо ждала, чтобы спросить, где продают кисею. А Клайд, дрожа от счастья, что его неожиданно удостоили такой милости, не чуя под собой ног двинулся к ближайшему выходу. Он не проявил излишнего любопытства, не стал дознаваться, чем вызвана столь внезапная благосклонность.

А на следующий вечер, ровно в половине седьмого, освещенная дуговыми фонарями, дождем льющими свой яркий свет, на условленном месте появилась Гортензия. Клайд сразу же заметил, что на ней шляпка, которая ему так нравилась. И никогда еще он не видел ее такой обольститель-

ной, оживленной, приветливой. Он хотел сказать ей, как она прелестна и как он счастлив, что она надела эту шляпку, но она уже начала:

— Ну, скажу я вам, похоже, что я намерена влюбиться в вас по уши! Нарушаю свои обещания, да еще надеваю для вашего удовольствия старую нелюбимую шляпу. Что-то будет дальше?

Клайд просиял, точно одержав великую победу. Неужели она и впрямь наконец полюбит его?

— Если б вы только знали, Гортензия, до чего вы хороши в этой шляпке, вы бы никогда ее не снимали, — сказал он с восхищением. — Вы и не представляете себе, как вы в ней прелестны.

— Ну да? В этом старье? Вас нетрудно очаровать, — усмехнулась она.

— А ваши глаза — совсем как мягкий черный бархат, — с жаром продолжал он. — Удивительные глаза! — Он думал о черных бархатных занавесах в одном уютном уголке «Грин-Дэвидсона».

— Как у вас сегодня ловко выходит, — засмеялась Гортензия, поддразнивая Клайда. — Придется что-то с вами сделать.

И, прежде чем он успел ответить хоть слово, она стала рассказывать совершенно фантастическую историю: она еще раньше обещала провести сегодняшний вечер с одним молодым человеком из общества по имени Том Кири, который давно ходит за ней по пятам, упрашивая пообедать и потанцевать с ним, и лишь сейчас вечером решила «отставить» его ради Клайда (на сей раз, по крайней мере). Позвонила Кири по телефону и сказала, что не может встретиться с ним сегодня: просто отменила свидание — и конец. И все-таки, когда она уходила после работы, кто, по-вашему, ждал ее у служебного входа? Том Кири, собственной персоной, великолепно одетый, в светло-сером пальто реглан и в гетрах, и тут же стоял его лимузин. И он повез бы ее обедать в «Грин-Дэвидсон», если бы она только захотела. Вот это мужчина! Но она не захотела. Во всяком случае, не сегодня. Однако, если бы ей не удалось пройти мимо незамеченной, он, конечно, задержал бы ее... Но она первая увидела его и убежала другой дорогой.

— Видели бы вы, как я бежала! Мои ножки так и мелькали! — самовлюбленно описывала она свое бегство.

И Клайд был так ослеплен этой картиной и великолепием мистера Кири, что принял ее жалкую выдумку за чистую монету.

А затем пошли по направлению к ресторану Гаспи, который, как совсем недавно узнал Клайд, считался лучше Фриссела. Гортензия то и дело останавливалась и заглядывала в витрины магазинов: ей необходимо подыскать себе зимний жакет, сказала она. Тот, что на ней, уже совсем износился, ей нужен новый. Это рассуждение заставило Клайда призадуматься: не намекает ли она, что именно он должен купить ей жакет? И не станет ли она уступчивей, если он купит для нее вещь, которая ей так необходима?

Вот и магазин Рубинстайна, и ярко освещенная витрина, и шубка во всей красе. В соответствии с заранее обдуманым планом Гортензия остановилась.

— Ах, посмотрите, что за прелесть этот жакетик! — воскликнула она, разыгрывая такое восторженное изумление, словно впервые увидела эту вещь и была внезапно поражена ею. — Видали вы когда-нибудь такую миленькую, прелестную, изящную шубку? — продолжала она, причем ее актерские таланты возрастали вместе с желанием получить жакет. — Вы только взгляните, какой воротник, рукава! А какие карманы! Просто поразительно! Мне ужасно хочется погреть в них руки!

Она исподтишка покосилась на Клайда, стараясь подметить, производит ли это на него должное впечатление.

А Клайд, возбужденный ее восторгом, с любопытством разглядывал жакет. Бесспорно, хорошенькая шубка, даже очень. Да, но сколько она может стоить? Пожалуй, Гортензия так горячо расхваливает этот жакет для того, чтобы Клайд его купил? Но ведь это же, наверно, долларов двести, не меньше. Клайд понятия не имел, сколько стоят такие вещи. Ему это, конечно, не по карману. Особенно теперь, когда мать берет значительную часть его доходов для Эсты. Но что-то в тоне Гортензии убеждало, что именно этого она от него и ждет. Сначала он похолодел и чуть не лишился дара речи. И в то же время с грустью говорил себе, что, если Гор-

тензия захочет, она, конечно, найдет кого-нибудь, кто купит ей жакет, — хотя бы этот Том Кири, о котором она только что рассказывала. К несчастью, она именно из таких девушек. Если он не купит ей эту вещь, так купит кто-нибудь другой, и тогда она станет презирать Клайда за то, что он не смог сделать это для нее.

К его великому смущению и ужасу, она воскликнула:

— Чего бы я только не дала за такой жакет!

Она не собиралась в ту минуту прямо ставить вопрос: ей хотелось возможно тактичнее внушить Клайду мысль, которая глубоко засела в ее мозгу.

И как ни был Клайд неопытен и неискушен, он все же прекрасно понял значение ее слов. Значит... Значит... в ту минуту он даже в мыслях не хотел точно и ясно назвать, что это значит. Теперь... Теперь... если б только узнать цену этой вещи! Он понимал, что Гортензия обдумывает способ добыть жакет. Но как ему все устроить? Как? Если б только он мог купить этот жакет или хотя бы пообещать, что купит его, скажем, к определенному сроку (лишь бы он стоил не слишком дорого!). Но что тогда? Хватит ли у него храбрости намекнуть ей сегодня или, скажем, завтра, после того как он узнает цену жакета, что, если она согласится... тогда... ну тогда он купит ей этот жакет или что-нибудь еще, что ей только захочется. Но он должен быть уверен, что она не оставит его в дураках, как бывало в менее важных случаях. Нет, он не желает потратить деньги на жакет и ничего не получить взамен! Ни за что!

Эти мысли так волновали его, что он холодел и дрожал, стоя рядом с Гортензией. А она, глядя на жакет, думала, что, если у Клайда не хватит ума так или иначе сделать ей этот подарок и догадаться, как именно она намерена расплатиться, — ну, тогда с ним будет покончено. Пускай не воображает, будто она станет тратить зря время с человеком, который не может или не хочет ради нее раскошиться. Ни за что!

Они пошли дальше, к Гаспи. И во время обеда Гортензия почти ни о чем больше не говорила, только об этой шубке: какая она миленькая и как великолепно будет выглядеть на Гортензии.

— Можете мне поверить, — сказала она вызывающе, чувствуя, что Клайда одолевают сомнения, — уж я найду способ его приобрести, этот жакет. Они, верно, согласятся на рассрочку, если я поговорю с самим Рубинстайном и если первый взнос будет достаточно большой. Одна продавщица из нашего магазина именно так и купила пальто, — быстро сочинила она, надеясь, что это убедит Клайда ей помочь.

Но Клайд, в страхе перед непомерным расходом, не решился сказать ей, что же он намерен делать. Он совершенно не представлял себе, сколько стоит этот жакет: пожалуй, двести, даже триста долларов, — и боялся взять на себя обязательство, которых потом не сумеет выполнить.

— А вы не знаете, сколько может стоить такая вещь? — сказал он нервно, думая при этом, что, если он даст ей деньги, не получив одновременно никакой гарантии с ее стороны, — какие у него будут основания ожидать взамен чего-то большего, чем все, что он получал до сих пор? Ведь она так умеет подъехать к нему, когда хочет получить какую-нибудь вещь, а потом не позволяет даже поцеловать себя! Он краснел и внутренне негодовал, думая о том, как она уверена, что может им играть. И, однако, вспоминал он, ведь она сейчас сказала, что готова на все для того, кто поможет ей получить этот жакет, — кажется, так и было сказано.

— Не знаю. — Она сперва поколебалась, спрашивая себя, назвать ли настоящую цену жакета или немножко прибавить.

Если она попросит о рассрочке, мистер Рубинстайн может поднять цену. А если назвать слишком большую сумму, не откажется ли Клайд помочь?

— Но, конечно, не больше, чем сто двадцать пять долларов, — прибавила она. — Больше я бы не заплатила.

Клайд вздохнул с облегчением. Все-таки это не двести и не триста. Он подумал, что если она сумеет добиться по-сильных условий рассрочки, — скажем, первый взнос в пятьдесят или шестьдесят долларов, — то он как-нибудь соберет такую сумму в две-три недели. Но если надо уплатить сразу все сто двадцать пять долларов, Гортензии придется подождать, а кроме того, нужно точно и определенно знать, получит ли он настоящую награду.

— Прекрасная мысль! — воскликнул он, не объясняя, однако, чем она ему так нравится. — Почему бы и нет? Почему бы вам не узнать сперва, сколько они хотят за жакет и на каких условиях дадут рассрочку? Пожалуй, я мог бы вам помочь!

— Ох, это было бы просто чудесно! — Гортензия захлопала в ладоши. — Правда, поможете? Вот шикарно! Ну, теперь я знаю, что у меня будет жакет. Я знаю, мне дадут рассрочку, я уж сумею уговорить кого надо.

Как предвидел и опасался Клайд, она уже совершенно забыла, что сможет купить жакет только благодаря ему. Теперь все пойдет так, как он и думал. Он заплатит за жакет, а она примет это как должное.

Но через минуту, заметив, что он помрачнел, Гортензия прибавила:

— Вы ужасно милый, вы — душенька, что хотите помочь мне! Будьте уверены, я этого не забуду. Вот подождите и увидите. Вы не пожалеете! Только подождите!

Ее глаза искрились весельем и благосклонностью. Хоть он и слишком юн и мягок, зато не скряга, и она его вознаградит; это решено. Как только она получит жакет, через неделю, самое позднее через две — она будет очень мила с ним... кое-что для него сделает. И чтобы Клайд лучше понял, что она думает, она остановила на нем многообещающий взгляд, придав глазам самое нежное и томное выражение. От этой ее игры в романтику Клайд растерялся и стал нервничать. Он даже испугался немного, вообразив, что этот взгляд выдает бурную страсть, на которую он, возможно, не сумеет ответить. Теперь он чувствовал себя слабым перед Гортензией и немного трусил, представляя себе, что же такое ее настоящая любовь.

Тем не менее он заявил, что если жакет стоит не дороже ста двадцати пяти долларов и можно будет уплатить их в три срока (первый взнос двадцать пять долларов и затем два взноса по пятидесяти), то он возьмет это на себя. А Гортензия, со своей стороны, ответила, что завтра же все узнает. Может быть, мистер Рубинстайн согласится отдать ей жакет, как только она внесет первые двадцать пять долларов; или хотя бы в конце второй недели, когда будет уплачено почти все.

И когда они выходили из ресторана, Гортензия, по-настоящему благодарная Клайду, с кошачьим мурлыканьем шепнула ему, что она этого никогда не забудет, — он сам увидит... а жакет она наденет в первый раз для встречи с ним. Если он будет свободен, они пойдут куда-нибудь пообедать. И уж наверно жакет будет у нее ко дню прогулки в автомобиле; Клайд, или вернее, Хегленд, как будто назначил эту прогулку на следующее воскресенье, но может быть, ее еще отложат?

Гортензия предложила отправиться в дансинг и, танцуя, так недвусмысленно льнула к нему, что Клайд, чувствуя ее настроение, начал слегка дрожать и путаться в танце.

Наконец он пошел домой, в душе заново переживая этот день и радуясь, что сможет без труда уплатить первый взнос за жакет, даже если потребуются и пятьдесят долларов: подстрекаемый обещанием Гортензии, он решил занять двадцать пять долларов у Ретерера или Хегленда и вернуть долг после того, как за жакет будет уплачено сполна.

Но, ах, как хороша Гортензия! Что за прелесть, какое безграничное, неотразимое, покоряющее очарование от нее исходит! И подумать только, что наконец — и уже скоро — она будет принадлежать ему. Поистине осуществление грез — невероятное становится реальным!

ГЛАВА XVI

Верная своему обещанию, Гортензия на следующий день снова заглянула в магазин Рубинстайна и с присущей ей хитростью, со многими оговорками объяснила, что за трудная задача стоит перед нею. Нельзя ли ей как-нибудь получить жакет за сто пятнадцать долларов в рассрочку, на не слишком тяжелых условиях? Мистер Рубинстайн торжественно покачал головой. Здесь не продают в рассрочку. Если б он хотел вести дело таким образом, он оценил бы жакет в двести долларов и без труда их получил бы.

— Но я могу сразу же заплатить пятьдесят долларов, если вы дадите мне жакет.

— Очень хорошо. Но где гарантия, что я получу остальные шестьдесят пять, и когда я их получу?

— Через неделю вы получите двадцать пять, еще через неделю следующие двадцать пять и на третью неделю пятнадцать.

— Прекрасно. Но, предположим, вы возьмете у меня жакет, а на другой день вас задавит автомобиль. Что тогда? Как я получу мои деньги?

На это трудно было возразить. В самом деле, как она докажет, что кто-нибудь заплатит за ее жакет? И потом надо еще возиться с письменным обязательством и найти солидного человека, — скажем, банкира, — который за нее поручится. Нет, нет, в магазине Рубинстайна не торгуют в кредит. Здесь надо платить наличными. Вот почему ей уступают жакет за сто пятнадцать долларов, но — ни на доллар меньше. Ни на доллар!

Мистер Рубинстайн вздыхал и говорил, говорил. В конце концов Гортензия спросила: что, если она принесет ему семьдесят пять долларов наличными, а остальные сорок обязуется уплатить через неделю? Отдаст ли он ей тогда жакет, позволит ли забрать его?

— Но неделя... неделя... Ну что такое одна неделя? — убеждал мистер Рубинстайн. — Раз вы можете принести мне семьдесят пять долларов на следующей неделе или завтра, а следующие сорок через неделю или через десять дней, так почему бы вам не подождать неделю и не принести сразу все сто пятнадцать? Тогда жакет ваш — и никакого беспокойства. Оставьте жакет за собой. Заплатите мне завтра двадцать пять — тридцать долларов в счет суммы, и я сниму жакет с выставки и отложу его для вас. Никто даже не увидит его. Через неделю или две принесите мне остальное — тогда он ваш.

Мистер Рубинстайн объяснял все это как некий сложный процесс, едва доступный пониманию. Но его доводы были вполне основательны. Гортензии нечего было возразить. И она совсем приуныла. Подумать только, что она не может получить жакет сразу. Но, едва выйдя из магазина, она приободрилась. В конце концов, время пройдет быстро, и, если Клайд сдержит свое обещание, жакет будет у нее. Главное теперь получить от Клайда эти двадцать пять — тридцать долларов и тем самым закрепить замечательную сделку с Ру-

бинстайном. Только теперь ей к новому жакету нужна и новая шляпа, поэтому она скажет Клайду, что жакет стоит не сто пятнадцать долларов, а сто двадцать пять.

Результат разговора был сообщен Клайду, и он, обдумав сделку в целом, нашел ее благоразумной. Он сразу вздохнул с облегчением: после предыдущего разговора с Гортензией он был серьезно озабочен, так как не видел никакой возможности достать на первую неделю больше тридцати пяти долларов. Следующая неделя будет несколько легче, уверял он себя, он тогда постарается занять двадцать или двадцать пять долларов у Ретерера, еще двадцать или двадцать пять дадут чаевые, и в целом этого будет достаточно для второго платежа. А на третьей неделе он попробует занять хотя бы десять или пятнадцать долларов у Хегленда, может быть и больше, а если этих денег не хватит, — заложит за пятнадцать долларов свои часы, купленные несколько месяцев назад. За них, конечно, дадут не меньше пятнадцати: они стоили пятьдесят.

Да, но ведь есть еще Эста, сестра, она сидит там в жалкой комнатке и ожидает несчастной развязки своего единственного романа. Как она справится со всеми расходами, невольно спрашивал он себя, хоть и боялся, что его втянут в денежные затруднения Эсты и всей семьи. Отец не способен помочь матери в денежных делах, да и никогда не помогал. Что, если эту нелегкую задачу попробуют взвалить на него, Клайда? Как он выпутается? И почему отец вечно канителится с торговлей часами и ковриками и проповедует на улицах? Почему родители не откажутся, по крайней мере, от затеи с миссией?

Но он знал, что семья не выпутается без его помощи. Подтверждение явилось в конце второй недели его соглашения с Гортензией. Он как раз одевался у себя в комнате, и в кармане у него лежали пятьдесят долларов, которые он хотел передать Гортензии в воскресенье; и тут к нему заглянула мать.

— Мне нужно поговорить с тобой, Клайд, прежде чем ты уйдешь, — сказала она.

Он заметил, что она очень озабочена. Правда, последние дни он чувствовал, что у нее какие-то серьезные огорчения.

Однако в то же время он говорил себе, что у него сейчас слишком много обязательств и ему нечем помочь матери. Помочь ей — значит потерять Гортензию. Он не может на это пойти!

Но какие разумные оправдания можно привести, отказывая матери в небольшой помощи, тем более, что он так хорошо одет и так упорно исчезает по вечерам из дому? Он постоянно ссылается на неотложную работу в отеле, но, вероятно, мать не очень обманывается на этот счет. Правда, всего два месяца назад он обязался платить в течение девяти недель по десять долларов в неделю вместо пяти, и платит. Но это, наверно, только доказало, что у него есть лишние деньги, хотя он и пытался объяснить тогда, насколько этот расход для него стеснителен. А теперь он и хотел бы пойти навстречу матери, но не может, — препятствует неодолимое влечение к Гортензии.

Немного спустя Клайд вышел в гостиную, и мать, как обычно в таких случаях, повела его в помещение миссии, холодное и мрачное в те дни, и они сели на одну из скамей.

— Я не думала, что мне придется говорить с тобой об этом, Клайд, но у меня нет другого выхода. Мне не на кого больше положиться, а ты теперь взрослый мужчина. Только ты должен обещать, что никому ничего не скажешь — ни Фрэнку, ни Джулии, ни отцу. Я не хочу, чтобы они знали. Эста вернулась в Канзас-Сити, она в очень печальном положении, и я просто не знаю, как с ней быть. У меня так мало денег, а отец мне уже почти не помощник.

Она устало, озабоченно провела рукой по лбу, и Клайд уже знал, что за этим последует.

Сперва он хотел сделать вид, будто не знает о возвращении Эсты, раз уж он так долго притворялся. Но теперь, выслушав признание матери и зная, что, если он хочет лгать и дальше, надо притвориться удивленным, он вдруг сказал:

— Да, я знаю.

— Знаешь? — с удивлением переспросила мать.

— Да, знаю, — повторил Клайд. — Я видел, как ты раз утром зашла в дом на Бодри-стрит, я случайно там проходил, — объяснил он довольно спокойно. — А потом я увидел Эсту, она выглянула из окна. И когда ты ушла, я зашел к ней.

— Когда же это было? — спросила миссис Гриффитс просто для того, чтобы выиграть время.

— Месяца полтора назад, если не ошибаюсь. Я потом еще раза два к ней заходил. Но Эста не хотела, чтобы я об этом рассказывал.

Миссис Гриффитс сокрушенно вздохнула.

— Значит, ты знаешь, в чем ее несчастье? — спросила она.

— Да, — ответил Клайд.

— Что ж, чему быть, того не миновать, — сказала она покорно. — Ты ничего не говорил Фрэнку и Джулии?

— Нет, — успокоил ее Клайд, думая о том, как неудачно окончилась попытка матери скрыть случившееся.

Она, как и отец, совсем не умела лгать. Клайд полагал, что сам он куда хитрее их обоих.

— Ты и не говори им, — строго предупредила мать. — Им, по-моему, не следует об этом знать. И без того плохо, — прибавила она, и рот ее искривила горькая гримаса.

А Клайд слушал ее и думал о себе и о Гортензии.

— Прямо не верится, что Эста навлекла на себя и на всех нас такое горе, — прибавила мать, помолчав, и глаза ее затуманились печалью. — Разве есть тут наша вина? Разве не дано ей было совсем иное воспитание? «Путь грешника...»

Она покачала головой и крепко стиснула руки, а Клайд смотрел прямо перед собой, думая о тяжелом положении семьи и о том, как все это может отразиться на нем самом.

Мать сидела, угнетенная и смущенная своей странной ролью в этой истории. Да, она лгала, как лгут многие. И вот Клайду известны все ее хитрости и обманы, и она чувствует себя такой фальшивой и глупой. Но разве она не старалась оберечь Клайда от всего этого — и его и остальных? Клайд уже достаточно взрослый, чтобы ее понять. Однако она продолжает объяснять, почему она так поступила, как ужасно это для нее. И к тому же, поясняет она, эти прискорбные события вынуждают ее теперь обратиться к нему за помощью.

— Эста скоро будет очень больна, — сказала мать отрывисто, с чувством неловкости: она, видимо, не могла или не хотела смотреть в лицо Клайду, однако решила быть по возможности откровенной. — Ей понадобится доктор и кто-нибудь, кто сможет побыть с ней в часы, когда меня не бу-

дет. Мне необходимы деньги, по крайней мере пятьдесят долларов. Ты не достанешь где-нибудь? Попроси у кого-нибудь из твоих новых друзей в долг, на несколько недель. Ты ведь мог бы скоро вернуть долг. Пока не расплатишься, можешь ничего не давать за комнату.

Она таким неотступным, таким требовательным взглядом смотрела на Клайда, что он был потрясен силой и убедительностью этой просьбы. И, прежде чем он успел усугубить тревожную печаль, омрачавшую ее лицо, она прибавила:

— Те, другие деньги, были тоже для нее, понимаешь, чтобы она могла приехать сюда, после того как ее... ее... — Она колебалась в выборе слова, но потом dokonчила: — Муж оставил ее в Питсбурге. Должно быть, она тебе рассказала.

— Да, рассказала, — медленно и печально ответил Клайд. Конечно, положение Эсты совершенно критическое, раньше он просто не хотел об этом думать. — Но как же быть, мама! — воскликнул он. Его мучила мысль о лежавших в кармане пятидесяти долларах (как раз та сумма, которая нужна матери) и о том, для чего они предназначены. — Не знаю, смогу ли я что-нибудь сделать. На работе я всех еще мало знаю, мне не у кого просить займы. Да они и зарабатывают не больше моего. Я мог бы занять немного, только это не очень удобно.

Он запнулся, в горле у него пересохло. Нелегко ему было солгать матери. Ему никогда еще не случалось лгать в таком серьезном деле — и лгать так низко. Ведь пятьдесят долларов в эту минуту здесь, у него в кармане. С одной стороны, Гортензия, с другой — мать и сестра, и деньги эти могут выручить мать, точно так же как Гортензию, но насколько было бы достойнее помочь матери! Как ужасно — не помочь! И как ей отказать? Клайд нервно облизнул губы и провел рукой по лбу: от волнения лицо его покрылось потом. Он чувствовал себя измученным, низким, беспомощным перед тем, что произошло.

— А у тебя самого сейчас не найдется немного денег для меня? — Мать почти умоляла. — Эсте в ее положении необходимы разные вещи, а купить не на что.

— Нет, мама, у меня ничего нет, — сказал он, взглянул на мать, стораая от стыда, и тотчас отвел глаза; и если бы мать

не была так рассеянна в эту минуту, она увидела бы по его лицу, что он лжет.

Клайд ощутил острую боль: он и жалел себя, и вместе с тем презирал, потому что мучился за мать. О том, чтобы отказаться от Гортензии, нечего и думать. Она должна принадлежать ему. Но мать так одинока и беспомощна. Это постыдно. Он в самом деле низок, подл. Не будет ли он после за это наказан?

Он пытался придумать что-то, какой-нибудь способ достать еще немного денег сверх этих пятидесяти долларов. Если бы только у него было чуть больше времени, еще недели две-три! Если бы Гортензия не затеяла покупку жакета как раз теперь!

— Вот что я могу сделать, — сказал он, бессмысленно и тупо глядя мимо матери, которая только горестно вздыхала. — Пять долларов тебе хоть немного помогут?

— Что ж, и это пригодится, — ответила она. — Все-таки лучше, чем ничего.

— Ладно, пять долларов я могу дать, — сказал Клайд, думая возместить эти деньги из новых чаевых и надеясь, что неделя будет удачной. — На той неделе я, может быть, достану еще десять. Сейчас не могу обещать наверняка. Мне пришлось занять часть денег, которые я дал тебе в тот раз, и я еще не все вернул. Если я начну опять просить взаймы, могут подумать... ты же знаешь, как смотрят на такие вещи.

Мать вздохнула. Какое несчастье, что приходится взваливать на сына такую обузу! И как раз теперь, когда он старается выбиться в люди. Как он будет вспоминать об этом впоследствии? Что подумает о ней, об Эсте, о всей семье? Несмотря на все свое честолюбие, смелость и упорное стремление к самостоятельности, Клайд всегда казался ей недостаточно крепким физически, недостаточно устойчивым морально и умственно. И он такой нервный, чувствительный, что порой кажется, будто пошел скорее в отца, чем в нее. Обычно он так легко возбуждается, так быстро устает... все это не слишком полезно и хорошо. И вот она сама — из-за Эсты, из-за мужа, из-за всей их неудачной жизни — заставляет его напрягать силы и нервы.

— Ну, что ж... на нет и суда нет, — сказала она. — Постараюсь найти какой-то другой выход.

Но в ту минуту она не видела выхода.

ГЛАВА XVII

В планах относительно поездки на автомобиле, которую Хегленд при помощи своего друга шофера думал устроить в воскресенье, произошли перемены. Машину — великолепный дорогой «паккард», не что-нибудь — нельзя было взять в условленный день. Ею можно будет воспользоваться только в ближайший четверг или пятницу, или уж придется совсем отказаться от поездки.

Всем еще раньше объяснили, — это была только часть истины, — что машина принадлежит некоему мистеру Кимбарку, старому и очень богатому джентльмену (он в это время путешествовал по Азии). Но истина заключалась в том, что приятель Хегленда, Спарсер, был вовсе не шофером, а просто бездельником, беспутным сыном управляющего одной из молочных ферм мистера Кимбарка. Этому молодцу очень хотелось изобразить из себя нечто большее, чем сына простого управляющего фермой; временно заменяя сторожа и потому имея доступ в гараж, он решил взять самую лучшую машину и покататься на ней.

Хегленд подал мысль устроить вместе с друзьями по отелю какую-нибудь веселую прогулку. Но когда все уже были приглашены, пришло известие о скором приезде мистера Кимбарка, и Уиллард Спарсер, опасаясь, как бы хозяин не застал его врасплох, решил, что, пожалуй, больше не стоит пользоваться машиной. Когда же он рассказал о неожиданном препятствии Хегленду, нетерпеливо мечтавшему об этой поездке, тот отверг все доводы Спарсера. Почему бы не воспользоваться автомобилем еще разок? Он уже взбодоражил всех своих друзей и не хотел бы их разочаровать. И поездку назначили на пятницу, когда Хегленд и его друзья будут свободны от полудня до шести вечера. А так как у Гортензии были теперь свои расчеты, она согласилась сопровождать Клайда, который, разумеется, тоже был в числе приглашенных.

Но, как пояснил Хегленд Ретереру и Хигби, машину берут без согласия владельца, поэтому лучше встретить ее где-нибудь подальше, на одной из тихих улиц вблизи Семнадцатой и Западного проспекта: оттуда они направятся к месту, где удобнее встретить девушек, а именно к Двадцатой и Вашингтон-стрит. Дальше поедут по Западной парковой дороге через мост Ганнибала в направлении на северо-восток к Гарлему, Северному Канзас-Сити, Майнавилу и через Либерти и Мосби к Экселсиор-Спрингс. Главной целью их поездки была маленькая, открытая круглый год гостиница «Вигвам», что в миле или двух от Экселсиора; «Вигвам» был одновременно и рестораном, и дансингом, и отелем. Тут можно было танцевать под граммофон и пианолу. Сюда нередко приезжали компании молодежи; Хегленд и Хигби уже не раз бывали в «Вигваме» и уверяли, что это превосходное местечко. Кормят хорошо, дорога прекрасная. Около дома протекает маленькая речка: летом там можно кататься на лодке и удить рыбу, а зимой, когда речка замерзает, — бегать на коньках. Правда, сейчас — в январе — дорога засыпана снегом, но проехать не трудно, и кругом очень красиво. Неподалеку от Экселсиора есть маленькое озеро, замерзающее в это время года, и, по мнению неумного фантазера Хегленда, там можно покататься.

— Послушайте только, что он предлагает: тратить драгоценное время на какие-то коньки! — цинично заметил Ретерер: с его точки зрения, смысл прогулки заключался отнюдь не в спортивных развлечениях, а только в уходе за спутницами.

— А ну, к черту! Никакой хорошей идеи нельзя предложить, сразу зубы скалят, — возмутился автор идеи.

Единственный из всей компании, кто, кроме Спарсера, терзался опасениями, как бы поездка не кончилась плохо, был Клайд. С самого начала, узнав, что машина принадлежит не Спарсеру, а его хозяину, Клайд расстроился и даже возмутился. Он против того, чтобы брать чужое хотя бы даже только на время! Мало ли что может случиться. Их могут изболбить.

— А ты не думаешь, что нам опасно ехать на этой машине за город? — спросил Клайд Ретерера за несколько дней до

прогулки, когда окончательно понял, каким путем они получают автомобиль.

— А что тут такого? — ответил Ретерер; он уже привык к таким проделкам, и они его мало беспокоили. — Ведь не я беру машину и не ты. Если Спарсер хочет взять ее, так это его дело, — верно? Раз он пригласил меня прокатиться, я поеду. Почему бы нет? Мне нужно только одно — вернуться вовремя. Остальное меня мало трогает.

И Хигби, подошедший к ним в эту минуту, высказался в том же духе. Но Клайд все-таки беспокоился. Вдруг из этой затеи выйдет что-нибудь неладное, тогда его еще, пожалуй, уволят. Но прокатиться вместе с Гортензией и другими девушками и приятелями в такой прекрасной машине слишком большой соблазн: он не мог устоять перед искушением.

В пятницу, тотчас после полудня, все приглашенные собрались в условленных местах: Хегленд, Ретерер, Хигби и Клайд — на углу Семнадцатой и Западного проспекта, Майда Акселрод — подруга Хегленда, Люсиль Николас — подруга Ретерера и Тина Когел — подруга Хигби, которая привела с собой Лору Сайп (Лора предназначалась в дамы Спарсеру), — на углу Двенадцатой и Вашингтон-стрит. А Гортензия в последнюю минуту известила Клайда, что ей нужно зайти домой, и просила заехать за ней на угол Сорок девятой и Дженеси-стрит; компания согласилась на это не без воркотни.

Стоял конец января; день был серый, низкие облака грозили снегопадом, а так приятно и интересно смотреть на падающий снег, когда сидишь в закрытой машине, и потому всем очень хотелось полюбоваться этим зрелищем.

— Вот бы хорошо! — воскликнула Тина Когел, когда кто-то сказал, что может пойти снег.

— О, я обожаю смотреть, как падает снег! — подхватила Люсиль.

Машина понеслась по Уэст-Блаф-Роуд, Вашингтон-стрит и Второй, переехала через мост Ганнибала, миновала Гарлем и помчалась дальше берегом реки, — извилистой дорогой, вдоль которой, точно на страже, стояли холмы, — к Рэндолфским высотам, а затем мимо Мосби и Либерти. Здесь

дорога стала лучше. Мелькали живописные домики и покрытые январским снегом холмы.

Клайд, который за всю свою жизнь в Канзас-Сити ни разу не ездил дальше Канзаса, расположенного к западу от Канзас-Сити, или дальше девственных лесов Суоп-парка на востоке, равно как и не ездил вдоль рек Канзас или Миссури дальше местечка Аргентина или дальше Рэндолфских высот, — был в восторге; эта поездка казалась ему настоящим путешествием. Это было так непохоже на привычные будни. И Гортензия была весела, благодушно настроена. Она уютно устроилась рядом с ним и не запротестовала, когда Клайд, видя, что остальные обняли своих спутниц, тоже обвил ее стан рукой и привлек поближе к себе. Наоборот, взглянув на Клайда, она сказала:

— Кажется, мне придется снять шляпу.

Все засмеялись. В Гортензии была какая-то пикантная живость, порою очень забавная. Кроме того, она причесалась по-новому, это ей очень шло, и ей не терпелось показать всем свою новую прическу.

— А потанцевать там где-нибудь можно? — спросила она, не обращая ни к кому в отдельности.

— Верней верного! — сказал Хигби, который уже убедил Тину Когел тоже снять шляпу и крепко прижал девушку к себе. — Там есть пианола и граммофон. Жаль, я не сообразил взять свой кларнет. Я умею играть «Дикси».

Машина с головокружительной быстротой неслась по заснеженной дороге, среди белых полей. Спарсер, воображая себя опытным шофером, а в эту минуту еще и подлинным владельцем машины, хотел испытать, с какой скоростью он может вести ее по такой дороге.

Темные виньетки лесов мелькали справа и слева. Проносились мимо поля, стражи дороги — холмы вздымались и спадали, как волны. Мелькнуло пугало, стоявшее у самой обочины: широкие рукава его трепал ветер, полусгнивший цилиндр съехал набок. С поля поднялась стая ворон и полетела к дальнему лесу — его темные неровные очертания едва виднелись на фоне снежных просторов.

Спарсер сидел за рулем с таким видом, словно вести эту великолепную машину для него самое обычное дело; рядом